

MBI

1/90

ISSN 0236-3283



Вот, наконец, и вышел в свет
первый, долгожданный номер
журнала «Мы».

Долгожданный для подписчиков,
читателей — вы надеялись,
что он будет в январе или,
во всяком случае, в начале года.
Поверьте, мы тоже очень хотели
этого, но... не все в наших силах.

Конечно, можно найти много причин,
в том числе объективных и достаточно
убедительных, чтобы оправдаться.

Наверное, все же будет более
правильно просто принести всем вам
свои извинения и попросить вас
помочь нам — набраться терпения
поверить нашему честному слову,
что все запланированные двенадцать
номеров, как и положено,
выйдут в этом году.

Вы оказали нам большое доверие,
подписавшись на журнал, который
еще только создавался, поверили
в него и отдали ему свои симпатии.

Вас много — почти два миллиона,
— молодых, юных, тех, кому нужен
свой журнал. За вами будущее.

А значит, будет будущее и у вашего
журнала. Потому что «Мы»
— это журнал для вас.

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ

Макет и оформление
Григорий Терзмбабянц

Технический редактор
Ольга Лазарева

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
имени В. И. ЛЕНИНА

© «Мы» 1991
Издательство «Детский советский детский фонд
имени В. И. Ленина»
Адрес: 101963, Москва, Армянский переулок, 11/24
Телефон: 924 00 51

Иллюстрации и фотографии
Л. И. Ильяшенко
Литературная обработка
Л. И. Ильяшенко

Отпечатано на
предприятии
В. О. Венторгиэ

1/90

МЫ

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗМЫШЛЯЕМ ВМЕСТЕ

«Ты можешь помочь себе только сам...» Беседа с матерью Андрея Стебунова, погибшего в Аф- ганистане	4
--	---

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Валерий Алексеев. Паровоз из Гонконга. Повесть	20
Валентин Берестов. «Цвет цветы юности моя...» Стихи	74
Лидия Чарская. Ради семьи. Повесть	88
Марина Москвина. Сейчас он придет и будет ве- село. Рассказ	170
Проба пера. Вика Ветрова. «Я болею стихами...»	129
Борис Буковский. Кнопка. Рассказ	132

ВЕЧНАЯ КНИГА

Вавилонская башня. Библейские легенды. Предисло- вие Корнея Чуковского	135
---	-----

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО...

«Во-первых» и «во-вторых» Алины Ильичевой	79
Письма в «Мы»	86
Инна Руденко «Мне тридцать пять лет, я уже...» Размышления о мифах и реалиях твоего поколе- ния	148

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ

Вольдемар Балязин. Откровения простака-Ричарда. Маленькие истории из жизни Вениамина Франк- лина	173
--	-----

РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ	160
----------------------------	-----

ТУСОВКА	183
-------------------	-----

ОБРАЩЕНИЕ К ВАМ



Альберт ЛИХАНОВ,
писатель,
председатель Правления
Советского
детского фонда
имени В. И. Ленина

«МЫ»?

Кто такие МЫ?

Или, вернее, кто такие ВЫ?

Вы — которым сегодня 13, 14, 15, 16, 17...

Вы — которые твердо верят, что они уже взрослые, мудрые, самостоятельные, все на свете постигшие, все на свете умеющие, всезнающие, всеведущие... Вы — для кого мир открыт с четырех сторон, а ветры в нем дуют молодые и резкие, пропахшие бензином и все-таки лесом, дымом заводов и все-таки свежей травой, канцерогенами и все-таки цветами... Вы — кому входить в этот мир и брать его в свои руки...

Нам — старшим, взрослым, вашим отцам и дедам — совсем небезразлично, какими они будут — руки, которые возьмут мир.

Сильными — несомненно.

Уверенными — обязательно.

Умелыми — иначе быть не должно. Чистыми — да, да, да! Извечное желание отцов: пусть дети станут лучше нас, пусть пойдут дальше, поймут точнее, сделают больше. Пусть не повторяют тех ошибок, что сделали мы, и своих поменьше натворяют, хорошо бы так...

А еще очень хочется, чтобы ВЫ были добрыми. Сказано классиком: красота спасет мир. Позволю себе добавить: его не спасти без доброты, без милосердия. Слишком

много зла — и наша в том вина! — знает он, хрупкий наш мир, слишком много горя пережили мы за минувшие долгие и непростые десятилетия, и плохо, коли горе озлобило людей, заставило забыть, что они — люди. Очень хочется, чтобы ВЫ всегда помнили о том...

Старая-престарая книга, известная сотням поколений под кратким именем «Библия», несет в себе — коли отрешиться от крепких атеистических шор! — вечные, непреходящие нравственные устои, соблюдая которые, человек умеет остаться человеком, несмотря ни на какие испытания, человеком мудрым и сильным, надежным и здоровым, но, главное, добрым и милосердным. Заметьте: я назвал «Библию» — именно книгой, можно добавить — для чтения, для учения, для повторения, даже для поклонения, ибо человеку — если он, повторяю, человек! — всегда свойственно поклоняться книгам, которые учат добру. Не кривитесь при слове «учат». Лишь скверные книги слащавы и назидательны, хорошие же умеют учить исподволь, ненавязчиво и, главное, увлекательно...

Есть расхожее мнение, что ВЫ не любите читать, что кино и телевидение заменило ВАМ журнал и книгу, слово написанное вытеснено из ВАШЕЙ жизни словом произнесенным. Не верю, не хочу верить!

Значит, просто ВЫ еще не нашли свою литературу, свое слово, написанное, а оно давно написано для ВАС и еще много раз будет написано, и наша обязанность — помочь ВАМ обрести его. А уж полюбить его, не расставаться с ним — ВАШЕ дело...

Для того и рожден журнал «МЫ», названный ВАШИМ именем. За минувшие семь с лишним десятилетий истории страны и ее литературы читатели — реальные и потенциальные, чей возраст издавна назывался отрочеством, впервые получают собственный толстый литературный — еще раз подчеркну: именно литературный! — журнал. Убежден, что в нем ВЫ — любой из ВАС! — найдете для себя то самое слово, которое тронет душу, не оставит равнодушным сердце, а стало быть, сделает ВАС чуточку добрее, мудрее, взрослее. Пусть так...

А что это будет: роман или повесть, рассказ или стихи — ВАШ выбор.

Вот и выходит: счастливого ВАМ выбора!..

Сыну Валентины Федосеевны Андрею Стебунову было двадцать, когда он погиб в Афганистане, не пробив там и двух месяцев. Вертолет, в котором военный переводчик младший лейтенант Стебунов возвращался вместе с афганским генералом с очередного задания, рухнул от первого же попадания снаряда...

Что можно успеть в двадцать лет? Не много. Например, выучить сложный язык за год, пройдя ускоренный курс обучения в институте. А перед этим закончить десятилетку и музыкальную школу. Еще раньше, в девять лет, самостоятельно написать музыкальную пьесу в честь окончания войны во Вьетнаме. И, конечно же, много мечтать о будущем, непременно хорошем и необычном. Но не просто мечтать, а и готовиться к этому будущему: воспитывать в себе трудолюбие, доброжелательность, ответственность, преданность. Готовиться к дороге долгой и трудной. И тут...

**РАЗМЫШЛЯЕМ
ВМЕСТЕ**

«ТЫ МОЖЕШЬ ПОМОЧЬ СЕБЕ ТОЛЬКО САМ...»

С этих слов Валентина Федосеевна и начала разговор с нашим корреспондентом.

— Нет, это не просто красивая фраза. Заложенная в ней психологическая установка всегда, во все времена была ориентиром для юных.

С чего же нужно начать помогать себе? Думаю, с самого главного, без чего не может быть полноценной личности. Что же это?— спросите вы меня. Отвечу: умение уважать себя, ценить свое человеческое достоинство.

Но сначала, конечно же, нужно обрести его! Для этого, на мой взгляд, необходимы три вещи, точнее, три навыка: самоанализ, самообучение и самовоспитание. Уметь критически оценивать собственные поступки, побуждать себя учиться хорошему, нужному, или же не позволять себе поступать дурно,— все это может доставить человеку ни с чем не сравнимую гордую радость: «Я властвую над собой!» Что, убеждена, куда важнее, достойнее, слаще, чем властвовать над другими.



Вы только представьте себе общество, в котором все люди добровольно и осознанно занимаются самосовершенствованием... Это вовсе не утопия, не фантастический «Город солнца» Кампанеллы. Из личного самоуважения каждого отдельного гражданина складывается уважающее себя общество. А это основа его процветания. Ведь никто тогда не согласится плохо работать, дурачить других или быть одураченным самому, прослыть нечестным, оказаться иждивенцем.

С чего же, на мой взгляд, начинается самосовершенствование? Самовоспитание человека предполагает прежде всего вырабатывание в себе потребности трудиться, создавать что-то своими руками, к любой работе подходить творчески. Ибо только творчество способно превратить труд в удовольствие, а нам — обрести крылья, заразиться мечтой. Наконец, заставить любить жизнь вопреки всем болям и тяготам, несмотря на разочарование и отчаяние.

В доказательство сошлюсь на собственный опыт. Когда погиб мой сын, я слегла на целых восемь месяцев, я не соглашалась лечиться, сознательно отказалась от операции. И вдруг однажды мне захотелось как-то выразить все то, что творилось у меня в душе... И я — представьте себе! — стала писать стихи. Неумелые, может быть, нескладные. Но это так захватило меня! Я как бы приобщилась к горю и страданиям неизвестных мне матерей погибших в том же Афганистане мальчишек. И я поняла, что не имею права считать свою жизнь бессмысленной, что о нашей боли должны узнать как можно больше людей.

И чтобы они не просто жалели нас, сочувствовали, но и пытались понять, как это страшно и несправедливо — бессмысленная война, смерть на чужбине.

Отцы и матери погибших
на чужбине
Хотели б знать, по чьей вине
Придется доживать свой век
в кручине,
И беззащитными нам быть
по чьей вине?..

Это сегодня мы смело, без оглядки говорим о том, что гибель наших детей в Афганистане была варварским жертвоприношением. А тогда, в восемьдесят третьем... Размышлять об этом вслух решались лишь те, кто возвращался оттуда.

К чему я это? А к тому, что личность аналитически относится не только к собственным поступкам. Личность никогда не превращается в бездумного исполнителя чужой воли, чужих интересов — и в рамках дворовой компании, и в масштабах государства. Не выполняет слепо команды и призывы. Но этим качеством души и сердца не овладевают сразу, вдруг...

Корреспондент: Предвижу возражение вашей юной аудитории. Действительно, как можно стать личностью в обществе традиционного обезличивания? Ведь мы воспитывались в детских садах, обучаемся в школах, нам предстоит служба в армии, и везде, как известно, делается немало, чтобы эту самую личность подавить, снівелировать, привести к общему знаменателю. Поколение, имеющее жизненный опыт и реальную власть, но до сих пор не сумевшее осуществить кардинальные перемены в жизни общества,

дает нам сегодня рекомендации — как жить по-новому!

— Да, мне знакомы подобные возражения, уже не однажды слышала все это в беседах с теми же ребятами-«афганцами». Что ж, вы вправе предъявлять нам сегодня свой счет: выражать недоверие, спрашивать за ошибки... Но только не вправе, убеждена, заражаться неверием, цинизмом.

Тем, кто готов исправлять и верить, сегодня понадобятся не только решительность и новое мышление. Важно возвращать в себе милосердие, снисхождение. Милосердие к нам, к обманутому поколению. Да, мы многого не сумели, не поняли, о многом лишь догадывались. И это не только вина, но и беда наша, боль! Простите нас, мы не смогли дать вам того, что должны были бы дать. Нам было очень трудно. Это сегодня так откровенно и смело вскрываются «белые пятна» истории, анализируется политика того времени, критикуются ошибки и некогда неприкасаемые авторитеты. Мы же тогда даже в школе боялись о многом говорить вслух.

Обвинять нас? Да, мы позволили одурачить себя, не распознав зла и неправды, затмив разум фанатичным «уря — уря, славься!» Но справедливо и то, что мы истово верили! Сейчас вот иные из молодых прямо гордятся своим цинизмом. А вы спросите: им хорошо, устойчиво в этом мире?

И тут же каждый должен помочь себе сам. Ведь отрицание авторитетов, протест в равной степени могут стать как разрушительной, так и созидательной силой. Даже по отношению к самим себе, к собственной личности. В зависимости от того — рождено

ли все это эгоизмом или желанием изменить ситуацию к лучшему?

Поверьте, что, научившись самостоятельно анализировать, делать выводы, извлекать опыт, можно принести стране куда больше пользы, нежели демонстрируя свой пессимизм, яростно дебатировав по каждому поводу. Да, мы не достигли того, о чем мечтали, что обещано было еще на заре эпохи. Более того — откатились назад. Сразу во многом. Но разумно ли перечеркивать все подряд, не отделяя зерна от плевел? Не лучше ли искать альтернативу, достойный выход? Озлобление, а то и злорадство по поводу бед, неудач в отечестве еще никогда не приносили пользы как самому отечеству, так и его гражданам.

Корреспондент: Думаю, Валентина Федосеевна, здесь бы вам тоже возразили. Приблизительно так. Какой прок даже от самого глубокого анализа и объективных выводов, если нет реальной возможности что-либо изменить? Чтобы менять, нужны права на самостоятельность решений и действий, в свою очередь порождающих инициативу, смелость. Необходимы свободный выбор взглядов, программ, объединяющих силы союзов.

Взять тот же комсомол. Согласитесь, авторитет его уже далеко не тот, что был во дни вашей юности. И небезосновательно. Именно обманутыми считают себя те, кто еще не так давно откликнулся с энтузиазмом на каждый призыв «помощника партии». И сегодня нам трудно верить в его «ведущую роль», принимать на веру предлагаемые им авторитеты.

Потому и растут, как грибы,

всевозможные «самодеятельные» союзы. С пестрыми программами, с расплывчатыми идеями, нередко с экзотическими внешними аксессуарами и ритуалами. И... на нас тут же вешают ярлыки, стараются высмеять, заклеить. Еще лучше — запретить! А нам все равно хорошо в этих обществах, группах и группках: в том, что они существуют, объединяют нас по нашей же — не по чьей-то чужой, никому не ведомой — воле, есть частица нашего сердца, нашей мысли, страсти, надежды...

— И это прекрасно! — отвечаю вам я. — Но разве дело только в том, чтобы противопоставить — во что бы то ни стало! — свою идею «официальной», с которой ты не согласен. Лишь разобравшись в себе, утвердившись в задуманном, убеждайте своих оппонентов делом. И если в этой борьбе победит, скажем, не комсомол, то почему бы и нет? Только обязательно верьте! Не можете верить в идею — верьте в себя, в друга, в любимого, в дело свое, наконец! То есть в нечто конкретное, зримое, осязаемое. И делайте, делайте что-нибудь во имя этой веры своей. Вера без дела — ничто, пустота!

Ну а что касается конкретности, то она обязательна во всем: в мыслях наших, побуждениях, в делах и чаяниях. Почему? Да потому, что только четкое представление, ради кого, ради чего мы призываем друг друга к тому или иному движению, побуждаем так или иначе мыслить, чего-то желать, добиваться, — не превратит саму идею в абстракцию, не разорит жизнь поколений обманутыми надеждами.

И начинать делать нужно чем

раньше, тем лучше. С самого малого и простого. С повседневья. В семье своей. Опекая кого-то, заботясь о нуждающемся в этом, беря на себя часть его болей и трудностей. Стремясь доставить ему радость, удовольствие...

...Когда сын мой был еще маленький, где-то четырех с половиной лет, я вдруг тяжело заболела, отнялись ноги. Муж тогда учился в академии и поехал сдавать очередную сессию. Ложиться в больницу мне не хотелось, срывать мужа с экзаменов — тоже. И тогда мой малыш стал мне опорой: ежедневно, трижды в день приходил за полтора километра из сада домой, чтобы разогреть еду и покормить меня. Он и слышать не хотел ни о какой помощи соседок, страшно гордился своей самостоятельностью. И ни разу не опоздал, не нарушил моего больничного режима!

Вначале я возражала, уговаривала его «не отпрашиваться с работы» (так Андрюша называл свое посещение детского сада — «пойду схожу на работу»), переживала, дергалась. Но потом вдруг поняла: это же здорово! И не только потому, что дает мне право гордиться сыном, а в первую очередь для самого мальчика: не на словах и даже не в игре — хотя для него эта ситуация все равно была своего рода игрой — ребенок ощутит всю хлопотность и в то же время ни с чем не сравнимую радость ответственности за другого человека!

Ясное дело, что в этом могли бы помочь родители. И, конечно же, не нотациями, не упреками, а своим доверием, серьезным отношением к вам — как к равным. Да просто воспринимая вас как

полноправных членов семьи! Именно так я поступала с сыном: с малых лет советовалась с ним по любому, самому, казалось бы, незначительному поводу. И что из вещей купить, и куда в выходной пойти или в отпуск поехать. Конечно, мы с мужем в силах были решить это и сами. Но нам важно было знать мнение и желания маленького человечка, который, постепенно становясь большим, развивал в себе чувство причастности к взрослым делам, активное, действенное начало.

Сын подрастал, а его эгоизм — заложенный в каждом человеке самой природой — напротив, уменьшался. Все реже слышала я от него: «купи мне» или «я хочу». Все чаще — «тебе, мама, пошло бы то-то», «я обойдусь, давай лучше купим папе», «что тебе больше хочется», «поступим как все решат»... Все чаще он брал под опеку друзей, даже если они оказывались старше его, физически крепче. Сын всегда считал, что должен кого-то отстаивать, защищать, помогать и быть нужным. А ведь это первый признак развитого в человеке чувства долга, ответственности.

Именно эти качества проявились в Андрюше, когда перед ним встал выбор: ехать в Афганистан или попытаться «словчить», уклониться. Некоторые из его товарищей смалодушничали. Были и такие, что искали и находили «тропинки» (иногда потайные) обратно, назад, в безопасность. Уговаривали и его, убеждая, порой запугивая. А он твердил всем одно: «Но если не я, то кто же?»

Сегодня, к счастью всех матерей, молодых людям не приходится решать для себя нравствен-

ную задачу: исполнять «интернациональный долг» или посвятить жизнь народу? Нет, это не просто «высокий штиль», сегодня жизнь человеческая, ее ценность и смысл видятся всем нам по-новому. Прекрасно и то, что вы, молодые, уже не согласны быть безликой толпой, даже очень единой «народной массой». Не желаете, чтобы за вас решали и думали, распоряжались вашими судьбами, отбирая главное — право на выбор.

Но нельзя забывать и о том, что свобода выбора — прекрасный аргумент в устах пассивных иждивенцев. Разве редко и вам приходится слышать (а то и самим поворчать): того нам не дали, этим не обеспечили, что-то там не построили, не закупили, не завезли... То есть сплошное нытье и жалобы. А я вспоминаю свою юность. Никому и в голову не приходило, что кто-то обязан нам строить, давать, организовывать...

Жили мы тогда в Лужниках, считалось, в рабочем поселке. Собрались как-то своей ребячьей компанией и решили заняться спортом. Где, как? Давайте сами строить площадку: расчищали, таскали песок, утрамбовывали... Построили даже трибуны, сколотили из ящиков. Но вот волейбольную сетку сплести уже не могли. Устроились в соседний совхоз собирать помидоры. Заработали и купили. Не представляете, как горды мы были, как спешили на свой, собственный стадиончик!

А сейчас, скажите, часто ли можно наблюдать подобное рвение и самостоятельность? Даже если и будет где и чем заниматься, так еще не каждый мальчишка выйдет погонять мяч в простых

спортивных трико и кедах. По-давай ему «фирму» за бешеные деньги. Поскольку у нас все это страшный дефицит, приходится родителям на «черном рынке» разоряться. Вспоминаю, как однажды Андрюша, вернувшись из школы, с завистливым вздохом сообщил мне, что его приятелю Валере купили импортные джинсы. Мы хотя и жили достаточно скромно, а все же единственному сыну я уж как-нибудь нашла бы деньги. Но я всегда была против того, чтобы поощрять фарцовщиков и спекулянтов, зарабатывающих нечестным трудом за день столько, сколько отец Андрюши — за месяц. С другой стороны, и огорчать сына не хотелось... И знаете, что я сделала в этой ситуации? Сшила джинсы сама. Со всеми полагающимися «молниями», «строчками» и заклепками. Не пошла против себя, своих принципов. А заодно доказала сыну, что сотворенная своими руками вещь дороже любого самого дорогостоящего импорта. Ведь и красивая самодельная одежда — творчество, не правда ли?

Корреспондент: Что касается творчества, то здесь, наверное, спорить никто не станет. А вот относительно лозунга «нет — делай сам, у государства не требуй», думаю, вам захотят возразить: что вы нам о фарцовщиках, которых, якобы, безнравственно поощрять, покупая у них модные вещи. А может быть, стоит стыдить государство, так долго причувашшее нас ничего у него не требовать, что само разучилось производить что-либо толковое! Зато немало сделано для развития и усиления, как сегодня принято говорить, «теневой экономики».

А мы продолжаем упорно призывать друг друга быть скромными в своих потребностях, «протягивать ножки по одежке», соизмерять желания со своими возможностями... Неужели и наша молодость должна пройти под знаменами аскетизма, веры в светлое будущее внуков и правнуков? И это в то время, когда весь мир мается проблемой перепроизводства и затоваривания? Где гарантия, что наши жертвы, как и предыдущих поколений, не окажутся напрасными, и что в результате мы опять не придем к очередной перестройке?

— Гарантия, конечно, дело хорошее. Более того — необходимое. Скажем, в экономике, в политике, да просто в нашей повседневной жизни, когда чего-нибудь затеваем. Человек всегда должен знать, на что и ради чего он идет. То есть соизмерять затраченное и результат. Но нужно ли требовать гарантий во всем, что касается духовной сферы: веры, убеждений, идеалов? Ведь это все равно, что требовать гарантий в любви.

Конечно, любовь как бы даруется человеку судьбой, а порой приходит и помимо его воли. А вот идеалы, убеждения мы выбираем сами, и должны уметь не только отстаивать их, но и реализовать в делах, всей нашей жизнью. И чем выше, значительнее идея, тем больше потребует она наших сил, быть может, даже жертв. И прежде всего способности от чего-то отказываться, чего-то лишать себя. Вот здесь гарантией человеку и служит он сам, глубина и трезвость его осмысления собственных убеждений, искренность, честность, последовательность в делах

Ведь почему мы оказались сегодня в столь тягостном положении? Нет, вовсе не потому, что плохи были идеи и цели. А потому, что слова оказались не гарантированы делами. Инерция «ножниц», как мы знаем, явление труднопреодолимое.

Корреспондент: Вот мы и боимся, что эта самая инерция помешает вам, взрослым, что-либо всерьез изменить! Так наверняка воскликнут хоть несколько человек из вашей «аудитории». Ведь вы все те же, хотя идеи и новые. Кроме смелых речей, что конкретно изменилось за эти годы? Вот лично для нас, молодых. Ну, не считая, конечно, «новой» музыки в эфире да легализации (до излишеств) секса на экране. Пока только лишь то, что одеваться нам стало дороже. И очень! Уж очень умело потворствуют кооператоры нашим, таким разнообразным, изменчивым вкусам. Естественно, не всегда заботясь об их воспитании. То бишь вкусов наших. Но как умеют привлечь, заманить, «обобрать» в бесконкурентной конкуренции с родной бездарнейшей промышленностью! Любо глядеть, да дорого иметь...

Но вот беда — деваться некуда. За «бугор»-то не съездишь прогуляться по салонам. «Карден», «Нина Риччи», по всяким «Шанель» там, «Бурда»... Кругом один Зайцев, и тот обшивает лишь наш «высший свет». Это «ихние» студенты проводят каникулы в любой точке Европы, а то и за океаном. У нас же если только дети большого начальства могут позволить себе повидать мир. Уж больно дорого обходится нашему гражданину желание расширять круго-

зор свой. А жаль, что не съездишь! Будь все не так сложно и дорого, — в смысле путешествий за границу, — отправлялись бы туда своим ходом не только знаменитости да начальство. И не только за «шмотками». Опыт перенимать ездили бы: как жить, как обеспечивать себя необходимым, как торговать, чему обучать, как, наконец, украшать свою жизнь и радоваться ей. А то ведь смотреть на нас тоскливо, постоянно в напряге пребываем, в каком-нибудь очередном преодолении... А то и вовсе перестраиваемся.

— Ну что здесь ответить? Сегодня стыдить, упрекать молодежь в непатриотизме, за то, что завистливо смотрят на Запад, восхищаются их «райской» жизнью, — по меньшей мере наивно. С другой стороны, самим молодым благополучие и там не свалилось с небес. Людьми создавалось, упорным трудом, талантом ученых, знакомств, политиков. Благо, сегодня наши западно-восточно — и другие — «веды» перестали уже объяснять процветание стран «не нашей системы» лишь желанием и возможностью беспределно обогащаться. Заговорили о культуре труда, о культивируемом ТАМ профессионализме, достоинстве и патриотизме работника, для которого честь и авторитет его родной фирмы, компании — превыше всего!

Как вы думаете, с чего начинается истинный патриотизм гражданина, его чувство долга перед страной? На мой взгляд, совсем с «малого»: не испортить, не подвести, не подсунуть «липу», четко выполнить дело в срок и как можно лучше. То есть вовсе не нужно совершать подвиг: бросаться на

Фото Владимира ЛАГРАНЖА



ОУЛ ТУ АЛАА ТУУН
МА КАКУУ ТУ ХУТА
РЕДИННУ НА СКАН



**ЛЕОНОВ
ИГОРЬ
ПЕТРОВИЧ**

7.02.69 - 15.03.88г





амбразуру, лететь в космос, изболить врага... И политическая система не обязательно должна быть у всех одна, благополучие, счастье людей возможны при любой. Если только сама система сориентирована, не декларативно, а четкой направленностью всех своих норм, вана, не декларативно — а четкой направленностью всех своих норм, законов, повседневных забот и чаяний.

А что же касается перестройки и ее идей, то здесь ваш скептицизм, честное слово, преждевремен, неуместен. Вам, чьи целых пять лет жизни протекали в атмосфере идеологической «вольницы», сегодня трудно понять истинную цену свободы слова, мнения, мысли. А ведь до апреля восемьдесят пятого даже представить было бы трудно подобный диалог с юной (да и с любой другой) аудиторией на страницах печати. Впрочем, и само издание едва ли появилось бы на свет! Уже его организаторам задали бы вопрос: «Что значит «Мы», это кому вы себя противопоставляете и зачем?» Ну, может, как-то иначе поставили бы вопрос... но уж обязательно бы поставили!

К сожалению, ошибка многих из нас (к сожалению, даже очень взрослых) состоит в том, что сам процесс перестройки, необходимость в ней воспринимается нами как нечто абстрактно-государственное. Дескать, да, нужно, важно — но это где-то там, наверху должен кто-то меняться, исправлять что-то, думать, ломая голову над новыми законами... На то мол, и властью облечены. А с нас что возьмешь... кроме надежд на перемены к лучшему. Хотя и на это не все способны — надеяться.

Иные на всякий случай не верят в лучшее, дабы оградить себя от возможных разочарований. Да, да, мы все время ждем их, разочарований. Порой неосознанно даже. А знаете почему? Да потому что, положив руку на сердце, так ли уж много для перемен этих делаем сами? Да, сами, каждый в отдельности. Каждый!

Государство — не абстракция. Это все мы. Мы сами. И власть у нас будет такой, какой мы понимаем сами. И экономика станет не экономной, а выгодной, если усвоим, что строится она не по надуманному, а по реальным законам. Не станет сирот при живых родителях, если последние захотят быть родителями... Стало быть, прежде всего меняться нужно нам, перестроив во многом свое отношение к миру, к себе, к окружающим. А это все требует вышагивать культуру. Культуру мышления и взаимоотношений, культуру труда и потребления, культуру чувств и их проявления...

Не откладывайте эту работу — работу с самим собой — на потом, во взрослую жизнь. Будет трудно, поверьте. И вы повторите наши ошибки. Давайте учиться, стараться понять, разобраться, если нужно, в чем-то ломать себя. И главное — думайте, думайте, думайте! Ведь сколько ни ныть, ни упрекать нас, несостоявшихся, продолжать-то жизнь страны — вам. И будет она, повторяю, такой, какими будете вы. А дальше — такой, какими вырастут ваши дети...

Беседу вела Светлана АНТОНОВА

ерят
я от
, да,
оча-
аже.
что,
ли
де-
дый
ция.
ость
по-
нет
сли
по
ко-
ых
ят
ть,
м,
о-
у-
о-
ш-
ь-
ь-
—
м,
о,
и
я
,
—
с
—
о

Фото
Александра
ЗЕМЛЯНИЧЕНКО



Валерий АЛЕКСЕЕВ



ПОВЕСТЬ

ПАРОВОЗ ИЗ

Дорогой читатель! Пусть название этой повести тебя не обманет: здесь не будет приключений в экзотических краях, не будет и мрачных злодеев, которые без отдыха и сна обдумывают свои жуткие козни. Злодеями можно полюбоваться в видеотеке, экзотикой — в телеклубе Сенкевича. Что же касается приключений — то на свете нет более остроужетной истории, чем сама жизнь. С ее радостями и страхами, с ее надеждами и неудачами, с любовью, стыдом и чувством вины. Эти простые на первый взгляд элементы в живой жизни складываются в бесчисленное множество комбинаций. Согласись, например, что перед теми, кого ты любишь, ты всегда виноват. Вот об этом я и писал свою повесть. Но не думай, что название — просто приманка. Здесь Гонконг неподдельный/разве что без «мафии и ниндзя»/, и страну ты увидишь такую, о которой никто не слышал. А еще, я надеюсь, на страницах этой повести ты увидишь и себя, и меня, и наших с тобой общих знакомых — словом, тех, кого можно назвать непростым словом «МЫ».

Майским утром 198... года преподаватель математики Шербатовского политехнического института Тюрин Иван Петрович с женой и двумя детьми выезжал в длительную заграничную командировку.

Багажа набралось четыре центнера, загрузили два такси. В головном «универсале» среди сумок и чемоданов пристроились мужчины: сам Иван Петрович и его шурин Сережа. Следом шла простая «Волга» с женщинами и детьми. На переднем сиденье в ней расположилась Сережина супруга Клава, позади — жена командированного Людмила и дети, четырнадцатилетний Андрей и пятилетняя Анастасия.

Утро выдалось холодное, пасмурное, за прощальным столом просидели всю ночь, поэтому вид у взрослых и детей был понурый. Только Людмила, маленькая и шустрая, как воробей, время от времени приподнималась, вытягивала шею и глядела поверх водительского плеча: ее беспокоило, что «универсал» куда-то свернул, задавать же шоферу вопросы она не решалась. Людмила часто наезжала в Москву и не упускала случая показать, что знает первопрестольную насквозь. «А это что за мост? Никак Крымский? Ну вот, я так и думала». Однако в сторону международного аэропорта Шереметьево ездить ей не доводилось, и она боялась попасть впросак.

ГОНКОНГА

Смуглая от природы и синеглазая, была Людмила не то что красива, но миловидна, хотя французская стрижка «Николь», выполненная шербатовским мастером Васей, ей не очень-то подходила и делала ее лицо похожим на яичко с темной скорлупой. «Мама Люда» — так она любила себя называть. «Не жалеете вы свою маму Люду. А без мамы Люды вы пропадете».

Всякий раз, как мама Люда начинала ерзать, Андрей угрюмо на нее косился, и видно было, что только присутствие посторонних удерживает его от замечаний.

Мальчику можно было дать и шестнадцать. Клетчатый пиджак, купленный накануне в магазине «Лейпциг», был ему тесноват и оттопыривался на груди, как у нарядившегося для телесъемок молодого атлета. Лицо его, широкое и пятнисто-бледное, казалось простецким, но серые глаза под светлыми бровями смотрели незащищенно и даже затравленно, как будто его везли в колымскую ссылку, а не в безбрежный закордонный мир.

Что касается Анастасии, то эта тощая, как будто нарочно заморенная девочка с маленькими зубками и ангельскими чертами лица, была типичным последышем. Речистая и любомудрая не по возрасту, она точно так же не по возрасту сикалась, когда придется, с недосыпу лопотала, как в беспамятстве, всякую чепуху, после безутешно рыдала, и ее приходилось укачивать на руках. «Мама, а большой лопух нас не съест? — причитала она плачущим голосом, когда ее одевали. — Правда, не съест, мама Люда?» Сейчас фаза бреда уже прошла, на подходе было рыдание. Широко раскрытые светлые глаза ее были полны бессмысленных слез, она сидела, привалившись к матери, и держала в руках раздетую до трусов пластмассовую куклу: кукла была уже готова к прибытию «в одну из развивающихся стран».

Водитель простой «Волги», тертый, видимо, человек, не впервые ехавший по этой дороге, с благожелательным интересом поглядывал на своих молчаливых пассажиров и, не дождавшись, когда они заведут разговор, заговорил первый.

— Чемоданы-то новенькие, напрасно тратились. Опытные люди с картонными коробками едут. И весом легче, и выбросить не жаль.

Приготовление к отъезду заставили Тюриных влезть в тягостные долги. Одним из кредиторов была Клава, она грузно заворочалась на своем сиденье и что-то пробормотала, а Людмила только вздохнула.

— Хотя, конечно, — выдержав паузу, продолжал водитель, — вы эти чемоданчики там боднете — и обратно уже с картонками. Хорошие водочные коробки делает «Внешпосылторг».

— Ой, ну что вы говорите? — вскинулась Людмила. — Муж мой вузовский преподаватель, у меня у самой гуманитарно-техническое образование, как это мы будем за границей вещами торговать?

Мама Люда говорила, как артистка оперетты, придушенно-звонким, неестественным голосом, и Андрей снова на нее покосился. То, что чемоданы можно продать, в суеде сборов вряд ли приходило ей в голову, но протестовала она так неискренне, что водитель снисходительно улыбнулся.

— А при чем тут образование? — возразил он. — Если вещь не казенная, почему не продать? Товар — деньги, и не надо громких слов. Мне один сказал: «На кирпичную дачу зарабатывать еду, это и есть мой интернациональный долг».

— Нам ни дачи, ни машины не надо, — тут же отозвалась Людмила. Как это часто бывает у взрослых людей, собеседники не заботились о логической связности разговора: каждый говорил то, что считал в данный момент уместным, и создавалось впечатление, что оба то ли глуховаты, то ли неспособны удержать простую мысль. — Дача у нас, можно сказать, вокруг дома, а на машине нам ездить некуда.

— А, вот так, — протянул водитель. — Откуда будете?

— Из города Щербатова, — с достоинством сказала Людмила и поджала губы.

— Это что, Рыбинск, что ли?

— Какой еще Рыбинск? — привычно обиделась Людмила. — Что такое, все путают! Просто удивительно: под боком у Москвы лежит индустриальный город республиканского значения, девяносто семь тысяч

жителей, таких городов и за границей раз, два — и обчелся, а москвичи про нас знать не ведают.

— Ну, как это «не ведают»? — добродушно откликнулся таксист. — В одних очередях тыркаемся. А говорите — некуда ездить.

— Да, приезжаю иногда, — с вызовом ответила Людмила. — Почему бы не приехать, особенно если у кого в Москве родственники?

Водитель посмотрел на Клаву — та, отвернувшись к окну и выпятив толстые губы, молчала.

— Дело ясное, — сказал он. — Всюду жизнь.

В разговоре возникла пауза, и Людмила вновь завертелась, высматривая «универсал».

— Сквозь землю они провалились, что ли? — озабоченно проговорила она.

— Не волнуйтесь, гражданочка, никуда не денутся, — успокоил ее таксист. — На заправке, должно быть, отстали.

Он помолчал и с интересом спросил:

— Как же это у вас получилось, из города Щербатова? Тут москвичи годами бьются...

— Не все одной Москве, — перебила его Людмила Павловна. — Выезжаем — значит, сочли достойными.

При этих словах Андрей мотнул головой, как будто его укусила овод, и покраснел. Собственно, «покраснел» — сильно сказано, в сумрачной кабине этого никто бы и не заметил, но люди стыдливые мнительны: краснея, они воображают, что внутри у них загорается лампа. Стараясь притушить этот жгучий внутренний свет, мальчик съежился и втянул голову в плечи. Тут водитель, совершенно, кстати, удовлетворенный ответом мамы Люды, посмотрел по своим делам в зеркало заднего вида и, перехватив беспокойный взгляд Андрея, дружески ему подмигнул. Мальчик поспешно отвернулся к окну, щеки его — вот теперь уж действительно — сделались темно-багровыми, на лбу выступила испарина. Вид у него при этом был такой, словно он собирается распахнуть дверцу кабины и выброситься на шоссе. Лишь минут через десять, убедившись, что никто на него не глядит, он понемногу стал успокаиваться.

Наконец машина, копнувшись, встала у подножия громадного темного здания под козырьком, набрасывавшим какую-то медную тень. Выбрались из теплой кабины на сквозной ветерок, огляделись. «Универсала» еще не было. Холод стоял совсем не майский, люди вокруг дышали паром, как в январе, только что не приплесывали и не терли ладонями уши. Гул и визг невидимых отсюда самолетов сам казался порождением холода.

Стараясь не встречаться взглядом с водителем, Андрей стал помогать ему выгружать вещи, которых и в простой «Волге» было достаточно. Впрочем, трудно сказать, кто кому помогал: бывалый таксист лишь делал вид, что усердствует. От мамы Люды было больше суеты, чем пользы, а тетка Клава стояла в стороне, держа за руку Анастасию и всем своим видом выражая осуждение и гнев.

— Сколько ты ему дала? — ревниво спросила она Людмилу, когда водитель, откозыряв и пожелав мягкой посадки, уехал.

— Ай, оставь,— жалобно сказала Людмила оглядываясь.— Рубль накинула, дело какое...

— Давай-давай, деревня,— пробурчала Клава, отворачиваясь,— смеши Москву, сори деньгами. Сундук шевяков привезешь из своей заграники...

Людмила сделала вид, что не слышит. На ней было старомодное черное платье с полупрозрачной вставкой на груди, вполне приличное на вид и надеваемое лишь «по метненьким денечкам». А вот пальто, бордовое, ношеное, казалось совсем подростковым, и, чтобы хоть как-то скрыть его убожество, Людмила ходила по Москве нараспашку, что придавало ей задиристый вид.

— Заплутались они, что ли? — проговорила она, ни к кому не обращаясь.— А может, в аварию вбухались?

— Мама! — гулким басом сказал Андрей.— Ну что ты, как курица? Стой и молчи.

Людмила повернулась к сыну, скорбно посмотрела ему в лицо.

— Ты и там со мной будешь так разговаривать? — понизив голос, спросила она.

Андрей ничего не ответил и по-мужички тяжело, набычась, сел на край чемодана. Завидев, что он отдыхает, Анастасия тотчас же выпростала свою руку из Клавиной и со словами «Я к Бате пойду» подбежала и, став рядом с братом, прижалась к его плечу. Одета девочка была нарядно: на ней были клетчатые брючки, клетчатая кепка с помпоном и клетчатое же пальтишко из той же материи. Мама Люда хотела, чтобы при одном взгляде на ее детей все говорили: «Смотрите, какой ансамбль». Однако веселая кепочка лишь оттеняла бледность Настиного лица, а брючки были уже мокрые, и мама Люда знала об этом, но полагала, что ради гармонии можно и потерпеть.

«Батя» — так звала сестренка Андрея с тех еще времен, когда не умела выговаривать «братик». Мама Люда делала эту традицию, вроде бы навязывая ее дочке («Иди к Бате, поиграй со своим Батей!») и инстинктивно стараясь продлить ее младенчество. Точно так же тетка Клава настаивала, чтобы Настя называла ее «мама-кока», в смысле «мама-крестная»; можно было себе представить того маленького идиота, который первым вместо «крестная» произнес «кока» и вызвал чье-то старческое умиление. Андрей запрещал сестренке называть его Батей, и все же нет-нет, да и проскакивало: «Батя, а что это?.. Батя, а почему?..»

Но сегодня Настя ни о чем не спрашивала, просто стояла, прислонившись к брату бочком. В двух шагах от детей бесшумно раздвигались и сдвигались, пропуская пассажиров, автоматические стеклянные двери, технический изыск этот был в те времена новинкою даже в Москве, но дети смотрели на двери равнодушно и тупо — так во всяком случае могло показаться тому, кто неспособен был понять, какой тревогой наполнены их души.

Наконец подкатил долгожданный «универсал», захлопали дверцы, вылезли мужчины: высокий сутулый Иван Петрович и коренастый темнющий дядя Сережа.

Людмила кинулась к мужу.

— Черти вас за килу тягали! — зашептала она, трепеща от ярости и озираясь. — Вся прямо испсиховалась!

Людмила работала в городской библиотеке и, как она сама говорила, книжной пылью пропиталась насквозь. Однако стоило ей взволноваться — в ней просыпалась простая сельская баба. Она и родом-то была не из города Щербатова, а из рыбацкой деревни Ченцы. Там до сих пор жили ее и Сережины родичи — мелкорослые чернявые люди, в городе их называли нанайцами.

Иван Петрович улыбнулся и, ничего не ответив, принялся открывать заднюю дверцу «универсала». Должно быть, со своим водителем мужчины не ладили, потому что он, отойдя в сторону, демонстративно скрестил на груди руки.

— У, кошкодав, — сказал на него дядя Сережа. — Всю нам дорогу изгадил.

Сережа тоже шоферил: возил на черной «Волге» важного человека, которого с гордой скромностью называл «мой пассажир». Возможно, дядюшка сам же и подпортил дорогу: таксистов он не любил и не делал из этого секрета.

Андрей кинулся на помощь отцу. Радуюсь, что все семейство в сборе, и желая, должно быть, показать, что его вклад в общее дело не такой уж пустячный, он принялся усердно ворочать самый тяжелый груз (это был обшитый холстиной ящик почти в человеческий рост), но отец его отстранил.

— Не надо, сынуля, — коротко сказал он без всякой интонации.

Вдвоем с дядей Сережей они отнесли ящик к стене, причем дядюшка приседал от тяжести, по темному его лицу ручьями струился пот.

— Старайся, рвись, — промолвила тетя Клава, — кишки-то из ушей выползут. Урод и есть урод.

Андрей, выстраивая чемоданы в ряд, чтобы удобнее было пересчитывать, украдкой на нее оглянулся. Эта толстая, некрасивая женщина была преисполнена такого высокомерия, такой несокрушимой уверенности в своем превосходстве над всеми окружающими, что можно было только дивиться: откуда это у нее? Зачем ей столько? Для самозащиты довольно было бы и сотой части, такое стратегическое высокомерие само нуждалось в защите. Непостижимо, но дядя Сережа, далеко не урод, любовно о ней говорил: «У, с Клашкой мне повезло. А приодень ее — так вообще королева».

— Ос-споди, ну и гамуз, — бормотала Клава, оглядывая багаж. — Свихнуться можно. Люди оттуда везут, а эта лапотница туда тащит.

— Сколько разрешено, столько и везем, — благоразумно пропустив мимо ушей «лапотницу», возразила ей Людмила.

Багаж был творением ее рук: посуду, продукты, постельное белье, скатерки и занавески — все она закупала и стаскивала в кучу, как белка, с осени прошлого года. Знающие люди подсказывали: «Не в гости едешь, а в пустое жилье. Ничего там на месте не будет, ни ложки, ни поварешки, обзаводись здесь». Посоветовали захватить и небольшой холодильник: климат в стране назначения мало сказать что горячий, продуктами

запасаться надо, как в Щербатове, враз и надолго, холодильник там — как найдешь. Именно холодильник «Смоленск» и помещался в ящике, обшитом серой холстиной, по которой размашисто, с завитушками синими фломастером было написано: «Из багажа И. П. Тюрина». «Из багажа» — чтоб не подумали, что в этом ящике и заключается весь багаж.

— Ох, запахали бы вас в самолет поскорее, — тоскливо и злобно сказала Клава. — Нам через весь город обратно тащиться, а уж квартиру загваздали — три дня убирать.

За неделю, проведенную Тюриными в Москве, эта женщина совершенно их допекла. Нет, она помогала в сборах и хлебосольничала усердно, но делала все это с насадой, скрыть которую никак не могла. Даже крестницу свою Анастасию приваживала к себе с ненавистью, в пику всем остальным. «И детиночка ты болезная, малокровушка ты моя, у одной во всем семействе твоём сердечко у тебя ангельское, и куда ж тебя волокут родители твои ненасытные? Изболелася я вся по тебе, изжалилася! Оставайся ты лучше со мной, со своей мамой-кокой, и не ездь ты с ними никуда, ну их совсем!» Делая такую заявку, Клава ничем не рисковала: оставлять с нею болезненную и любимую свою дочку Людмила не собиралась. О чем однажды был разговор — так это насчет Андрея, чтобы закончить ему восьмилетку в Москве, но уж тут тетя Клава дала золушке решительный отпор. «Да чтоб я хомутину такую на себя наложила — боже меня упаси!» Андрея тетка Клава не любила и, не стесняясь, говорила в его присутствии: «Ну, затаенный, чистый двойник! Он вам еще свой норов явит, оплатитесь!»

— Ладно, пойду узнавать, что и где, — сказал Иван Петрович и, судорожно дернувшись, схватился за нагрудный карман пиджака.

— Что? Потерял? — воскликнула Людмила.

Криво улыбаясь, Иван Петрович запустил руку за пазуху и вытащил оттуда пачку документов: заграничного паспорта, медицинские сертификаты, авиабилеты, открывительные талоны и — самое ценное — аттестат на инвалютную зарплату: эту невзрачную сложенную вчетверо бумажку Тюрины очень боялись утратить.

— О господи! — с облегчением вздохнула Людмила, когда Иван Петрович, трясущимися руками пересчитав документы, вновь сунул их в карман! — Тюря ты луковая! Ну, ступай.

Андрей исподлобья смотрел на отца. Иван Петрович был в новом коричневом костюме, который подчеркивал недостатки его фигуры: узкие плечи, несообразмерно высокий рост и цыплячья грудь. Густая волнистая шевелюра Ивана Петровича странно контрастировала с его лицом: тонкие губы, тонкий нос, очки в тонкой оправе, детский подбородок, вполне академичное, преподавательское лицо — и пышный чуб деревенского гармониста. Но не эти противоречия вызывали неудовольствие Андрея, мальчик их просто не замечал. Он сердился потому, что отец позволял прилюдно называть себя «тюрей». Девичья фамилия матери была Минаева, и мама Люда бессознательно противопоставляла ее фамилии Тюриных, не подозревая, что сына это может оскорблять: он-то был Тюрин, и только Тюрин, даже более Тюрин, чем отец, потому что ни с какими Минаевыми ничего общего не имел. Ни один из его

школьных товарищей не посмел бы склонять фамилию Тюриных непочтительным образом, зная вес его кулаков.

— Ванюшка! — крикнула Людмила, когда стеклянные двери уже сомкнулись за сутулой спиной ее мужа и он никак не мог ее слышать. Такая у нее была манера: все время что-нибудь кричать вдогонку: в самый последний момент, только чтоб лишний раз напомнить о себе — Ванюшка! Нам тележки нужны!

И проходившая мимо сухошавая дама в ярко-желтом брючном костюме, расписанном по груди сиреневыми ирисами, вздрогнула от этого пронзительного выкрика и недовольно оглянулась. За дамой следовала рослая девушка — тоже в желтом и тоже с ирисами по подолу юбки, лица у обеих, одинаково коротконосые, были словно сделаны под копирку, только профиль у дамы был слегка стершийся, как на древней монете, а у младшей блистал новизной. Девушка тоже обернулась и удивленно посмотрела на Андрея, как будто это он вскрикнул бабыим голосом. По тому, как ребячески были сложены ее румяные губы, Андрей угадал в ней ровесницу: в любой толчее подросток находит себе подобных, не ошибаясь в возрасте практически никогда.

Под взглядом прозрачно-карих глаз девушки Андрей передернул плечами, как будто из-за ворота его клетчатого пиджака высунулась картонная бирка.

— Ну, что ты кричишь? — прошипел он, подходя к матери. — Сумасшедшая.

— Сам сумасшедший, — быстро ответила ему Людмила. — Беги к отцу, помогай.

Называя племянника двойником, тетка Клава имела в виду только то, что он груб и стыдлив одновременно: это сочетание представлялось ей ненормальным. Вообще под стеснительностью «мама-кока» понимала одну из форм хитрости, этукую с вывертом, с **подлецей**.

Предметом нынешнего стыда Андрея была невинная домашняя заготовка: «Сочли достойным — потому и едем». Всякий раз, когда мама Люда, уверенная в неотразимости этого довода, пускала его в ход, Андрей впадал в отчаяние: ему казалось, что все вокруг, и люди, и неодушевленные предметы, начинают перемигиваться и двусмысленно ухмыляться. Душа его была изъязвлена жгучим любопытством посторонних людей, не упускавших случая спросить: «Нет, а все-таки, как же это у вас получилось? Денег, небось, кучу ухлопали? Или первую зарплату кому-нибудь пообещали? А может, московская родня помогла?» Это спрашивали, глядя в лицо, а о чем шушукались за спиной — лучше было не думать. Город Шербаатов не так уж велик, и об оформлении Тюриных за рубеж не судачили разве что глухонемые.

Как обстояло в действительности, мальчик не знал, родители в такие тонкости его не посвящали, а допытываться он не хотел — из инстинкта душевного самосохранения. С некоторых пор зазвучала в доме фамилия Розанов — именно так, с ударением на третьем слоге: «Розанов помнит, Розанов сделает, Розанов обещал». Андрею виделся статный круглолицый мужчина цветущего, хотя и несколько сомнительного здоровья, деликатно, но досадливо поправляющий: «С вашего позволения, не Розанов, а Ро-

занов». Получалось, что во время одной из заготовительных поездок в Москву мама Люда встретила с этим самым Розановым, пожаловалась ему на щербатовское житье, и, сочувственно выслушав ее, Розанов сам предложил выездной вариант. Мамина студенческая любовь — такова выходила, как пишут в детективах, легенда. И, как всякую выдумку, достоверности ради ее приходилось постоянно уснащать бессмысленными подробностями. «Вспоминал, как мы на каникулы в Москву с ним ездили, мягкое мороженое ели из высоких бокалов... в кафе «Север» на улице Горького...» Неожиданно для себя Андрей обнаружил, что всякий раз, когда слышит фамилию Розанов, заливается краской стыда. От мамы Люды это не укрылось, и однажды она игриво сказала: «А сыночек меня ревну-ет!..» На какую реакцию она, интересно, рассчитывала? На то, что сыночек ей подмигнет и осклабится? Черные и зеленые пятна заплесали у Андрея перед глазами. «Да кому ты нужна! — закричал он, дрожа от злости и отвращения. — Кому ты нужна!..» Мама Люда опешила: ей никто не объяснил, что играть в такие игры с сыном-подростком не следует.

Отца упоминания о Розанове тревожили не больше, чем «луковая тюря». Впрочем, и к выездному варианту Иван Петрович поначалу отнесся не слишком серьезно.

2

Вызов в Москву на языковые курсы был для Ивана Петровича, словно гром среди ясного неба. Он прибежал из института в неурочный час, взлохмаченный, с перекошенным галстуком, с красным пятном на левой щеке, как будто его кто-то ударил. «Ох, как ты, Милочка, меня опозорила! — бормотал он запletaющимся языком. Речь его часто коснела в минуты волнения, и не знающие отца люди могли даже вообразить, что он пьян. — Не поеду, никуда не поеду! Люди в глаза мне смеются. Сдурел, говорят, учиться на старости лет». «А, смеются! — взвилась Людмила. — Пусть тогда уж смеются, что ты к лекциям за кухонной плитой готовишься, что единственный костюм у тебя на плечах, что жена твоя, как пугало воронье, одета. А ребята наши? Ваня, подумай о них!» — «Ты давай на детей не кивай! — вмешался Андрей. — У детей ты совета не спрашивала». Он всецело был на стороне отца и считал выездной вариант недостойной авантюрой. Но отец оттолкнул руку помощи. «Помолчи, пожалуйста! — жалобно сказал он Андрею. — И без тебя в ушах звенит». Иван Петрович редко одергивал сына, а тут еще была ситуация, когда сын рвался в бой на его стороне. «А зачем она мелет чушь? — со слезами на глазах вскричал Андрей. — Пусть она чушь не мелет!» — «Это кто это «она»? — грозно повернулась к нему мама Люда. — Ах ты, сын поганый! Кто такая «она»? Это ты про мать родную так говоришь?» По неясным причинам (может быть, даже философского порядка) мама Люда не выносила, когда ее называли «она». Лучшего способа вывести ее из себя просто не существовало.

Поведение отца представлялось Андрею загадочным. Если сказка о Розанове соответствовала действительности, то как отец мог допустить,

чтобы дело дошло до вызова на курсы? Пусть даже Розанов и не был в маму Люду влюблен, пусть все ограничилось мягким мороженым, разве не унизительно для мужика **такая** протекция? Почему бы не сказать коротко и с достоинством: «Не хочу». Или же: «Не могу». Да, отец сопротивлялся искренне, но его возражения были слабы: они сводились к тому, что, во-первых, ему неловко перед коллегами (а чего неловкого, если **сочли достойным?**), а во-вторых, он, видите ли, с детства неспособен к иностранным языкам. Неужели нельзя было придумать что-нибудь посильнее? Или уж не сопротивляться совсем.

Проще всего было бы обратиться за разъяснениями к самому отцу, но отношения с ним у Андрея, как это ни странно звучит, были не настолько коротки. Большую часть времени отец либо отсутствовал (он подрабатывал уроками), либо сидел, обложившись бумагами, за кухонным столом (не за плитой, разумеется, тут мама Люда преувеличивала; в много-семейной квартире на втором этаже дома 24 по Красноармейской улице у одних только Тюриных была хоть и крохотная, но своя, отдельная кухня с печкой и газовой плитой), либо пребывал в состоянии мудрой задумчивости, словно отдыхающий от богослужения жрец. Резервы времени для общения с сыном он мог изыскать только за счет мудрой задумчивости, но это состояние было для Ивана Петровича удобством: озаботившись чем-то недостижимо сложным, можно было спокойно уединиться, никуда не прячась, и отдыхать, как за ситцевой занавеской.

Там, где Андрей не видел никакой последовательности, логика как раз имелаась: именно мягкость характера заставляла отца сопротивляться выездному варианту, чреватому множеством конфликтов, и та же мягкость в конце концов подвинула его на отъезд. Людмила так упрашивала, убеждала, корила, уговаривала его, так грозила грядущими — пожизненными! — попреками, что Иван Петрович счел за благо поддаться. В полчаса собрал чемоданчик и, бормоча: «Ай, не знаю, не знаю, всему городу на потеху» — отправился в столицу. Фактически он бросил сына, своего единственного союзника, на произвол судьбы и даже не потрудился объясниться. Довольно было бы одного его слова (ну, скажем: «Сынуля, еду из любопытства, хочется все перепробовать»), чтобы мальчик с энтузиазмом подхватил эту мотивировку и стал ее ревностным приверженцем. Как и многие подростки, Андрей находился в состоянии ожесточенной войны с матерью (а точнее — против матери) и был к ней пристрастно несправедлив, к отцу же относился с состраданием, несколько, впрочем, переоценивая тяжесть отцовского бремени. Но делать нечего, и, пережив замешательство, Андрей был вынужден сам кое-как объяснить этот необратимый поступок. «С государством не шутят» — вот таким оказалось найденное им оправдание. Отец поехал на курсы, потому что не мог не поехать, слишком важные силы задействованы, слишком крупный движок пушен в ход, и останавливать его по прихоти отдельного гражданина никто не станет.

Десять месяцев Иван Петрович жил в столице по-студенчески, не ведая никаких забот, кроме зачетов и экзаменов. Даже письма его помолодели, в них замеслялись легкомысленные словечки «шпора», «контрошка», «долбеж». Людмила читала эти письма вслух, с досадой выискивая между

строк хоть малейшие упоминания о перспективах, — и ничего не находила. «Вот малахольный! — сердилась она. — Я с детьми одна мучаюсь, а он там резвится!» Андрей, защищая отца, разъяснял ей, что дела международной важности нельзя доверять почтовой бумаге, — и был очень близок к истине. Отец не писал о выездных перспективах потому, что не считал возможным писать. Позднее он рассказывал матери о самонадеянном слушателе, который развонил в письмах, что выезд у него уже в кармане, и провалился на экзамене, после чего со стыда сменил место жительства и бросил семью.

Молодеческие письма отца очень развлекали Андрея, который не предполагал в своем родителе таких ресурсов бодрости, и мысль о предстоящем выезде в полуденные края стала для него каждодневной и радостной. Он начал заглядывать в вузовские учебники английского языка. Мама Люда, обрадовавшись перемене в его настроениях, нашла ему репетитора — непутевого щербатовца, который выдворен был из института имени Мориса Тореза, однако слыл в городе человеком, в изобилии знающим иностранные языки.

Никому на свете Андрей не признался бы, что в мечтах своих он уже видит себя международным борцом, которого только и ждут в сумрачных манговых зарослях, пламенным агитатором, вождем герильи, перераспределителем общественных благ, таким Робин Гудом третьего мира, и даже кличку себе придумал **на всякий пожарный случай: Эндрю Флэйм**. В конце концов он был всего лишь ребенком, причем ребенком для своих лет весьма начитанным: все книжные сокровища города Щербатова были ему доступны, а это не так уж мало даже по глобальным меркам.

Имелась у Андрея одна тайная мысль (не чуждая любому подростку, эта мысль, бывает, тешит и убежденных сединой мужей), что все на свете, включая войны, революции и землетрясения, приведено в действие исключительно ради него, только одни события, имевшие место ранее, своей неотвратимой последовательностью готовили явление в мир Андрея Тюрина, другие же, вяло текущие ныне, нуждаются в его вмешательстве, для которого он, собственно, и родился. В самом деле: в дотюринский период история мчалась на всех парах, эпохи и формации так и мелькали. Там были свои эндрю флэймы, свои наполеоны и кромвели, все уникальный, штучный народ. Но вот родился Андрей Тюрин — и поезд резко сбавил ход, стал притормаживать, лязгать, теперь и вовсе еле ползет, грозя остановиться у первого же столба и обречь человечество на пожизненное разглядывание какого-нибудь замызганного перелеска. И если **все правильно** (то есть если исходное предположение справедливо), то рано или поздно Андрею Тюрину придется пройти в головной вагон. Пока он едет как рядовой пассажир, в мире ничего происходить не будет. В этом смысле выездной вариант, при всей его кустарности, можно было рассматривать как нарочно подстроенный, как благосклонный кивок истории в сторону мальчика из Щербатова с толстыми, как копыта, ногтями и широким пятнисто-бледным лицом. Почему из Щербатова? А история вообще равнодушна к мальчикам из провинции. Может быть, весь на свете прогресс есть не что иное, как эстафета, передаваемая от одного эндрю флэйма к другому, — с зияниями и про-

белами там, где очередной вождь всемирной герильи оказался не на высоте своей роли. А быть может, и так: в мире есть лишь один Эндрю Флэйм, одно вечное переходящее «я», которое досталось сейчас мальчику из Щербатова. Но тогда как знать, возможно, это единственное в мире «я» способно не только замедлять и ускорять ход событий, но творить и перекраивать окружающий мир по своему усмотрению, поскольку никакого иного усмотрения нет... Как не имеется, строго говоря, и самого окружающего мира. Однако это уже допущение четвертого уровня, настолько простое и грозное, что лучше его не касаться, лучше не думать о нем вообще...

За неделю до возвращения отца тетя Клава прислала маме Люде письмо, полное туманных намеков: «Что-то глаз к нам не кажет Иван, зазнался, а может, еще что такое, тебе, голубка, видней. Тут у нас одиночек много, смотри, как бы локти грызть не пришлось. Рубль длинный, а женская доля короткая». «Черт его знает,— сердито сказал Андрей.— Ничего не поймешь, китайская грамота». «Нет, не китайская,— проговорила мама Люда.— Нет, не китайская...» И на следующий день, бросив Анастасию на попечение соседок, умчалась в Москву.

Андрей высоко ценил стабильность и сдержанность родительских отношений: браниться и ласкаться на глазах у детей они себе не позволяли. Лишь однажды он случайно услышал, как отец тонким голосом кричал: «Ты пожираешь мою жизнь, пожираешь!» Запомнилось сконфуженное лицо отца и то, как он медленно закрыл рот при появлении Андрея, как будто только что пел...

Мама Люда вернулась вместе с отцом, утомленная, но очень довольная. Появилось в ночных родительских шепотках новое имя — Елена, мать произносила его язвительно и зловеще, получалось: «Х-хилена твоя возлюбленная», отец же ворочался и кряхтел. «И не стыжусь! И горжусь! — громко шептала за родительской ширмой мама Люда.— Ишь, на готовенькое, разгрýбилась! Сделала ей — и за дело!» — «Нет, не за дело,— бубнил, уткнувшись в подушку, отец,— нет, не за дело. Милочка, поскольку ничего не было». — «Постольку и не было,— торжествующе отвечала мама Люда.— Не было, и теперь уж не будет!» — «Эй, философы! — кричал со своего раздвижного диванчика Андрей.— Долго вы там? Расшкворчались!» Он изображал, что такими скабрёзностями не интересуется, и родители охотно принимали это на веру: наш пострел еще не поспел. Им так было проще, а каково ему — они, поглощенные своими семейными радостями, не задумывались.

Присматриваясь к отцу, Андрей пришел к выводу, что он вроде как бы помолодел. Возможно, это объяснялось тем, что в Москве отец бросил курить. Смущенно посмеиваясь, он говорил, что курение за границей — это перевод валюты на тот свет. Но было во второй молодости отца что-то другое, уклончивое. Андрей заметил, что отец нет-нет и бросает взгляды на молодых женщин, особенно рыжих, высоких и белолицых. Андрей представлял себе ту, московскую, чуть ли не своей ровесницей, гимназисткой или, на худой конец, студенткой. Но умом он понимал, что, конечно же, это была всего-навсего рыжая сухопаря

тетка. А у мамы Люды были темные волосы и личико цвета топленого молока... Нет, не надо нам таких экспериментов.

С курсов Иван Петрович привез лишь справку о том, что язык им сдан на отлично. Никто ему в Москве ничего не обещал и тем более не гарантировал. А между тем за время его отсутствия из совета факультета его вывели: «Зачем вам теперь? Вы у нас человек выездной, перелетный». Месяц, другой после курсов прошел. Москва молчала. «Да что же они с нами делают? — недоумевала мама Люда. — Как теперь людям в глаза смотреть?» — «Раньше надо было думать! — грубо говорил Андрей. Ему было стыдно перед собой — за восстание в джунглях, за Эндрю Флэйма. — Миллионы честных тружеников живут себе на советские деньги, а ты стерлингов захотела? Посмешище ты, больше никто!»

Город в самом деле посмеивался над Тюриными. «А что ж? — балагурили щербатовцы. — Поучился — и будя. За одного ученого двух небитых дают».

Но тут, на четвертый месяц, белокаменная дала о себе знать — и настойчиво, даже сердито стала требовать, чтобы выездное дело семейства Тюриных было представлено в кратчайший срок. И завертелась карусель... Характеристику Ивана Петровича, которую он сам писал-вымучивал трое суток, не вылезая из-за печки и взявши ради этого отгул, семь раз перепечатывали: то, видите ли, формулировки слишком сдержанные, то, наоборот, чересчур восторженные, то абзацев мало, то не те поля. Факультетская машинистка вышла из себя и заявила, что ее рвет и тошнит при виде этой бумаги, а те две дамы, которые подрабатывали перепиской на машинке в городе, отказались братья за дело — из опасения, как бы не вышло какого-нибудь скандала. Пришлось маме Люде искать машинистку в Москве. Свое веское слово сказала и городская медицина: вначале Настю объявили малокровной, затем Ивана Петровича отказались признать «практически здоровым» — на том основании, что он гипертоник, о чем он даже и не подозревал...

И это были еще только цветочки. Коллеги с кафедры, побрюзжав и посетовав, что вот, мол, серьезный человек, нет чтоб форсировать свой научный рост, занимается вместо этого ерундой, опротестовывать характеристику не стали, но на факультетском уровне нашлось много пытливых людей. «Простите, а почему, собственно, Тюрин? А чем он знаменит, этот Тюрин? Он что, лауреат Нобелевской премии? И кто его продвигает? Почему коллектив не проинформировали, что существует вот такая интересная вакансия? Мы обсудили бы, выбрали бы достойнейшего — и не исключено, что им оказался бы именно Тюрин Иван Петрович, русский, беспартийный, старший преподаватель, не имеющий ученой степени. А может быть, такая вакансия не одна? Может быть, через месяц-другой нас вновь поставят перед фактом, что некий Сидоров оформляется за рубеж? И мы опять должны будем голосовать «за»? А почему бы не объявить открытый конкурс и не составить перспективный список, пять фамилий, одобренных всем коллективом института?»

Иван Петрович осунулся и пожелтел лицом, в глазах его появился нехороший матовый оттенок, левая щека все время румянилась, как припеченная, а молодцеватая шевелюра потускнела. От второй его моло-

дости не осталось и следа. А Людмила Павловна, напротив, сияла, радость жизни играла в ней прозрачно и чисто, как в тонкостенном стакане играет минеральная вода. «Знаем мы эту гласность для горлопанов! Знаем мы эти пять фамилий: двое из парткома, двое из профкома да еще какого-нибудь страхагента пристегнут для толпы. Нет, голубчики, не для вас я это дело затеяла, и этот номер у вас не пройдет!» Чтобы промыть кое-кому мозги, она совершила еще один наезд на столицу, к Розанову, — и всем недовольным было дано понять, что Тюриных просто **хочет МОСКВА**.

Сидя за своим ученическим столом и подзубривая английский, Андрей с тревогой прислушивался к родительским разговорам. У него-то с выездным делом все было в полном порядке. В характеристике, выданной Андрею Тюрину школой № 2 (бывшее реальное училище, непременно прибавил бы любой житель Щербатова), указывалось, что он «успешно занимается по предметам гуманитарного цикла, но в то же время серьезно интересуется предметами точных наук, с похвальными грамотами переходит из класса в класс, весьма начитан, регулярно посещает библиотеку, театр и краеведческий музей, прилежно выполняет общественные поручения, рисует и редактирует стенные газеты, пользуется уважением учителей и товарищей по школе, хорошо воспитан, морально устойчив, старательно относится к своим обязанностям в семье, любит Родину, принципиален». Во всем этом не было ни единого слова натяжки, и если этот текст с большими муками составлялся при участии директора, завучей, старшего пионервожатого, классного руководителя и вообще половины педагогического коллектива школы, то потому лишь, что никто из школьников города Щербатова еще ни разу за границу не выезжал. Матери Андрей запретил даже появляться возле школы: «Сунешь нос в мои дела — уеду в Новороссийск». В Новороссийске жила младшая сестра Ивана Петровича, незамужняя тетя Наташа. Андрея она любила без памяти и была симпатичная, добрая, но не складывалась у нее судьба. Мама Люда Андрея к ней ревновала и называла ее «тетя Монаша». Так что не внять угрозе сына она не могла. Самостоятельно, без ее помощи, Андрей провел свою характеристику через все инстанции, выхлопотал справку о досрочном окончании седьмого класса с одной только четверкой — по физкультуре (физрук, которого за небольшой рост и гнусный характер все звали Клоп, поставил условием, чтобы Андрей подтянулся на турнике пятнадцать раз, а получилось двенадцать) и выложил свои бумаги перед матерью со словами: «Ну вот, я готов. Не то что вы».

Раз в две недели, а то и чаще Людмила ездила в Москву и возвращалась оттуда, обвешанная, словно дед Мороз, покупками. «Как люди выедем, чтоб не стыдно, жаться не будем!» Несколько противоречили этим декларациям массивные закупки тушенки, которую тетя Клава доставала ей через свой торг. Но что тушенка! Вещь куда более предсказуемая, чем оконные шпингалеты, электрические провода или, скажем, возмущивший даже кроткого Ивана Петровича гвоздодер. Так за несколько месяцев сформировался багаж, загроздивший всю комнату и казавшийся Андрею безобразным. Чемоданы хоть и новые,

но бесстыдно раздувшиеся, перевязанные веревками, ощерившиеся по углам. Андрей ни разу еще не видел, как собираются за границу, но убежден был, что так уезжают только дураки. Формированию багажа он сопротивлялся, как мог, бранился с матерью из-за каждого лишнего места, бесновался даже: «Ты оголтелая, о-гол-телая, вот ты кто! Совершенно утратившая чувство меры!» — «Сыночек, — отвечала ему мама Люда, сомнамбулически на него глядя и не реагируя на оскорбления, — все беру доброе, все нужное, там — как найдем!»

Щербатов с любопытством наблюдал, как суетятся Тюрины, как сидят на чемоданах посреди разоренного своего жилища с упакованным постельным бельем в ожидании виз... половина города у них перебивала, просто так, поглядеть на невиданный выездной багаж да поохать, повздыхать вместе с хозяйкой. Все эти мытарства примирили город с Тюриными, земляки опять стали по-человечески им сострадать, и когда наконец Москва сообщила, что визы получены, Щербатов распрощался с ними сердечно и тепло. Городская газета поместила сообщение об их отъезде с пожеланиями успехов в выполнении интернационального долга, среди провожавших на вокзале были такие большие люди, как директриса «реального училища», декан физмата и даже кто-то из горисполкома. Только от маминной библиотеки под арками щербатовского вокзала не появилась ни одна живая душа. «Ты там, Иван Петрович, скажи, скажи в министерстве, — внушал декан отцу, — пускай не волнуются, замену к нужному сроку мы тебе подошлем». Андрей никак не мог понять, о какой замене этот старик печется, да и сам отец слушал и мелко кивал, ничего, должно быть, не слыша и не понимая. Цветов принесли мало, какие в мае цветы, но оркестр от института был заказан. Правда, музыкантов где-то задержали, и «Прощание славянки» загремело на перроне, когда поезд уже набирал ход...

3

Иван Петрович вернулся с двумя багажными тележками, Андрею тоже удалось прихватить две, и вот так, обозом, Тюрины въехали в здание международного аэропорта: первую тележку катила мама Люда, вторую — Андрей, третью — дядя Сережа, а последнюю, нагруженную выше головы, толкал, упираясь, Иван Петрович. Замыкала шествие «мама-кока», она вела за руку многожды оплаканную ею Анастасию. Запрокинув голову, Настя со страхом глядела на меднотрубчатый потолок. Зал наполнен был гулом, не имевшим отношения к летному полю: казалось, воздух сам подвывает, как в кино, когда зрителей готовят к приближению жуткого чуда.

— Ну, и где тут весы? — остановившись и тыльной стороной кисти руки утирая лоб, спросила Людмила.

Были в ее голосе особые обертоны: что бы она ни промолвила, всем вокруг казалось, что обращаются именно к ним. Для работы в детском абонементе это свойство было очень полезным, но уже для взрослого читательского зала оно не годилось.

И возникший рядом с нею пассажир, мелкорослый мужичок в нарядном золотистом костюме, притормозил свою легкую коляску (там лежали два

клетчатых чемоданчика на «молнии» и дорожная дамская сумка), повернул к Людмиле голову и с любезной улыбкой осведомился:

— Простите?

Остроносый и розовокожий, с пышно взбитыми мелкокурчавыми белыми волосами, мужичок произнес это слово, интонируя его не вполне по-русски, да и склад его губ выдавал привычку к иностранному языку. А главное — как бесшумно он подкрался, буквально материализовался из пустоты, причем с таким видом, как будто с юных лет следовал по пятам семейства Тюриных... именно так, неназойливо и в то же время настойчиво, обыкновенно действуют британские агенты.

«Начинается», — с удовольствием подумал Андрей. В то, что путь их следования до самой страны назначения будет обозначен цепочкой подсадных агентов и провокаторов, он, конечно, не верил, все это были стариковские страхи, но правила игры в Эндрю Флэйма предполагали кишение агентуры врага.

— До весов еще нужно дойти, — сказал британец, когда Людмила Павловна повторила свой вопрос. — На весы вы повезете только то, что соизволит оставить вам вот эта дама.

И он показал на барьер, за которым у стола с повернутым наискосок интроскопом стояла крупная чернобровая женщина в униформе.

— Как это «соизволит»? — спросила мама Люда. — Какое она имеет право?

— Имеет, сударыня, имеет, — со вздохом ответил ей агент.

Он окинул опытным взором сбившийся в кучу тюринский обоз и, поклонившись Ивану Петровичу, подкатил свою тележку к барьеру. Нарочито небрежно пихнул под интроскоп чемоданчики и, поставив на прилавок свою овальную сумку, приготовился ее расстегнуть. Однако чернобровая таможенница лишь скользнула безразличным взглядом по телеэкрану и, не удостоив сумку вниманием, сказала:

— Проходите.

Золотистые плечики агента едва заметно шевельнулись, и по этому движению облегчения Андрей понял, что агент волновался.

— Ванюшка, — громко зашептала, озираясь, Людмила, — поехали к другому столу.

— А почему? — с недоумением спросил Иван Петрович.

— Да тише ты... — Людмила замахала на него руками. — Дуда волинская! Там мужчина работает. Женщины на таможне очень лютуют.

Многие начитанные люди нетверды в ударециях и перед каким-нибудь «феноменом» пасуют: так или так? Слово «таможня» Людмила произнесла с усилием, чувствовалось, что она борется с мучительным желанием отбить ударение на первом слоге. Это сын ее отучил. «Таможня, да? Тутожня, да? — грозно говорил он. — Только попробуй нас опозорить!»

— В чем дело, граждане? — поторопила их таможенница. — Ставь, паренек, вот сюда.

Вздвогнув от неожиданности, Андрей вопросительно посмотрел на мать. Мама Люда и сама не знала, что делать.

— Ладно, — буркнул Андрей, подхватил первый чемодан, поставил его

у подножия интроскопа и, обойдя таможенницу с другой стороны, вытянул шею и взглянул на экран. Там, как и следовало ожидать, появилась путаная рентгенограмма.

— Что здесь такое металлическое? — вглядываясь в мешанину контуров, таможенница нахмурила свои красивые черные брови.

— И-не знаю... — жалобно проговорила мама Люда, пытаясь прикинуться школьницей. — Кастрюльки, может быть... уже и не помню.

«Врешь, помнишь, — с горестным злорадством подумал Андрей, — у тебя целый каталог. Начинается вранье, начинается мерзость...»

— Откройте, — скомандовала таможенница, и чемодан, вздрогнув, как будто его напугали, выехал из-за стола с телевизором. — Мальчик, не пыхти мне в плечо. Мешаешь работать.

«Вот оно, — весь дрожа, как от восторга, сказал себе Андрей и отступил от прилавка, — вот оно, я же предупреждал! Сочли достойными! Сочли достойными! Сочли достойными!»

Ему казалось, что он кричит эти слова на весь зал, дергаясь и приплясывая под медленно проворачивающимся органным потолком. Если бы он видел со стороны, насколько равнодушно его лицо, насколько замедленны и даже развязны движения, он не поверил бы своим глазам. Здоровый белобрысый парень в дешевом клетчатом пиджаке, презрительно дернув щекой, отошел на два шага и отвернулся... А тот, охваченный пламенем, беснующийся и кричащий от стыда, существовал только в его воображении. Но — существовал, и ему было больно.

Дядя Сережа и мама Люда принялись ставить на конвейер один чемодан за другим.

— Этот откройте, этот тоже откройте, этот тоже, — командовала таможенница и вдруг, раздосадовавшись, воскликнула:

— Нет, это просто безобразие! Открывайте все подряд.

Иван Петрович в растерянности стоял по ту сторону барьера, держа в руках невесть откуда взявшиеся ножницы, ножницы тоже растерянно раскрыли рот.

— Да, да, и веревочку режьте, и веревочку, — сказала таможенница. — Не я же буду это делать.

Она вышла из-за своего пульта и направилась к Ивану Петровичу. Людмила побежала следом.

— Что безобразие? Почему безобразие? — на ходу повторяла она.

— Безобразие вести с собой целый продовольственный склад, — строго ответила ей таможенница. — Вынимайте!

— Это возмутительно! — в отчаянии выкрикнула Людмила. — Это издевательство над пассажирами! Я буду жаловаться!

— Володя, — обратилась чернобровая таможенница к напарнику, не возмущимо стоявшему за соседним телевизором. — Позови начальника смены, гражданочка хочет жаловаться. Будем с рейса снимать.

— Мама! — грубым низким голосом крикнул Андрей. — Перестань!

Должно быть, мама Люда и сама поняла, что занимает проигрышную позицию.

— Послушайте, жеищина, — тихо сказала она таможеннице, при-

жимая стиснутые кулачки к груди, — товарищ диспетчер, это ж питание, у нас двое детей, пожалейте!

В глазах у нее и в самом деле заколыхались слезы.

— Куда летите? — сухо спросила таможенница. — Ах, да... Это не я, это вы своих детей не жалеете. Для чего вы с ними? Зачем?

Андрей затравленно обернулся. Дама и девушка с ирисами, свободные от всего земного, стояли вдалеке, по ту сторону весов. Они смотрели на Тюриных и злорадно, торжествующе хохотали. А может быть, и не хохотали: выражения лиц на таком расстоянии невозможно было разглядеть.

Оттуда крикнули:

— Кто там остался на досмотре? Побыстрее нельзя?

— Ладно, ступайте, — помедлив, проговорила таможенница. — Но в следующий раз...

— Спасибочко вам! — воскликнула Людмила и тут же, понизив голос, спросила:

— Мы из Шербатова, может, слышали? Небольшой сувенирчик на память... о нашем городе...

— Уходите с моих глаз немедленно! — грозно сдвинув брови, сказала таможенница. — И чтоб я вас здесь больше не видела!

И мама Люда, всхлопнув локотками, побежала.

— Что, получила? — гневно отчитывал ее, едва поспевая за нею, Андрей. — Взяткодательница! Позорница ты! Сорока-воровка! Скажи спасибо, что пощадили твою глупую голову!

Анастасия, точно клетчатая кукла, покорно тряслась у Бати на руках, мама Люда в распахнутом бордовом пальто, шагая слишком крупно для своего роста, резкими, как робот, рывками катила тележку с растормошенными баулами, в стороне отец, словно маневровый паровоз, толкал впереди себя сразу три тележки.

Тюрины бежали наискосок по просторному залу с плавающими толками, скрытыми источниками света и совершенно межпланетными указателями, которые, требуя к себе внимания, выразительно, как глухонемые, гримасничали и, казалось, на все лады призывно мычали. Медные трубы глядели на Тюриных сверху, то ли укоризненно выпятив губы, то ли округлив от деланного удивления глаза... Скорее, скорее, скорее, то ли округлив от деланного удивления глаза... Скорее, скорее, скорее, торопил себя Андрей. Чтобы эта пытка стыдом поскорее окончилась (не могла же она продолжаться бесконечно), нужно было совершить над собою усилие, а какое именно — он не знал.

И вдруг это случилось само собою: время и пространство схлопнулись вокруг него, как фотокамера с черной гармошкой, мама Люда и Настя, вспорхнув, исчезли, сгнулись и постылые тележки с багажом, и Андрей увидел себя стоящим возле отца в узком шкафчике паспортного контроля. Было тесно и холодно, дул темный ветер с тревожным запахом эскалаторной резины. Оба, старый и малый, тряслись от волнения, словно преступники, намеревающиеся совершить угон. Если при этом применялись настоящие датчики, полиграф, несомненно, показал бы: виновны. И в самом деле, отец и сын охвачены были в эту минуту могучим чувством вины

перед своим государством... вот только в чем заключалась эта вина они не могли бы высказать ради спасения души.

Но никаких детекторов лжи в том шкафу не имелось. Чистенький молодой пограничник, сидя за стеклом, поднял ярко освещенное лицо, внимательно и странно посмотрел сперва на сына, потом на отца и, выложив на полочку их общий паспорт, негромко сказал:

— Проходите, пожалуйста. Следующий.

Тюрины вышли в длинный односветный зал, окнами глядевший в пасмурную сторону неба, на фоне которого леденисто белели самолеты с высокими хвостами. В широких креслах, просторно расставленных по всему залу, расслабленно и покойно расположились люди. Кареглазку и ее мамашу видно было издалека. Обе ярко-желтые, расшитые, точно камергерши какого-то птичьего двора, они сидели напротив входа, одинаково сдвинув колени, хотя брючная мать могла бы этого и не делать, но она, должно быть, показывала пример дочери, юбка которой и на четверть не прикрывала ее мощные взрослые бедра. «Москва», — сказал бы любой мальчишка в Щербатове, где все большое и красивое называли именно так. «Гля, красноперку какую вытянул! Москва!» Впрочем, дама не снисходила до того, чтобы смотреть по сторонам: она читала журнал «Иностранная литература», держа его несколько на отдалении и как будто мысленно произнося текст нараспев и в нос. Кареглазка через голубую соломинку пила из бутылочки пепси-колу и бездумно глядела своими яркими глазами на сидящих, стоящих и прогуливающихся по залу пассажиров. Британский агент куда-то исчез: выполнял, должно быть, разведывательно-диверсионную работу.

И тут Анастасия, терпевшая все утро, не выдержала.

— Мы уже приехали? — спросила она рыдающим голосом, обвиняя своего Батю за шею. — Знаю, знаю, все я знаю!

Никто, и Батя в том числе, не понимал, что творится в бедной этой головке. «Большой лопух», явившийся из недопонятой телепередачи и широко раскрывший сочный рот где-то за дверью, был одновременно и плотоядным цветком, и желтой женщиной с ирисами, и приемным покоем: Настя, лежавшая прошлый год в январе с дифтеритом, терзалась подозрением, что все это громоздкое мероприятие затеяно с единственной целью — обманом завести ее в инфекционную больницу.

— Мама, у нее начинается, — сказал Андрей, чувствуя, что сестренка все крепче прижимается к нему своим трясущимся тельцем. — Закачивай, пока не поздно!

Людмила схватила Настю на руки и принялась иступленно трясти, часто и резко наклоняясь вперед, точно кланяясь проносившимся перед нею вагонам. От прически «Николь» не осталось даже воспоминаний: теперь это была просто влажная спутанная грива неровно подстриженных темных волос. Многие сидевшие в зале заинтересовались этими телодвижениями. Кареглазка тоже долго и сосредоточенно глядела на Людмилу Павловну, покусывая свою голубую соломинку, потом досадливо шевельнула плечом и отвернулась. Так москвичи смотрели вчера, когда на раззолоченной станции метро появились в своем пестром тряпье цыгане...

— Ванюшка,— прошептала Людмила, не переставая кланяться,— а как же Сережа и Клава? Надо с ними попрощаться!

Иван Петрович всплеснул руками, заметался, побежал назад, к барьерам зоны спецконтроля, и возвратился, растерянно улыбаясь:

— Поздно, Милочка. Оказывается, мы уже пересекли государственную границу.

Последние слова его покрылись черным ревом, по стеклам высоких окон до самого потолка пробежала мелкая дрожь — и словно льдина откололась, толсто повторяя очертания госграницы, и медленно сдвинулась с места, оставляя за полоской темной воды и «маму-коку», и дядю Сережу, и чернобровую таможенницу с ее интроскопом, и обросшие лопухами желтые заборы Щербатова, и большую, лиловую, продроглую Москву...

4

Вождь всемирной герильи еще ни разу в жизни не летал на самолете: некуда было, даже к «тете Монаше» в Новороссийск он ездил на поезде. Поэтому, оказавшись в длинной алюминиевой трубе, сплошь уставленной рядами зачехленных кресел, он оробел, ноги его стали подгибаться, как будто вылеплены были из теплого пластилина. Все вокруг, от ребристого потолка до глухо подрагивающего пола, неумело прикрывало угрозу, страшно пахнущую кислыми леденцами. Полукруглые спинки кресел незряче белели, словно лица погибших и давно позабытых людей. Ступни ног неприятно покалывало, как во сне, когда чудится, что падаешь с большой высоты. Мальчик остановился в проходе и, подталкиваемый сзади нетерпеливыми пассажирами, даже обрадовался, когда перехватил взгляд Кареглазки, которая, сидя у иллюминатора, спокойно за ним наблюдала. Кукольно-красивое личико ее было так восхитительно невозмутимо, она так уютно устроилась в кресле с высокой спинкой, что Андрей устыдился своего страха.

— А вот и Ба-тя наш идет! — услышал он воркующий голос мамы Люды. — Скажи ему, доченька: «Иди к нам, Батя!»

Мать с сестренкой сидели через ряд позади Кареглазки и глядели на него снизу вверх, как из снежной ямы: мама черненько и умильно смеялась. Настя — запрокинув бледное, страдальчески улыбающееся лицо. Кепку с нее мама Люда уже сняла, сверху виден был жесткий пробор в ее туго натянутых белесых волосенках.

«Ну уж нет», — сказал себе Андрей и, насупившись, сел впереди, хотя рядом с Настей было свободное место. Он еще не забыл и не простил матери унижения, пережитого на таможне, а впереди был первый в его жизни полет, и ему не хотелось ни с кем разговаривать и ни о чем думать.

Мама Люда не стала настаивать. Поворочавшись, она притихла у него за спиной, и мальчик облегченно перевел дух, вытянув ноги, насколько позволяло пространство, и огляделся.

Увы, облегчение было преждевременным: рядом с ним возле иллюминатора сидел британский агент с мелко взбитыми бело-розовыми волосами. Он покосился на Андрея и слегка отодвинулся. Но Андрея

обмануть было нельзя: он знал, что такие шуплые дядьки хищно разговорчивы, они буквально впиваются в собеседника и обожают подначки, от них только и жди шутейного тычка под ребро: «Ну, так как же это все-таки у вас получилось?» Андрей заколебался: не пересест ли назад, к своим? Но по проходу в это время вперевадку прошел огромный, как слон, человек с лицом кофейного цвета и с толстыми губами, он без раздумий уселся рядом с Настей, Андрей и не оглядываясь это понял, когда его собственное кресло от тяжких толчков сзади заходило ходуном.

А на свободное место слева от Андрея опустился отец. Иван Петрович был замордован посадкой: волосы его разлохматились, бледно-желтое лицо блестело, как намазанное кремом, стекла очков захватаны пальцами, глаза воспалились и были подернуты стариковской слезой. Мельком, как на чужого, взглянув на сына, отец стал усердно запихивать под кресло объемистый рюкзак: занятие совершенно бессмысленное, поскольку там, под ногами, нельзя было бы поместить даже кота.

— Отдал бы матери, — не выдержав, сварливо сказал Андрей. — Пускай сама и везет. Русским языком было сказано: ручная кладь — только зонт и портфель. А с рюкзаками за границу не ездят.

— Да вот, понимаешь, — как бы не утруждая себя переводом его слов на свой кроткий язык, отозвался отец, — хотел оставить в тамбуре, но разве договоришься?

Отец хотел еще что-то добавить, но не успел. Услышав, что **мужички** разговаривают, мама Люда почти просунула между спинками кресел свое обострившееся, похудевшее от переживаний, но счастливое лицо.

— А мы тоже тут! — голосом шаловливой синеглазой девочки проговорила она. — А у нас все в порядке, мы смотрим в окошко и спать не хотим.

В минуты семейной радости все матери на свете страстно желают, чтобы их дети слились с ними в общем экстазе и залепетали слова благодарности и любви.

— У-тю-тю! — пробормотал Андрей, не терпевший, когда мама Люда начинала щебетать нарочито детским голоском.

А впереди Кареглазка оживленно разговаривала с расписной мамашей, и в прогале между креслами Андрей видел пушистый уголок рта своей сверстницы и прозрачно-карий глазок цвета вишневой смолы. Похоже, она говорила по-английски, хотя о том, что эта девочка — наша, свидетельствовал каждый взмах ее русских ресниц. Этого зрелища должно было хватить на всю дорогу... если Кареглазка тоже летит до конца «Все правильно» — таков был тайный шифр, обозначавший допущение третьего уровня, о котором не должен знать ни один британский агент, да что там — мать с отцом, друзья-товарищи — ни одна живая душа не должна знать о том, что все на свете ровесницы с карими глазами возникают из небытия для него одного, для безвестного покамест Андрея Тюрина из Шербатова... что, стоит ему пожелать, на страницах чужих паспортов жирно проступят любые визы, гладкой тушью впишутся любые имена, и люди с радостью забудут прошлое и беспечно полетят туда, где и не помышляли оказаться и где их не ждали, а теперь будут с нетерпением ждать.

Взлет был ужасен. Казалось, самолет никогда не оторвется от полосы, цепляясь колесами за каждую щербинку, за каждый камешек. Стиснув зубы, Андрей неотрывно глядел на световое табло, как будто там должны появиться слова: «Мы гибнем, граждане пассажиры!» Но вот всколыхнулся в животе — и деревья за круглым окошком сразу превратились в мелкорослый бурьян. Самолет накренился на крыло — вниз, словно кости в разверстой могиле, рассыпаны были белые длинные корпуса жилых домов, они торчали из черной, развороченной, подернутой зеленой рясской земли. Похолодев, Андрей бросил взгляд на отца. Отец дремал, свесив голову на грудь, с очками, сползшими, как у энтомолога, на кончик тонкого блестящего носа, с улыбкой страдальческой и в то же время стыдливой... Это не успокоило мальчика, а, напротив, повергло его в смятение. «Да, ему-то что, — в припадке младенческого ужаса думал он, — ему-то хоть бы что, это мне нельзя умирать!..»

Андрей не успел еще прийти в себя, когда услышал сзади захлебывающийся кашель и не без труда сообразил, что у Насти началась морская болезнь. Карий глазок между кресел мигнул на Андрея — и исчез, как погас.

Невыносимо долго самолет тянул вверх, жужжа и содрогаясь, как дрель, косо вгрызающаяся в дымное небо, внизу проворачивались поля и леса, на которые была выброшена прозрачно-зеленая весенняя марля. Потом в иллюминаторах побелело, машина вошла в толщу облаков и застыла на одном месте, продолжая безнадежно гундеть, словно муха, влипшая в молочный кисель.

Беловолосый сосед поднял бледную резидентскую руку (в манжеты у него были вставлены золотые запонки с янтарем), покрутил черную головку на потолке — и перед лицом Андрея повисла невидимая ледяная кися.

— Не беспокоит? — любезно, как парикмахер, спросил Андрея.

Голубые глаза его, водянистые, но казавшиеся ясными на розовом лице, смотрели приветливо и неостро. Андрей покачал головой.

— Ну что, брат Тюрин? — с улыбкой произнес британец. — Натерпелись мы с тобой страху? Я тоже боюсь взлетать.

Андрей решил, что ослышался: так было проще. В смутной ситуации вообще нужно действовать так, как если бы ничего особенного не происходило. Но на лице его, видимо, все же промелькнула растерянность, потому что беловолосый сухонько, через «хе-хе» засмеялся.

«Нет, дорогой, — насупившись, подумал Андрей, — не втянешь ты нас в разговор. У тебя в запонках микрофоны».

— Да, перемещаться по воздуху верхом на канистре с бензином не пристало разумному человеку, — с удовольствием откинувшись к спинке кресла и положив обе руки на подлокотники, продолжал беловолосый. — Когда-нибудь, лет через триста, люди будут нам удивляться: «Как они могли рисковать? И куда они, собственно, летали? Что им не сиделось на месте, не ходилось пешком?» И что самое удивительное, — тут британец придвинул к мальчику свое розовое лицо и доверительно понизил голос, — там, куда мы летим, нам решительно нечего делать. Баловство одно, кажимость, не более того.

«Почему он со мной говорит? — машинально отодвигаясь, с тревогой думал мальчик. — Может быть, он действительно к нам приставлен? Или просто тихопомешанный. Болтун Патолог».

Год назад по Щербатову, если верить слухам, шатался один патолог, все ходил по дворам, по песочницам, вертелся возле детских садилов, приставал к маленьким девочкам, звал их в какой-то шалаш. Мама Люда очень боялась за Настю, гулять ее отпускала только с Батей, все лето оказалось испорченным из-за этого больного козла. Местный свихнулся, должно быть, пришлецы в Щербатове все на виду. Андрей возомнил, что поймает его, сажал Настасью вместо приманки на солнышко, а сам где-нибудь прятался и наблюдал. Настасья беззаботно играла: про патолога она слышала, но уверена была, что Батя ее защитит: Батя — самый сильный и самый грозный на свете. Вот она бы третий допуск приняла на веру безоговорочно.

Андрей прислушался — сзади доносилось умиротворяющее бормотание мамы Люды:

— Ну, вот так, ну, вот и ладно, дочка моя умная, разумная, а головочку геперь сюда положи...

Андрей обернулся, взглянул в щель между креслами: кофейного человека как ветром сдуло, вон он сидит позади, у прохода, надутый, руки все в кольцах, аристократ, вождь, наверное, племенной. а мама Люда укладывала Настасью на двух свободных местах, укрывая ее коротеньким аэрофлотовским пледом. Настасья мучилась, лицо ее с прилипшей ко лбу челочкой и с зажмуренными глазами было белее наволочки. «О-ох», — простонала она неожиданно взрослым женским голосом. И Андрей поспешно отвернулся.

Видя, что мальчик не склонен поддерживать разговор, подсадной агент уgomонился. Отвалив назад спинку кресла, он достал журнал «Крокодил», надел очки (это были замечательные, наверняка дорогие очки в массивной оправе с затемненными коричневатыми стеклами) и принялся сосредоточенно и серьезно изучать карикатуры, время от времени брезгливо отстраняясь, как будто бы там изображалась интимная жизнь земноводных.

Между тем тугая щека ровесницы снова выступила из-за высокой спинки кресла, гладкая, как молодой месяц, и на поручне показался снисходительный голый локоток. Сердце у Андрея вздрогнуло, как поплавок от первой поклевки: простая пробка, проткнутая куриным пером, только что стояла неподвижно на зеленой воде — и вдруг стеклянно и тоненько тюкнула. Для кого — мелочь, а для него это был знак, что **все правильно**, что Кареглазка согласна лететь с ним до конца и что там ее уже ждут.

Это не помешало Андрею ревниво отметить, что Кареглазка говорит на чужом языке легко, будто воду пьет, такого легкого английского Андрей еще не слышал: скиталец из института Мориса Тереза, кичившийся своим американским произношением, выпячивал нижнюю челюсть и шамкал ртом, как будто ел горячую перловую кашу. Собственно, этот оболтус и не учил ничему, только сквернословил по-английски да пел дифирамбы

«штатникам», и Андрей терпел его лишь из уважения к его бедности и бездомью, а языком занимался сам, идя первобытным путем и затверживая по десять слов в день.

То, что мальчик в клетчатом пиджаке завистливо прислушивается к разговору, Кареглазке было, несомненно, известно, и она слегка манерничала: выпячивала губы больше, чем следует, и, произнося межзубные, дразнила ярким кончиком языка. Мать нехотя отвечала ей грудным меццо, потом вдруг зашевелилась, повернулась — и Андрей даже испугался, увидев так близко ее желто-пегие глаза. В каждой человеческой физиономии зашифрована морда животного, в этой коротконосой, щекастой и зобастой, деформированной возрастом, явственно проглядывал недружелюбный мопс. Дама холодно оглядела Андрея, потом перевела взгляд на резидента. Британец, словно этого и дожидаясь, с непостижимой быстротой совершил несколько телодвижений: свернул в трубочку свой «Крокодил», записнул его за прижимную сетку, сорвал с носа очки и, резко выгнув спину и подавшись вперед, осклабил в любезной улыбке ровные лошадиные зубы. При этом кожа головы у него дернулась вместе со всеми выросшими на ней волосами. Улыбка агента осталась, однако же, без ответа. Дама лишь скользнула по нему взглядом, и лицо ее исчезло. Минуту спустя исчез и локоток.

Смутившись, Андрей покосился на отца. Иван Петрович спал, свесив голову уже набок, в проход, и стюардесса, как раз проходившая мимо, бесцеремонно потеснила его бедром. Андрей снял с отца очки, сунул их ему в нагрудный карман пиджака, потом обнял его за плечи и попробовал усадить подостойнее. В конце концов это ему удалось, потому что отец, как тряпичный, согласен был принять любую позу.

— Это ж надо так спать, — проворчал Андрей, приглаживая ему волосы и поправляя галстук.

— Притомился Иван Петрович? — раздался за его спиной скрипучий голос.

Это было уже чересчур. Покраснев от испуга (и отчасти от негодования), Андрей обернулся. Агент глядел на него в упор, губы его морщились в сатанинской улыбке, змеившейся пороками того мира, где, в отличие от нашего, все покупается и все продается.

— Не бойся, юноша, — сказал беловолосый, — мы с твоим батюшкой будем работать в одном университете. В министерстве нас познакомили, но сегодня он не соизволил меня признать.

И изящным жестом засунув два пальца в жилетный карман, беловолосый достал и протянул мальчику шегольскую визитную карточку с золотым обрезом, на которой золотыми же буквами по-английски (а на обороте по-русски) было написано, что Ростислав Ильич Дицкий является профессором, доктором наук, специалистом в области международного права, членом каких-то там коллегий, корпораций, ассоциаций. Союза журналистов и прочая, прочая... Пристыженный Андрей смотрел на эту острую, как лезвие, картонку и не знал, что с нею делать.

— Оставь себе на память, — сказал Ростислав Ильич. — И не принимай на веру все, что там написано. Визитная карточка — это еще не документ. Не профессор, а преподаватель, не доктор, а кандидат,

я бы мог объявить себя академиком, многие так и делают. Там, куда мы с тобою летим, все заказывают такие карточки: быстро и дешево, а главное — никто не допытывается, верно ли то, что ты хочешь изобразить. Просто повальная мода, и папа твой закажет, и ты, я полагаю, не устоишь. Будь я мальчишкой — не стал бы мелочиться, сделал бы себе визитную карточку императора южных морей или, скажем...

Он пошелкал пальцами, подыскивая подходящий титул.

— Великого Инквизитора Обозримой Вселенной, — подсказал Андрей.

Он сделал это из сострадания, чтобы облегчить жизнь беззлобному человеку. Навыка разговаривать с подростками Ростислав Ильич не имел: он не то чтоб фальшивил и лебезил, но — неестественно форсировал оживление. Примерно так же вел себя выступавший в «реальном училище» детский писатель из Москвы, Андрей с трудом досидел до конца мероприятия: сил не было смотреть, как человек мучается.

— Ого! — сказал Ростислав Ильич с одобрением и, прищурясь, поглядел Андрею в лицо. — Вот это заявка. Откуда родом?

— Из города Щербатова, — ответил Андрей и напрягся, уловив в этом невинном вопросе хитрый подход к теме «Как же это у вас получилось?». «Вот-вот, сейчас», — думал он, чувствуя, как все поры его кожи выделяют тревожное вещество, вроде даже с острым запахом муравьиного спирта.

— Из города Щербатова! — многозначительно повторил Ростислав Ильич — Совершаем путешествие в землю Офирскую?

Намек Ростислава Ильича был понятен каждому грамотному щербатовцу: экскурсоводы краеведческого музея квалифицированно разъясняли всем желающим, что название их старинного города не имеет ни малейшего отношения к мракобесу, сенатору и тайному советнику князю Мих. Мих. Щербатову, типичному представителю реакционной аристократии XVIII века, автору трактата «О повреждении нравов России» и «Путешествия шведского офицера в землю Офирскую», последовательному отрицателю равенства людей как такового. Впрочем, творения бранчивого князя были в музее представлены (титульные листы, во всяком случае), им отведен был специальный стенд. Красовался там и портрет безбородого аристократа в жидких кудельках со спесивым и вместе оскорбленным лицом, на груди его сияла звезда, вызывающая споры щербатовских мальчишек: то ли вышита, то ли приколотая. В доме Тюриных имелась скверно выполненная ксерокопия статьи князя Щербатова под названием «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия Петра Великого, дойти до того состояния, в каковом она ныне есть в разсуждении просвещения и славы». Эта статья считалась крамольной, и говорили о ней вполголоса. Иван Петрович не лишен был вкуса к старинным речениям и в свободное время для души занимался щербатоведением, надеясь в будущем как-нибудь написать книжку о «времяисчислительном положении». В хорошем настроении отец не упускал случая шегольнуть словечками князя Михайлы Михайловича, как будто это был его закадычный друг.

Так что ошибка Ростислава Ильича была для иногороднего вполне

простительна, а воодушевление, с которым он поспешил щегольнуть своей эрудицией перед подростком, очень к нему располагало. Нет, подумал Андрей, это не подсадной провокатор: на подвох такой человек не способен.

Он стал разъяснять Ростиславу Ильичу его заблуждение, говоря путанно и многословно — из деликатности, разумеется, не каждому профессору понравится, когда его поправляют, но тут в разговор вмешалась Людмила Павловна, с материнской гордостью прислушивавшаяся, как ее старшенький на равных разговаривает со взрослым.

— А вы не по-английски случайно беседуете? — вновь высунувшись между спинками кресел, спросила она. — У Андрюши очень хорошо получается, заслушаться можно.

Ростислав Ильич обернулся и ответил в том смысле, что у них еще все впереди.

— А, так вы тоже с нами? — жгуче заинтересовавшись, проговорила Людмила Павловна. — Вы, извините, наверное, дипломат? Из посольства?

Андрей внутренне застонал: о господи, можно ли быть такой глупой? Знающие люди, чтоб им гореть, помимо прочих иллюзий, внушили маме Люде, что за рубежом нужно обязательно завести дружбу с каким-нибудь нашим дипломатом, он и поддержит, и растолкует, и отведет неприятности, через него можно выписать из третьей страны разные товары по низким ценам, поскольку дипломатические выписки пошлиной не облагаются. А дипломаты там, в стране назначения, только и ждут, когда прибудет Людмила Павловна Тюрина, в девичестве Минаева, им без нее так одиноко.

Ростислав Ильич отклонил лестное для себя предположение и сообщил, что университетский преподаватель, не более того.

Людмила Павловна так и вскинулась.

— Ой, да это просто замечательно! — вскрикнула она и замахала ручками. — Мы тоже, мы тоже университетские! Ванюшка, Ваня! Проснись! Надо же, какое невероятное совпадение! Мой муж — математик, и у меня самой гуманитарно-техническое образование!

Говоря так, она протянула руку и энергично потрясла отца за плечо. Однако Иван Петрович не проснулся, лишь промычал что-то невнятное. Вообще спал он тяжело и шало, свои ночные бреды Анастасия унаследовала от него.

— Ну, зачем так жестоко будить! — укоризненно проговорил бело-волосый. — Две посадки впереди, из самолета не выпускают, успеем еще наговориться. И никакого совпадения нет, я неделю назад уже знал, что со мной вылетает замена Сивцова.

— Да, да, мы замена, математики мы! Представляете, летим совершенно вслепую, без группы, без старшего, как сироты, инструктажа с нами настоящего никто не проводил... Вы уж станьте, пожалуйста, нашим куратором! Андрюша! Мальчик мой, пересядь на мое место, золотко!

Андрюша заметил, что на лице Ростислава Ильича проступило неудовольствие, и хотел было воспротивиться, но в это время дама с ирисами, негромко произнесла что-то похожее на «невыносимо», поднялась и, рывком подхватив сумку, зашагала по проходу так целеустремленно,

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА



как будто вознамерилась сойти на ходу. Следом зашевелилась и дочка.
— Сыночек, ты меня слышишь? — поторопила его мать.

Андрей и Кареглазка встали одновременно и оказались лицом к лицу — так близко, что он почувствовал, как пахнет кожа ее шеи. Кареглазка раскованно взглянула Андрею в глаза, и губы ее шевельнулись в усмешке, которую можно было толковать как угодно. Потом она выбралась из кресел и, придерживая локтем свою белую мягкую сумочку на длинном ремне, пошла вслед за матерью по проходу. Такая между ними, должно быть, велась семейная игра: дочку устраивало выгодное сравнение с увядшей мамашей, а та, в свою очередь, полагала, что это сходство освежает ее самое.

«Переодеваться пошли, — решил Андрей и успокоился. — Надевают же халаты в поездах дальнего следования».

— Первый раз выезжаете? — спросил Ростислав Ильич, когда Людмила Павловна, дрожа от восторга и нетерпения, опустилась в кресло



с ним рядом.— Ясно, первый. Ну, что я могу вам сказать? Будет плохо. То есть очень плохо.

— Климат? — с надеждой спросила Людмила.

Ее терзало подозрение, что в результате всяческих махинаций им, Тюриним, подсунули не ту, не настоящую заграницу. Суровые слова Ростислава Ильича вроде бы подтверждали это подозрение, но оставалась еще надежда на то, что он имеет в виду всего лишь погоды: к плохим погодам шербаатовцы были готовы.

— Да нет, климат там приятственный,— ответил Ростислав Ильич,— я бы сказал — курортный.

— Вот видите! — с ревнивым укором сказала Людмила.— Что же тогда?

— Ну, не стану пугать заранее...— уклончиво проговорил Ростислав Ильич.— Увидите все на месте. Одна подробность: мясо завозят раз в месяц, и очередь надо занимать в три часа утра.

— Этим нас не удивишь,— храбро ответила Людмила.— Мы в Шерба-тове мясными продуктами не избалованы. Зато, когда озера облавливают, нам рыбка перепадает. Не через магазины, конечно, а так, вы меня понимаете. Вдруг начинают вялить в каждом доме, на каждой улице. Значит, беги по своим каналам. Ну, а там, наверно, просто рыбное изобилие? Океан есть океан.

Лучше бы она не забегала вперед со своим океаном, но уж очень хотелось получить утвердительный ответ.

— Изобилие — сильно сказано,— с удовольствием проговорил Ростислав Ильич.— За два года вкус рыбы я там успел позабыть.

— А что, разве местные не ловят? — не удержавшись, спросил из-за спинки кресла Андрей.— Табу какое-нибудь?

Ростислав Ильич посмотрел на него через плечо.

— Будет лучше, юноша,— дружелюбно сказал он,— если ты станешь говорить не «табу», а «табú». Нет, никакого табу не имеется. Ловят местные жители, но не продают. Сами потребляют. Я как-то на пляже спросил одного рыбака, не продаст ли он мне свой улов. Так, десяток рыбешек в переднике. «Нафинг»,— ответил он мне. Знаете, категорически, с пренебрежением: «Н-на-финг!» И прошел мимо.

Эту сцену Андрей отчетливо увидел: белый пляж, зеленые волны — и свирепый рыбак в мокром переднике с ослепительной улыбкой на темном лице.

— Ну, если за ценой не постоять...— с сомнением промолвила Людмила.

— Все равно не получится,— ответил Ростислав Ильич.— Продавать им невыгодно. Не знаю, как проще объяснить...

— Да понятно! — вновь не утерпев, высунулся Андрей.— Развивающаяся страна. Инфляция. Долги. Стихийные бедствия.

Ростислав Ильич помолчал, то ли выжидая, что Андрей скажет еще, то ли давая ему время осознать дурость уже сказанного.

— Большой у вас мальчик,— проговорил он со странной интонацией насмешливого почтения.— И как только пустили?

Вот это была уже настоящая поклевка. Красно-белый поплавок

дернулся два раза, распуская несерьезные круги, и вдруг его так круто повело на дно, что Андрей даже не успел покраснеть, он просто сомлел, и лоб его покрылся каплями пота. «Все-таки спросил, гад ползучий, тоскливо подумал он, отворачиваясь к иллюминатору. — Уж если и этот спросил, то все будут спрашивать, все, все. Не убережешься».

«Горькое разочарование...» Вкус этих слов Андрей почувствовал на языке. А он-то, чудак, надеялся, что его стыд, его тайная хворь останется там, в аэропорту, у выхода на летное поле... Не тут-то было, он везет этот свой невидимый горб с собою, в точности как улитка повсюду таскает на себе свою раковину. Но в раковине хоть убежище, а здесь — наоборот, даже слова такого в человеческом языке не придумаешь... Неужели это навек?

Все стало пасмурным и неуютным вокруг, не на что было смотреть, не о чем думать. Надежд на возвращение Кареглазки больше не оставалось. «Ну и черт с нею, — вяло сказал он себе. — Другую придумаем».

Андрей осоловело поглядел в иллюминатор, там было все белым-бело, и веки его стали слипаться.

Сквозь дремоту он все же прислушивался к голосам взрослых. Чувствовалось, что Ростислав Ильич утомился от расспросов: голос его стал металлическим, интонации — раздражительными и даже агрессивными.

— А я вам говорю: в убыточное дело вы ввязались, и ничего, кроме потерь, оно вам не принесет. В профессиональном плане вы, Иван Петрович, отброшены на годы назад, по возвращении вам придется все начинать, как молодому, а заработать на всю жизнь вам все равно не удастся. Просидите вы свои три-четыре года, жить будете впроголодь, на всем экономя... Сколько вам лет, коллега?

— Сорок пять, — глухо ответил Иван Петрович.

— Вот такие дела, — заключил Ростислав. — В пятьдесят вы останетесь камер-юнкером. Порча жизни, одна только порча. И дети ваши тоже будут испорчены, всю свою дальнейшую жизнь они будут маяться, никакая внутрисоюзная работа, никакие совденьки их уже не порадуют. «Вкусная вкусих...»

— А вы-то как? — после долгой паузы осторожно спросила мама Люда.

— Ну, во-первых, детей у меня, хорошо ли, плохо ли, нет, — голос Ростислава Ильича приобрел мужественный и даже горделивый оттенок, — супруга моя Катерина Михайловна не желает, как она выражается, плодить ублюдков...

— Молодая? — со странной полуютвердительной интонацией произнесла мама Люда.

— Да, в значительной степени, — неохотно признал Ростислав Ильич и резко переключился на другой разговор. — А кстати, друзья дорогие, знаете ли вы, чье неудовольствие вызвали? Я имею в виду хорошо одетую даму, сидевшую впереди нас.

— Это которая с дочкой? — без всякой необходимости уточнила мама Люда, и Андрей, прислушиваясь, подался вперед.

— Именно, с дочкой-красавицей, — подтвердил Ростислав Ильич, —

с очаровательной Женечкой, на которую ваш юноша глаз положил.

Наступила тишина, мама Люда то ли зашуршала чем-то таким, то ли предостерегающе зашипела. Ростислав Ильич обернулся и весело взглянул на Андрея. Мальчик поспешно откинулся к спинке кресла, но было уже поздно... Ему хотелось вцепиться ногтями в свои собственные щеки и содрать с себя подлую румяную кожу: как его мучила, как мешала ему жить эта мерзкая привычка краснеть! Предатель, подлый предатель, подкрался, застал врасплох, плеснул кислотой — и доволен, смеется, морщит от смеха свой бледный конопатый нос... а он не в состоянии просто посмотреть ему в глаза... О, как хотел бы Андрей иметь смуглое, нет — матово-смуглое лицо, неподвижное, как маска, выдающее чувства лишь мертвенной бледностью, которая пугает окружающих, но уж никак не смешит! Только бы отучиться краснеть, только бы отучиться краснеть! Как можно управлять всем ходом событий, если не умеешь управлять своим собственным лицом?

— Так вот, — юмористически понизив голос, продолжал Ростислав Ильич, — это сама Надежда Федоровна, наша советница... в смысле — супруга советника Букреева Виктора Марковича. Бывшая стюардесса.

— Красивая женщина, — сказала мама Люда, подумав.

— Это верно, — согласился Ростислав Ильич. — Красивая, богатая, всесильная и свободная.

— А чем мы ей помешали? — спросила мама Люда.

— Шут ее знает, — отозвался Ростислав Ильич каким-то удаляющимся голосом, — Прошу прощения, я немного подремлю. И вам настоятельно рекомендую...

...Последний час пути был самый тяжкий. Казалось, самолет так и будет гудеть всю жизнь, вытянувшись длинной очкастой кишкой от горизонта до горизонта. В иллюминатор смотреть было невозможно: внизу тянулась ровная, белая, как заснеженная тундра, пелена облаков, а над нею в ярко-синем небе космически пылало жгучее солнце.

— Господи, — тоскливо проговорила Людмила. — И правду сказать, куда летим? Даль несусветная...

— Да, Таймыр будет ближе, — пошутил Иван Петрович. Он шутил редко, и всегда его шутки требовали комментариев.

— При чем тут Таймыр, тюря? — рассердилась Людмила.

— Туда тоже на заработки ездят, — серьезно объяснил он.

Вдруг все иноземные пассажиры оживились, стали радостно кричать, смеяться, полезли к иллюминаторам. Андрей очнулся от унылого оцепенения, взглянул в окошко. Самолет лениво и плавно двигался над мутно-голубой водой, сквозь которую виднелись разноцветные донные плитки. Так это ж не вода, сообразил Андрей, это воздух такой. И не плитки, конечно: огороды просвечивают и поля. Высокие кучевые облака сидели в воздушной мути грузно, как плавучие сугробы. Все яснее проступали серо-голубые и розовые участки земли, они перемежались ржавой зеленью. Целая страна, которой полчаса назад еще не было на свете, возникла из ничего, из полупрозрачного воздуха, словно бы выдуманная на лету, вся в неясных еще пятнах и контурах: вот дорога бежит.

длинная, узкая, красновато-лиловая, а куда бежит, что связывает — ей самой пока неизвестно.

И тут между низко стоящими и как бы подтаивающими облаками проплыл город — высокий, уступчатый, серокаменный и в то же время прозрачный, словно мираж: этакий Щербатов, украшенный флагами, вознесенный в небеса и колышущийся в мутном мареве. Проплыл — и исчез под крылом, а когда самолет накренился — ничего, кроме бледных полей, уже не было видно.

Андрей еще пытался сообразить, привиделось ему это или не привиделось, как вдруг между спинками кресел показалось лицо Ростислава Ильича — розовое, белобровое, улыбающееся.

— Видал? — спросил он Андрея, сам радуясь, как мальчишка — Столица земли Офирской.

Нет, на него невозможно было долго сердиться.

— Где столица, где? — спохватилась Людмила Павловна, но тут как раз вспыхнуло световое табло, все послушно пристегнулись к сиденьям, и старый авиалайнер, громяхая, как пустой комод, из которого выдергивают ящики, пошел на снижение.

5

Со страхом и радостью спускались Тюрины по трапу, они жмурились от налитой солнцем небесной синевы и жадно вдыхали горячий, пахнущий больничными бинтами воздух. Горизонт на краю темного щербатого бетона колыхался, вместе с ним зыбились и низкорослые мохноногие пальмы с поседелыми на концах жесткими веерами листьев.

— Ух ты, — сказал Андрей. — Ну и теплынь.

Все поплыло у него в голове... А может быть, это вовсе не он ступает сейчас по горячей земле, это совсем другой парень, а тот, из Щербатова, ради которого все и было затеяно, так и остался в той рубчатой кишке, опоясавшей земной шар. А может быть, та кишка вспыхнула, как цирковой обруч, — и теперь, обожженные и слепые, они бредут по горелой земле. Красно глазам, горячо щекам, а все остальное им только мнится.

Иван Петрович, с рюкзаком за плечами и с хозяйственными сумками в обеих руках, потопал ногами по бетонной чужеземной плите и пробормotal:

— Прилетели, провалиться мне на этом месте!

Отец единственный из всех оставался при чиновном параде, в ужасающе теплом костюме. Андрей избавился наконец от тесного пиджака и был в розовой рубашке с закатанными рукавами. Настасью одели в горошковое зеленое платье с оборочками, и мама убрала подальше свое бордовое пальто, переделалась по-курортному и была сейчас в голубом крепдешинном платье какого-то опереточного покроя, с легкомысленным подолом и лихим декольте.

За пальмами густо, темно и в то же время молочно синел океан. Оттуда тянуло прохладой, но прохладой не нашенской, а размазанной по поверхности жары, растекшейся, как по краюхе черствого хлеба тонким слоем растекается мед.

— Господи, хорошо-то как... — прошептала Людмила и потянулась

поцеловать мужа в щеку. Он этого не заметил, повернулся неловко, и поцелуй пришелся в рюкзак.

— Все-таки в больницу меня привезли, — обхватив маму Люду за шею и сумрачно глядя на брата поверх маминого плеча, сонным голосом сказала Настя.

Вереница пассажиров тянулась к зданию аэропорта. Здание это, черно-серое, словно слепленное из горячего шлака, тоже как бы излучало невидимый, но ощущаемый на расстоянии жар. У его подножия шевелилась пестрая полоска встречающих.

Мадам Букреева с Кареглазкой стремительно прошли мимо Тюриных, не глядя по сторонам, двигаясь как по облицованному гладким мрамором туннелю. Они были облачены в белые марлевые хламиды, развевавшиеся на ветру, лица их были наполовину закрыты круглыми радужными противосолнечными очками, их сандалии звонко шелкали по одинаковым розовым пяткам. На сей раз Кареглазка даже бровью не повела в сторону мальчика из Щербатова, а ведь это он ее выдумал, дал ей имя и привез с собой в Офир, мог бы поматросить и бросить на полдороге. Ростислав Ильич тоже умчался вперед, привставая на цыпочки и преувеличенно радостно помахивая кому-то рукой.

Далеко же остался старый добрый Щербатов... Андрей любил свой родной город и никому не дал бы его в обиду, но про себя подумывал иногда, что родители могли бы подобрать себе место для обитания и получше, поближе к центру мировых событий. Не сейчас, разумеется, когда они утратили азарт, а в молодости, когда им открывались все на свете пути. Как-то не так они распорядились отпущенными им годами, поленились, успокоились — и осели в Щербатове. Дядя Сережа, хоть и нанаец, а не усидел в своих Ченцах, и «тетю Монашу» понски лучшей доли занесли в город Новороссийск. Мама Люда еще иногда тосковала по несостоявшейся жизни, если бы не эта тоска — разве решилась бы она разыгрывать выездной вариант? А вот отец — он совсем не тяготился ни бедностью, ни неустроем: обсыпанный перхотью темно-синий пиджак с рукавами и лацканами, вечно седыми от меда, и серые брюки «из другой оперы» его вполне устраивали, и за кафельной плитой на кухне ему было уютно, и Щербатов ему был по плечу. У отца имелась собственная историко-географическая концепция, и он охотно своим гостям ее излагал. Когда в эпоху великого переселения народов человеческие орды шли из Азии на запад, самые несерьезные элементы, верхогляды, авантюристы и искатели легких побед, уходили все дальше вперед, не сиделось им на месте — и все тут. Вон куда умахали лангобарды, к Атлантике, и вестготы, и даже остготы не успокоились, пока не вышли к морским берегам. А наши кривичи не пожелали сделать еще три шага — да так и осели среди своих мелколесных болот. То ли руководство оказалось философски настроенное, то ли порешила так сама народная масса: «Да ну, да куда, да не все ли равно, где жить?» Могли бы и мы купить своих саврасок в Бискайском заливе. Но тогда бы это были не мы.

Внутри аэропорт оказался пустынный и как будто недостроенный, с неоштукатуренной кладкой стен, с толпами бетонными колоннами, сохранившими отпечатки опалубки, с обнаженными перекрытиями крыши.

Под потолком, свешиваясь на длинных штангах, медленно крутились десятки огромных вентиляторов, похожих на самолетные пропеллеры, однако толку от них было мало. Воздух был густ и тяжел, как цементный раствор, его нужно было не вдыхать, а захлебывать.

Иван Петрович присел за каменный столик, поправил очки, потом снял их, протер, снова надел, вытер платком лоснящееся от пота лицо. На столе были рассыпаны пустые бланки, нужно было их заполнять.

— Иди помоги папе, — сказала сыну Людмила, — а я буду караулить багаж.

Сквозь пролом в стене, прикрытый брезентовой попоной, в зал просовывался багажный транспортер, вдоль него, нетерпеливо приплясывая, выстроились женщины и дети — в то время как отцы семейств заполняли бумажки. Мадам советница и Кареглазка, обе с отчужденными и даже вроде бы оскорбленными лицами, стояли в стороне, к багажу и к анкетам они не проявляли интереса, всеми их делами занимался шустрый молодой человек в белой рубашечке с короткими рукавами при широком расписном галстуке. Вряд ли это был сам Букреев, слишком молод для такой взрослой дочери, да и поглядывал он на советницу подобострастно.

Андрей подошел к отцу, сел с ним рядом. От волнения Иван Петрович плохо понимал, что требуют бланки, и вид у этих бумажек был непривычный: черные жирные линии, белые и заштрихованные клеточки, каждую букву следовало писать в печатном виде в отдельной клетке, так во всяком случае делали окружающие.

— Черт его знает, — беспомощно сказал Иван Петрович, — какой-то кроссворд.

Вдвоем с Андреем он испортил несколько бланков, набрали новых. Это было позорно, мальчик украдкой оглядывался, не видит ли кто. Но все были заняты своими делами. Ростислав уже справился с этой работой и, изящно облокотясь о барьер, беседовал с солдатами, караулившими выход в город. Солдаты в оплетенных касках, увешанные оружием, фляжками и подсумками и потому имевшие устрашающий, совершенно мезозойский вид, дружелюбно скалили зубы, и аккуратные таможенники в кремового цвета мундирчиках прислушивались к разговору и улыбались эклерными улыбками. Андрей с укором посмотрел на отца и отвернулся.

Дальнюю стену огромного зала украшала символическая карта мира. Контуры континентов, весьма приблизительные, сделаны были то ли из гнутых медных труб, то ли из толстой проволоки, прикрепленной кронштейнами к шершавой поверхности. Что-то в этой карте было пугающе не такое, смещенное, вызывавшее смутную мысль: «А туда ли мы прилетели?», но разобраться в этом как следует Андрею не удалось: зарокотал транспортер; мама Люда окликнула мальчика, надо было подхватывать чемоданы и оттащить их в сторону, иначе под попоной возникнет затор.

Шалея от жаркого стука крови в ушах, чувствуя, как по спине и животу под рубахой текут струи пота, Андрей работал, как каторжник; мама Люда тоже надрывалась, таская чемоданы к колонне, возле которой, осоловело опустив голову в белой панамке, сидела на каменной скамеечке горошковая Анастасия.

— Что ж нас не встречает никто? — прохрипела мама Люда, повернув к сыну изломанное, покрытое красными пятнами, как будто воспаленное лицо.

— Встретят, не волнуйся. — прибрижал Андрей.

Обернувшись, он увидел, что отец судорожно листает карманный сивари, это было совсем уж плохо. Вообще способность отца читать латинки на иностранном языке представлялась Андрею не такой уж бесспорной. Отец и по-русски говорил странно, путая противоположные по смыслу слова: «Что-то стало гнетнее, Милочка», — имея в виду, что смерается, или совсем уж несусветное: «Ну, наглотался кипятку?» — в смысле «надышался вылодного воздуха». Про себя Андрей определял этот дефект как «катеватический»: нужен ведь особый склад ума, чтобы действительно число считать такой же реальностью, как и положительное. Этой же странной особенностью отличалась и Анастасия, оповещавшая родителей с утра: «Я уже засыпаю!» — вместо «проснулась», с полем Брока у них у обоих явный был непорядок.

Наконец-то из-под попоны вылезало все, кроме ящика с холодильником: наверно, он не проходил по габаритам.

— Ванюшка, ты скоро? — крикнула Людмила. — Мы остались одни!

— Та, черт! — Мама Петровна с ожесточением порвал еще один бланк и побежал за новым.

«Вот как в пятерочка за язык», — утрировано подумал Андрей. — Сочли достойным».

Мама Люда посмотрела на сына, и в ее глазах он уловил тот же страх: «Куда приехала?»

— Уйрив мы здесь, Андрюшенька! — проговорила она жалобно. — Неужели всегда такая дурота?

— Солнце в зените, середина дня, — ответил ей Андрей. — Да не трепещь ты, помогут, нечего тревожиться!

И тут, словно вызванный заглаженным джинн, перед ними материализовался долговязый молодой парень в черных очках, оправленных в дешевую желтую пластмассу. На нем были матые вельветовые брюки бледного цвета и клетчатая ковбойка.

— Из группы Завкина? — сурово спросил парень, глядя на них сквозь очки, делавшие его похожим то ли на жука-бомбардира, то ли на лесного разбойника. — Завкина Сидорова?

— Да, товарищ, да! — радостно вскричала Людмила. — Жаждались!

— Как это жаждались? — удивился жук-бомбардир. — Это я вас жду на вокзале, думаю — не прилетели, хотел уже уезжать. Эни траблз? Какие-нибудь проблемы? Паспорта позабыли, визы не проставлены?

— Да нет — затаривались Людмила, — анкеты не может заполнить, а младшенький куда-то пропал.

— «Мирский»? — деловито заинтересовался разбойник. — Зря приехали. «Мирский» — для Завальеры.

— Бис, почему ж. — возразила Людмила. — У нас «Смоленск».

— «Смоленск»? — воскликнул парень. — Н-не кисло! Который раз выжидаете?

— Первый, — застенчиво, как гимназистка, призналась Людмила и потупила синие глазки.

И Андрей, с неприязнью глядя на жука-бомбардира, ни с того, ни с сего вдруг вспомнил о Розанове и начал медленно заливаться краской.

— Тогда давайте знакомиться, — голосом деревенского ухажера сказал он. — Игорь, фамилия Горошук, можно просто Игорь Валентинович. Я не гордый. Значит, так. Холодильник я вам отыщу. А за это абонирую у вас место в морозилочке, все равно вам покамест нечего класть, а у меня печенка по чужим квартирам мотается. Аккорданс? Аккорданс. И анкету сейчас нарисую, какой разговор. Уот конверсэйшен?

Он оглянулся, помахал рукой, подошел таможенник, и они заговорили по-английски так быстро, что уследить за их речью было невозможно. Андрей понял только то, что чиновник называл с неправильным ударением, получалось «Егор».

— С холодильничком прокол, — сказал, наконец, Игорь. — Не приехал сегодня ваш «Смоленск», просил передать, что днями будет.

— Как же мы? — закручинилась Людмила.

— Ничего, недельку перекантуетесь, я семь месяцев, как птеродактиль, без холодильника жил. Что попало в клюв — тут же глотаю и на лету перевариваю. Главное — картоночку не потеряйте, без шереметьевской картоночки здесь ничего не докажете. Внутри-то, небось, болезная? Или что скоропортящееся? Не завоняет на всю Москву?

— Колбаска там, копченая, — призналась Людмила.

— А, копченая — тогда ничего. Капитально подготовились, молодцы.

Игорь Горошук обращался к Ивану Петровичу, но отвечала вместо него Людмила. Иван Петрович, обескураженный неудачей с анкетами, виновато улыбался и молчал.

— Дальше действуем так, — командовал Игорь. — Сгуценка при себе имеется? Баночку... нет, две баночки вот этому Ждону, — он показал на таможенника, — и тащите свои баулы на крыльцо. Ничего вскрывать не надо, это наш друг, — Игорь пожал чиновнику руку, — он знает, что мы контрабанды не возим. Тронулись!

— Спаситель вы наш! — умиленно сказала Людмила.

6

Широко застекленный автофургон шустро бежал по извилистому шоссе среди пашен, огородов и растрепанных рощ. Ветер дул в раздвижные окна, горячий, как из печки, и, соответственно, пах сухой печной глиной. Пашни-огороды, разделенные кривыми межами, для пашен были слишком малы, для огородов — велики. Вдоль дороги стояли не дома, не сараи, даже не шалаши, а совершенно звериного вида жилища, кое-как собранные из обрезков ржавой жести, кусков картона, гнилых досок, дикого камня и сухого тростника. Темнолицые люди, одетые в серые отрепья, стояли у обочины и глядели на проносившиеся мимо машины с таким жадным вниманием, как будто кого-то ждали. Они и не подозревали, что мимо них в высоком и узком, как карета, фургончике «Мазда» едет тот, ради кого они возникли из небытия... может быть,

для того лишь возникли, чтобы тут же растаять в клубах рыжей пыли у него за спиной.

— Это город, Батя? — вертя головой, спрашивала Анастасия — Мы здесь будем жить?

— Да сиди ты спокойно, — сам тревожась, отвечал он, — это так, бидонвили.

— Ишь ты, бидонвили, — хмыкнул, не оборачиваясь, сидевший рядом с водителем Игорь Горошук. — Грамотных пиплов стали делать.

За рулем был местный шофер, плутоватый парень по имени Филипп, на руке у него красовались советские часы, куртка на плечах, некогда красная, выгоревшая до белизны, была тоже нашего производства. Но от этого темнокожий Филипп казался еще чужеземнее. Игорь предупредил, что лицо этого парня надо хорошенько запомнить: он будет каждое утро возить Ивана Петровича в университетский кампус.

— Машины все одинаковые по городу бегает, упаси бог перепутать. Один наш заехал в запретную зону — и в двадцать четыре часа.

— А мы на курсах пятерочку получили, — сообщила Людмила и погладила мужа по плечу.

— Ох, мам-ма... — простонал Андрей, передернувшись, как от приступа зубной боли.

И Горошук, словно впервые заметив его присутствие, обернулся и поглядел на него сквозь свои очки жука-бомбардира.

— Что с тобой, любезный? — спросил он. — Живот?

Андрей ничего не ответил. В левом углу рта у Игоря зубы были какие-то синие, как будто он ел чернику... только вряд ли черника водится в этих краях. Сосредоточившись на этой подробности, Андрей сумел удержаться и не покраснеть. С такими весельчаками, как Игорь, нужно ухо держать востро. Внутреннего времени у них достаточно, сами с собой они живут очень дружно, вот от безделья и начинается перебор вариантов: отчего же это малец покраснел? На что отреагировал? Ах, на живот? А что, интересно, такое у него с животом? И давай на все лады пробовать, к стати и некстати вставляя «живот, животик, животинка», и лукаво приглядываться. Что самое противное: поняв ход примитивной мысли, и в самом деле начинаешь дергаться и корчиться, реагируя на эти экзерсисы, то-то радость добровольному исследователю, он готов скакать и петь, как ребенок...

Впереди на зеленом откосе красными и желтыми цветами был выложен герб республики, неправдоподобно богатый среди лачуг. Машина нырнула в сырой туннель под гербом, выскочила с той стороны насыпи, и Игорь с гордостью иллюзиониста сказал:

— А вот и наш хуторок.

Косая дамба, оставшаяся позади, заслонила нищие пригороды, и перед шербатовцами открылся вид на каменистый полуостров, сплошь уставленный многоэтажными зданиями. Торцы и брандмауэры, ограждения балконов и лоджий были ярко раскрашены, меж домов пролегали прямые проспекты с зелеными разделительными полосами, обсаженные деревьями, которые буйно цвели красными и синими цветами. С трех сторон города глухо и грозно синел океан.

Игорь Горошук снисходительно слушал, как новоприбывшие ахают, охают, допускают незрелые высказывания и оценки.

— Но вы не обольщайтесь, друзья, — промолвил он, наконец, — все это, так-ск, декорэйшен. Ресторан «Бристоль», кафе «Лонг-Ай-ленд» — там кормят одной фасолью. Ноу фиш, ноу мит — ни рыбы, ни мяса. Вообще, господа, если вам сейчас, к примеру, захочется пообедать, то самый короткий путь — на самолет и обратно в Москву.

Въехали в чашу высотных домов. Горошук, надо полагать, не впервые встречал новоприбывших, потому что у него были ухватки матерого экскурсовода.

— Кинотеатр «Метро»: кондиционированный воздух, прохладительные напитки «Амёбный» и «Нежные колики», вестерны, порнушки, бондиана, фильмы ужасов, в дальнейшем — высылка в двадцать четыре часа... Клуб «Маритимо»: катание на яхтах, ночные рыбалки в открытом океане, очаровательные девушки, в дальнейшем — высылка в двадцать четыре часа... Дамский салон «Бонни»: платья-балахоны в местном стиле, принимаются в оплату часы, фотоаппараты, продукты питания, в дальнейшем — высылка в двадцать четыре часа... Как видите, город предлагает вам широкий спектр удовольствий, и расплата за них — неотвратима. Как говорит т-ш Букреев...

Но того, что говорит по этому поводу товарищ Букреев, новоприбывшие так и не узнали, потому что фургончик остановился у подножия красивого белого здания, на стене которого сияли золотые буквы «Отель «Ройял». Мама Люда, вытянув шею, зашевелила губами, и, чтобы предупредить недоразумение, Андрей быстро спросил:

— Нас сюда поселяют?

— Донт харри, — одернул его Игорь. — Не спеши. Всем сидеть на местах. Детей не выгуливать.

Он вылез из кабины, озабоченно ссутулился и, заложив за спину руки, вошел в глубокий, отделанный светлым мрамором подъезд. Там, внутри, расхаживали важные, как бронзовые жуки, служители в ливреях с фалдами и золотыми галунами.

— Ну, Ванюшка, — прошептала Людмила, — привез ты нас! Даже дух замирает!

Андрей хотел выйти из фургона, но она зашипела на него:

— Не слышал, что сказано?

Игорь появился минут через десять. Беззаботно посвистывая, сунув руки в карманы мятых мальчишеских штанов (на ногах у него были разношенные, как старые лапти, сандалии), он вразвалочку подошел к машине, постоял, глядя на переднее колесо. Затем сел в кабину и коротко сказал Филиппу:

— Аут ов кэш. Не в кассу. Давай в «Эльдорадо».

— «Эльдорадо», — медленно повторил Андрей. — «Эльдорадо»!

— Что поделаешь, — непонятно сказал Горошук. — В «Эльдорадо» тоже люди живут. Я-то, правда, начинал с «Дакоты», но тогда было проще, через три дня квартиру дали, в ней себя и держу...

— Но ведь нам рано или поздно тоже дадут? — спросила Людмила.

— Да уж тут уж как уж, — уклончиво ответил Горошук.

— А здесь номеров нет? — робко спросил его Иван Петрович.

Это был первый вопрос, который он задал коллеге: все переживал свой конфуз в аэропорту.

— Есть, да не про нашу честь, — весело ответил Игорь. — Это ж отель «четыре звезды», весь забит фирмачами с дикого Запада, на нас тут и смотреть не хотят. Голову надо иметь сюда ехать.

— Откуда ж мы знали? — возмутилась Людмила.

— Да я не про вас, — сказал Игорь. — Есть такие мастера быстрых решений. Квик-трикеры, чтоб им так жить.

Загадочная гостиница «Эльдорадо» понравилась Андрею даже больше, чем солидный «Ройял»: балконы и балкончики, веранды и верандочки уступами, жаль только, что штукатурка на углах повыщербилась и стены оплесневели.

— Хорошо, «Смоленска» с вами нет, — сказал Игорь, вылезая. — Тут с этим строго. Сперва выходят багаж посмотреть, а потом уж решают. Номерочки у них тесные, с большим багажом могут и не взять.

— Ох, скорее бы, — вздохнула Людмила. — Нам уже все равно. На этот раз ждали до осатанения долго. Филипп поставил машину в тень, но солнце отсвечивало от асфальта и, попадая в глаза, выедало их, как соляная кислота. Краски вокруг стали блекнуть, сперва дома побелели, как будто сделаны были из пиленого сахара, потом стали таять в горячем воздухе, струясь и распускаясь, словно в пустом кипятке, а после и вовсе исчезли, перестали быть видимы, все стало матово-белым, и на этом фоне вспыхивали и гасли угольно-красные и огненно-черные пятна, которые в нормальных условиях человек может увидеть, лишь надавливая на глазные яблоки пальцами.

Наконец Игорь вышел и с сердитым лицом направился к фургону, что-то бурча на ходу. Взгромозвился на высокое сиденье рядом с Филиппом и закончил свою тираду:

— ...на мою голову.

Все молчали. Филипп с вопросительной улыбкой смотрел на него.

— Что глядишь? — сказал ему Горошук и в сердцах хлопнул дверцей. — К Звягину, куда же еще? В пансион «Бриз».

— Звягин будет сердиться, — совершенно по-русски заметил Филипп.

— А пускай сердится, нам-то что? Кто начальник?

— Звягин начальник, — ответил Филипп.

— Вот и дуй, — сказал Горошук. — И без разговоров. И чтоб я еще когда-нибудь взялся...

У подъезда узкого, как пенал, многоэтажного дома с ярко-красными лоджиями Игорь долго стоял лицом к глухой стене и как будто чего-то ждал.

— Что это он там делает? — с нервным смешком спросила Людмила.

— Разговаривает через локутор, — объяснил Андрей.

— Через что? — не поняла Люда.

— Ну, через переговорное устройство. Видишь, руку держит на кнопке.

— И что же, ему даже дверь не хотят открывать? — повысив голос, так, чтобы Игорь слышал, спросила мама Люда.

— Откуда я знаю? — ответил Андрей.

— Ну, уж теперь и мы пойдем, — решительно сказала Людмила. — Поглядим в глаза этому Звягину: что ж он так плохо принимает людей? И Настя давно не сикала.

— А кто с вещами? — спросил Иван Петрович.

Людмила покосилась на Филиппа.

— Андрюша посидит.

— Еще чего! — возмутился Андрей. — Я тоже живой человек. Совсем стушить меня хотите?

— Ну, ступайте вдвоем, — предложил отец, — а я останусь.

— А ты и рад! — вскинулась мама Люда. Видимо, она совсем изнемогла от жары и сдерживаться была уже не в силах. — Лишь бы ни с кем не поссориться! Кто из нас командированный? На чье имя аттестат? Кого обязаны жильем обеспечить? Привык за женину юбку прятаться! Иди, иди, тюря, я уж посижу.

Иван Петрович посмотрел на жену и, не сказав ни слова, стал выбираться из машины. Следом за ним вылез и Андрей, не без опаски ступил на тротуар, неровно вымощенный квадратными бетонными плитами. Ноги были как будто чужие, глаза и губы шипало от пота, голова кружилась, что-то жужжало в ней и мерцало, как в детском волчке.

Взяв Настасью за руки, мужчины подошли к Игорю, тот все еще нажимал ладонью на кнопку.

— Ну, вот они тут скопились, в затылок мне дышат, — сказал он, приблизив губы к решеточке микрофона, едва видневшегося в стене. — Как хотите, Григорий Николаевич, айм аут, нет больше сил.

— Ладно, пусть поднимаются, — прохрипел из стены русский голос, и хромированный запор на стеклянной двери, щелкнув, разомкнулся.

В подъезде пахло кошками и мандаринами. Громадный цельнометаллический лифт с бегущими под потолком разноцветными огоньками помчал их вверх.

— Ну и машина, — сказал Иван Петрович. — Наверно, здесь во всех домах такие?

— Как же, как же, — с ухмылкой ответил Горошук. — Единственный приличный лифт во всем городе. Я уже полгода на тринадцатый этаж пешком хожу. А когда воду вырубает — вообще полный кайф. С ведрами на колонку сбегашь — и в гору до комнаты.

Лифт остановился так резко, что перехватило дух. Двойные двери, чавкнув, расползлись, на этаже зажегся свет. Было здесь всего две двери: тяжелая, темная, с бронзовой вертушкой звонка и поодаль другая, беленая, видимо, для прислуги.

— Наш барон тут весь этаж занимает, — понизив голос, сказал Горошук. — Уплотняйте его.

Иван Петрович вопросительно посмотрел на Игоря, но так и осталось неясным, шутит он или говорит серьезно.

Темная парадная дверь распахнулась, на пороге в обтрепанных джинсах, резиновых пляжных шлепанцах и пестрой рубашке нараспашку стоял хозяин.

— Ну, детей-то можно было и внизу оставить, — недовольно проговорил он. — Прямо как погорельцы тамбовские.

Пропустил всех внутрь, заложил дверь на стальную щеколду.

— Приветствую вас, — буркнул он без особой любезности и протянул Ивану Петровичу руку.

— Гриша, пусть разуются! — прозвучал откуда-то издалека женский голос.

— Правильно, снимайте бахилы, — сказал Звягин, — ни к чему нам бациллы.

Конфузаясь, Андрей присел на корточки, снял с сестренки сандалии, стал разуваться сам. Носки у него были целые, однако ноги в тяжелых отечественных полуботинках успели-таки пропотеть.

Прихожая была громадная, двусветная, за одним широким во всю стену окном, наполовину задернутым тяжелой шторой, празднично синел океан, за другим открывалась панорама пестро, по-театральному раскрашенному многоэтажья. Мягкая обитая черной кожей мебель, низенькие серванты под черное дерево, полупустой стеллаж с несколькими книгами и деревянными резными фигурками... главной роскошью здесь был прохладный сквознячок.

— Располагайтесь, — пригласил Звягин.

У него было широкое лицо с ровными бровями, курносый нос, червячно-красные губы.

— Садитесь же, — с некоторым раздражением повторил он, видя, что щербатовцы переминаются и смотрят по сторонам.

— Извините, — пробормотал Иван Петрович, наклонив к плечу голову, и кромки ушей у него покраснели. — Извините, где тут у вас можно сходить по-маленькому?

Любой взрослый мужчина в подобной ситуации постарался бы обратить дело в забавную шутку, но Иван Петрович этого не умел, и Андрей был убежден, что так и должно быть, что это — солидно и что балагурят и развлекают окружающих только никчемные люди.

— Пускай идут в черный туалет! — вновь прокричала невидимая женщина, и Андрей вздрогнул и обернулся: впечатление было такое, что женщина пряталась где-то за дверью.

— Ну, давайте, раз приспичило, — с напускным добродушием произнес Звягин. — Вот в ту дверь, по коридору до конца и направо.

И, взглянув на Андрея, прибавил:

— И чего таких больших за границу возить? Только портить.

Андрей взял Настю за руку и повел через просторный холл. При этом он как бы видел себя со спины: нескладный, ушастый, в промокшей от пота розовой рубашке с нелепо закатанными рукавами (один задрался выше локтя, другой разболтался до самой манжеты)... как счастливы люди, которые никогда не видят себя чужими глазами, они, должно быть, и в зеркало на себя смотрят как-то не так.

Стены умывальной и примыкающей к ней небольшой ванной были отделаны синим кафелем невероятной красоты, раковины и прочие рабочие емкости были вроде как бы из голубого мрамора.

— Батя, — шепотом сказала Настя, — а скоро мы домой вернемся, в Щербатов?

— Здравсте,— отозвался Андрей,— мы же только что приехали. Ризве тебе не нравится?

— Нравится,— проговорила Настасья, озабоченно пристраиваясь сидеть: брата она еще не стеснялась.— Только нам здесь никто не рад.

— Ну, конечно,— сказал Андрей, про себя удивившись мудрости ее замечания,— все скакать должны от восторга: мокрохвостая Настя сюда приехала. Радуйся сама, если умеешь.

— Я радуюсь,— отвечала Настя, облегченно журча.

Когда они вернулись в холл, хозяин по-начальственному и в то же время добродушно отчитывал отца:

— Не надо качать права, уважаемый, не надо качать права. Кто с этого начинается — тот не достигает до конца контрактного срока. А у нас с тобой задача какая? Уехать в нужный день и час, ни минутой раньше и ни минутой позже. Как говорит советник, хорошо приехать — это еще полдела. Хорошо уехать — вот наша цель.

— Я только хотел... — приветав, проговорил отец, он был похож сейчас на оправдывающегося школьника, который что ни скажет — все едино соверет.

— Подожди! — Звягин выставил вперед ладонь. — Подожди, не перебивай, я еще не все сказал. Ты выразил неудовольствие, что тебя не так встретили, это — сигнал, и я не могу оставить его без ответа. Так вот, Иван... Иван Петрович: высоких слов я говорить не люблю, устали мы от высоких слов, да и возраст у нас не тот, чтобы краснобаять себе на потеху. И скажу я тебе напрямик: твоя зарплата здесь будет хорошая, за один месяц ты отложишь в своем горбу столько, сколько в Союзе не сэкономишь за целый год. При таком окладе, прости меня, дурмана ядовитого можно и потерпеть. Ну, а временно, пока не прояснится с гостиницей, я тебя, не сомневайся, пристрою. Вопрос только — куда.

— Гриша, к Аникановым их, в «Диди»! — выкрикнула невидимая женщина. — Самое место.

Звягин покосился на стену, задумчиво потрогал себя под мышками, понюхал пальцы и вздохнул.

— А чего? — поддакнул Игорь. — Правильно Галина Сергеевна указывает. Уплотнить Аникашу — и дело с концом.

— Ишь ты, с концом,— передразнил его Звягин. — Что за народ! Пока он был старшим — ты песни ему на гитаре играл. А знаешь ли ты, что говорил поэт? «Кумир поверженный — все бог». Гуманитарного начала в тебе не хватает, хоть ты и поэт.

И, удовлетворившись сказанным, Григорий Николаевич пододвинул к себе старомодный телефонный аппарат с большой трубкой, как будто смонтированной из патефонных деталей.

— Алло! — Звягин произносил не «алё», а «аллоу», это получалось у него внушительно. — Алло! Матвеев? Владимир Андренч! У меня к тебе небольшой сюрприз. А ты еще приятных сюрпризов ждешь? В твои-то годы? Ну-ну. Шутки в сторону, слушай и принимай как руководство к действию. Сегодняшним самолетом прибыла семья Тюриных, четверо человек. Замена Сивцова, совершенно верно. Двое детей? С чего ты взял,

что двое детей? Один прилетел с тремя женами. А чего тогда задаешь лишние вопросы? Представь себе, из города Щербатова...

Сидя в глубоком кресле и держа на коленях сестренку, Андрей замер: вот, вот, сейчас... сейчас будет сказано... Поплавок косо ушел в мутно-зеленую глубину, и, как это бывает во сне после долгой рыбалки, когда только закроешь глаза — начинается клев, сам Андрей тоже ушел вместе с ним под воду с широко раскрытыми глазами, все померкло и похолодело вокруг... Вот, вот, сейчас!

Подсечка оказалась резкой и такой болезненной, что у Андрея дернулась верхняя губа... Мельком взглянув на Ивана Петровича, Звягин усмехнулся и сказал:

— А черт их... Сумел как-то. И парня взрослого с собой протащил, что тебе дипломаты. Тех ленинградцев, понятно, в кювет. Ну, ясно. Да ясно же. Речь не об этом.

Под затылком у Андрея гулко бабахнуло — так, что зазвенело в ушах, и после короткой паузы вспыхнули, каждая по отдельности, огненные грозди фейерверка: в глазах, в губах, в носу, и горячий красный свет стал медленно, бахромою опускаться на плечи, оплывать к самому сердцу... Как хорошо, что Настасья сидела у него на коленях! Андрей уткнулся в ее жиденькие волосики своим раздумывавшимся лицом... но уши ведь не спрячешь! Уши полыхали, развесистые и сочные, как пионы. Да, теперь все понятно. Именно поэтому их так странно встречают, именно поэтому Звягин разговаривает с отцом так пренебрежительно и недружелюбно: явились блатнички, сбросили в кювет тех ленинградцев и качают права.

Но самое скверное было то, что Горошук, приспустив очки, очень заинтересованно глядел на его уши. Глаза у Горошука были воловьи, с крупными, как вареные яйца, белками, правый косо придавлен набрякшим веком... Ну, теперь все. Этот своего не упустит. Будет глумиться, будет разоблачать. Ростислав по сравнению с этим — ангел небесный... Как теперь жить? Как теперь жить?

— В гостиницу пристроить их покамест не удалось, — продолжал между тем говорить в телефонную трубку Звягин. — Ты понял, к чему я клоню? Что значит «через труп»? Ты теперь у нас холостяк. Прими людей, выдели комнату с мебелью и санузелом, у тебя в квартире роту солдат можно поселить. Подай пример всем прочим: ты же моя правая рука. Ах, все-таки через труп... Ну что ж, мы можем и через труп. Ты на пятый год продлеваться раздумал? Вот так. Да, вот так. Мне все приемы дозволены... Что? Разборчивей говори. Ну вот, так бы и сразу. Потерпишь две-три недели... Пусть месяц, черт побери! Не надо печалиться, вся жизнь впереди. Все. Бай-бай. Готовься к встрече.

Звягин положил трубку и весело посмотрел на Ивана Петровича. — Ну вот, а ты говоришь — плохо встречают, плохо встречают... — Иван Петрович умоляюще прижал руку к сердцу. — Ладно, я пошутил. Будешь жить покамест в пансионе «Саншайн» у Матвеева Владимира Андреевича, это мой заместитель, надежный парень, оступиться не даст. Значит, какая на сегодня программа твоих действий? Там с тобой побеседует советник Букреев Виктор Маркович. Спешу предупредить:

не вздумай с ним, как со мной ты затеял, с порога пререкаться, претензии свои излагать. Плохое будет начало.

— В офис — значит в посольство? — спросил Иван Петрович.

Звягин нахмурился, покусал и без того красные губы.

— В офис — это значит в офис, — сказал он наконец. — Посольство за рекой, в другой части города, там тебе делать нечего, разве что кляузу на меня отнести. Нами занимается не посол, а советник, вот с его аппаратом ты и будешь иметь дело. Сдашь свои документы, получишь подъемные, посетишь доктора Славу, а вечером ждут твою семью на товарищеский ужин супруги Аникановы, тебе пока незнакомые. Проживают они в пансионе «Диди», в двух шагах от медпункта. Вопросы есть? Вопросов быть не должно.

И Звягин поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

...Матвеев ждал их на пороге. Это был человек средних лет, лысоватокучерявый, босой и голый по пояс. На нем были шорты, а точнее — обрезанные выше колен брюки с бахромой по краям, и это делало его похожим на безбородого робинзона. Он взглянул на грудю чемоданов в кабине лифта, усмехнулся, покачал головой.

— Ну-ну, — проговорил он, отошел в глубь прихожей и встал поодаль, скрестив жилистые руки на груди.

У него было лицо язвительного экзаменатора, такие, должно быть, являются студентам в их вещих снах: блекло-серые глаза под безбровым выпуклым, как колено, лбом, приплюснутый нос и маленький голубоватый ротик.

— Несите сразу туда, — бросил он, мотнув головой, — по коридору, дверь в самом конце, нечего мне холл поганить.

Холл меблирован был так же, как и у Звягина, только обивка дивана и кресел была не кожаная, а матерчатая, горчичного цвета.

Выделенная комната оказалась довольно просторная, с двумя полотораспальными кроватями, застеленными покрывалами того же горчичного цвета. Окна были затянуты зеленой металлической сеткой, сквозь которую едва сочилась предвечерняя прохлада.

Когда разгрузка закончилась, Матвеев закрыл за Горошуком дверь и набросил мощный гаражный крюк.

— Зачем консервы Филиппу дали? — брюзгливо сказал он. — Нечего баловать. Никого вы этим не убедите.

Тут он заметил, что Настасья забралась в горчичное кресло с ногами, и потемнел лицом. Видя, что на нее смотрят, Настя состроила умильную мордочку, которая, насколько ей было известно, не оставляла равнодушным никого из взрослых людей. Однако с Матвеевым этот номер не прошел.

Людмила поспешно вытащила дочку из кресла, подшлепнула ее — правда, чисто символически, но Матвеев остался удовлетворен.

— Значит, так. Посуда у вас своя есть? Очень хорошо. Из серванта не берите, это казенная. Хотя ладно, я ее спрячу. Газовая плита не работает, бойлер тоже. Потому что газ стоит денег. Душ принимать придется холодный, это полезно. Электрическая плитка имеется? Ставьте там у себя, нечего нам тереться друг о друга на кухне. Воду дают с семи

до двенадцати утра и с семи до двенадцати вечера. Надо делать запасы в маленькой ванной. Окна не открывать, сетку не повреждать, напозут тараканы, а ночью налетят комары. Эту кнопку не вздумайте нажать, вызов домовой obsługi, прибегут — не отвяжетесь. Вот вам ключ от входной двери, прошу не утратить. Вашу дверь запирасть нет необходимости, я у вас ничего не возьму. И рекомендую: добивайтесь, настаивайте, ускоряйте переезд в гостиницу. Это в наших общих интересах. Вопросы есть?

— Скажите, — невпопад заговорил отец, — а как пройти к Аникановым?

Матвеев поморщился: видно, с Аникановыми у него были связаны неприятные воспоминания.

— От офиса направо, через три квартала десятиэтажный дом, — сухо и четко объяснил он. — Называется «Пансион «Диди». Это все?

— Сразу видно преподавателя географии! — льстиво сказала Людмила, но Матвееву ее комплимент не понравился.

— Экономической географии, — поправил он. — Экономической.

— Тут мы с вами хотим посоветоваться, — не почуяв его неудовольствия, бодро продолжала Людмила, — и как раз по экономическому вопросу...

— Я советов не даю, — оборвал ее Матвеев. — Я даю указания, которые для вас обязательны. Вот вы свет зажгли в коридоре — ладно, но если за время вашего пребывания на моей территории перегорит хоть одна лампочка — доставайте, где хотите, можете вывинтить в кабине у советника: лампочку здесь не купишь ни за какие деньги.

— Мы привезли десяток, — сказала Людмила, — на шестьдесят и на сорок. Можем с вами поделиться.

— Пару штук, — подумав, ответил Матвеев. — Но больше никому не давайте. Ну, так какой совет вы хотите от меня получить?

— Холодильник у нас, «Смоленск», — быстро заговорила Людмила, — затерялся в дороге. Сказали, через неделю прибудет. Как до аэропорта добраться, где транспорт взять, не подскажете?

Людмиле вовсе не нужен был сейчас этот совет, она хотела подластиться, отметить свою зависимость — но вновь просчиталась.

— Холодильник? — высоким голосом переспросил Матвеев, и нос его еще больше приплюснулся, губы затряслись от гнева. — Где же вы его оставить собираетесь, в номере гостиницы?

— Отдадим на хранение кому-нибудь, — схитрила Людмила, — на временное пользование, до получения квартиры, да хоть вам...

— У меня имеется казенный холодильник, — решительно отверг ее предложение Матвеев, — другого мне не надо. А совет мой будет такой: бросьте вы это дело, запишите в графу чистых убытков.

— Почему? — Лицо Людмилы вытянулось.

— Да потому, — с нажимом сказал Матвеев, и голос его зазвенел, — потому, что вам придется заплатить такую пошлину, что никаких подъемных не хватит. В размере стоимости десяти холодильников. Вот так. Еще вопросы есть?

Андрей многозначительно посмотрел на мать: «Получила? Сорока».

Матвеев показался ему солидным, достойным мужиком, такие выступают только по делу, подначивать и глумиться им некогда.

— В общем, устраивайтесь на временных началах, — сказал Матвеев. — Я ложусь отдыхать и прошу тишины. Но опять-таки напоминаю: добивайтесь, настаньте, ускоряйте переезд. Это ваше право, а обязанность местной стороны — вас устроить. Я как заместитель старшего группы обещаю всемерную поддержку, но добиваться должны именно вы.

Тюрины молчали.

— И еще одно. У Аникановых в гостях вы, конечно, напьетесь. Прошу дать мне возможность закончить мою мысль. Так вот, пожалуйста, без звонких песен по возвращении, без плясок в коридоре, иначе я буду вынужден написать докладную.

— А как добиваться гостиницы? — спросил Иван Петрович.

— Язык учили? — вопросом на вопрос ответил Матвеев. — Вот на языке и добивайтесь.

7

Офис помещался в веселеньком трехэтажном особнячке, окруженном пышно цветущим садом. У ограды в тени акаций стояли рядом сверкающие иностранные автомашины, среди них наша «Волга» вишневого цвета выглядела какой-то заспанной. Если бы не эта «Волга» и не бронзовая табличка с гербом на воротах, можно было бы пройти мимо: таких особнячков с черепичными крышами в боковых переулках было множество.

— Екипажи возблистали златом, — дребезжащим старческим голосом проговорил Иван Петрович. — Токмо русского дела карета в презрении стоит меж французских с точеными стеклами.

Князя Щербатова Иван Петрович цитировал вслух лишь тогда, когда пребывал в приподнятом настроении. И, слыша этот особенный, княжий голос, дети радовались за отца, ибо благодушеествовал он не часто. В данном случае его, похоже, умилил пряничный вид офиса: в таком уютном, ласковом домике могли твориться только добрые дела.

Вдоль ограды неторопливо прохаживались двое темнокожих солдат в лихо примятых кепках с автоматами за спиной. Рядом с гербовой табличкой в бетонную стойку ворот было тоже вмонтировано переговорное устройство. Поколебавшись, Иван Петрович нажал черную кнопку. В репродукторе громко хрустнуло и послышался женский голос, холодный и как будто пахнувший одеколоном, как у продавщицы галантерейного магазина.

— К кому таким табором?

Должно быть, из окна, едва видневшегося среди водопада цветов, за ними давно наблюдали.

— Свои, — ответил Иван Петрович. — Из группы Звягина.

— К кому идете? — повторило вопрос устройство. — Русского языка не понимаете?

— К этому, как его, к товарищу Букрееву, — сказал Иван Петрович, несколько смешавшись.

— «Как его», — передразнило устройство, — Виктор Маркович вам всем назначил?

— Мы прямо от Звягина. Прилетевшие мы, новоприбывшие.

После паузы калитка, неохотно лязгнув, открылась.

Тюрины с трепетом ступили на посыпанную красными камешками дорожку с желтой окантовкой, более похожую на торжественный ковер. Даже границы между красным и желтым были обозначены полосками темно-серого гравия. По обе стороны дорожки были разбиты круглые клумбы оранжевых цветов, часто утыканные жесткими остроконечными, вроде бы проржавелыми листьями и оттого похожие на средневековые оружейные склады. Справа от входа стоял решетчатый павильон, на фронтоне которого красивой славянской вязью было написано: «Письма, газеты, журналы». В глубине участка покрытый толстой шубой зелени высился белый особняк, он со всех сторон был обсажен высокими кустами, которые пышно цвели марганцево-красными и лиловыми колокольчиками. Эти крупные цветы при всей своей яркости плохо сочетались друг с другом, были какие-то раздражающе ненастоящие, похожие на бумажные, которые носят у нас на майские праздники, и окраска их казалась химической, анилиновой. Слева от особняка под желтым пластиковым навесом стояло несколько «рафиков», «газиков» и большой львовский автобус. Справа же, за флигелем, открывалась бетонированная площадка, уставленная рядами садовых скамеек.

Дежурная по офису, молодая женщина с высокой манерной прической и длинным лицом, вышла на крыльцо. Тут она увидела Настю и всплеснула руками.

— Господи, такую кроху притащили! Она же еле ноги волочит.

— Не с кем оставить, — привычно жалобным голосом сказала Людмила.

— Сама контрактная, что ли?

Смысл вопроса, прозвучавшего очень пытливо, был Андрею неясен, но мама Люда отреагировала так, как будто всю жизнь на эту тему и разговаривала.

— Нет, только муж, — ответила она.

Смирный тон ее, видимо, смягчил сердце дежурной.

— Ну, так вот, мам-ма-ша, здесь офис, здесь резиденция советника, а не площадка молодняка. Я вас впустила — и мне же будет втык. Прогуливать детей будете в городе.

— Извините, мы не знали, — сказал Иван Петрович.

От его приподнятого настроения не осталось и следа.

— Да ладно, не знали они. Проходите на киноплощадку, не мельтешите перед окнами. И не шуметь! Надежда Федоровна отдыхает с дороги.

«Ага, — подумал Андрей. — Наверно, советник живет на верхних этажах. Значит, там сейчас и Кареглазка».

И от мысли, что Женечка Букреева глядит на него сейчас из окна, ему стало прохладнее, по спине пробежали мурашки.

Тюрины обогнули угол дома и сели на скамеечку под навесом.

— Неприятливые все какие-то, — проговорила мама Люда.

— Это офис, — укоризненно сказал ей Андрей. — Знаешь, что такое офис? Официальное учреждение, а мы путаемся под ногами.

— Ну хорошо, тут советник. А этот, хозяин наш? — Мама Люда сердито мотнула головой, имея в виду Матвеева.

— Хозяин плохого тебе ничего не сделал, — ответил Андрей. — Выделил комнату, дал указания.

Мама Люда промолчала, терпеливо вздохнув.

Андрей огляделся. Киноплощадка под открытым небом, как в Летнем саду, рассчитана была человек на пятьсот, скамейки выкрашены в приятный сиреневый цвет, а экран, широкий и слегка вогнутый, вмурован в бетонный забор. С обеих сторон площадка ограждена была добротными фотостендами: «Будни нашей Родины», «Страна пребывания хорошеет и строится», «Визит высоких гостей», «Лучшие среди нас». За стендами здесь заботливо следили, фотографии были свеженькие, качественные, не выцветшие на солнце. Он обернулся: к стене флигеля, чуть ниже глазка киновудки, приделана была табличка «Места для работников аппарата». Эта надпись, несомненно, относилась к трем рядам скамеек, которые уместились под пластиковым навесом.

— Ну, дорогие родители! — возмущенно сказал Андрей и вскочил. — За вами глаз да глаз! Где вы сели? Посмотреть, что ли, трудно?

Семейство перебралось на солнышко. Впрочем, дело шло к вечеру, и становилось свежее, воздух перестал струиться от жары, тени под кустами стали красными.

— Мама, я пить хочу, — сказала Настя.

— Потерпи. Нас сейчас вызовут.

— Ну, мамочка, ну сил больше нету!

— О, господи, нетерпзяка!

Мать взяла дочку за руку и повела ее к дальним стендам. Там за кустами видны были какие-то подсобные помещения, оттуда доносились голоса наших женщин.

— Сырую воду не пейте! — крикнул им вдогонку Иван Петрович.

Манеру говорить вслед он усвоил от мамы Люды. Вообще, если присмотреться, он с годами все больше походил на старую долговязую женщину, а мама Люда — на мелкорослого мужичка.

И в это время из динамика под навесом, как на вокзале, слышался протяжный голос дежурной:

— Тюрины Иван Петрович и Людмила Павловна, вас вызывает товарищ Букреев.

— Ох, Настасья! — пробормотал Андрей. — Вечно она, животина проклятая!

— Ну что ж, — странным, меняющимся, как бы плывущим голосом сказал отец, — как говорил мой друг Михайла Михайлович, пойдем в крестовую, сиречь в аудиенц-камеру.

Он поднялся, застегнул пуговицы пиджака, подтянул галстук.

Видно было, что отец наливается волнением, полно, выпукло, до самых краев. Руки его затряслись, глаза заслезились, лицо подернулось серой рябью.

— Пойдем ты со мной, — глухим голосом сказал он Андрею.

— Нет, папа, нельзя, — ответил Андрей, глядя на него с состраданием. — Меня не вызывали. Иди уж один.

Иван Петрович потоптался на месте, пощупал карман с документами, повернулся и, нетвердо шагая, пошел...

Когда отец завернул за угол, Андрей направился к решетчатому павильону «Письма, газеты и журналы». Идя по хрустящей дорожке среди ошетилившихся клумб, он все время чувствовал на своей спине точно на хребтине, костлявый взгляд дежурной из широкого зеркального окна.

В павильоне было сумрачно и прохладно. Сквозь решетчатые стены дул сквознячок, задняя же стенка была, как в улье, от пола до потолка разделена на ячейки. Правда, Андрей ни разу не заглядывал в улей, но предполагал, что внутри улей должен выглядеть именно так. Над каждой ячейкой была наклеена бумажка с фамилией. Андрей отыскивал ячейку Сивцова, пошарил рукой — в ней было, естественно, пусто.

«Надо будет фамилию заклеймить, — деловито подумал он. — Какой еще Сивцов? Нет больше никакого Сивцова».

Как и Настасье с мамой Людой, ему тоже казалось, что их встречают не так. Но, в отличие от женщин, он знал, чем это вызвано, и старался все увязать в систему. Звягин? Да, Звягин строг, но справедлив. Одернул, чтобы не заносились с первого дня, но ведь пристроил же, причем не к кому попало, а к своему начальнику штаба. А то явились блатники, сразу жилплощадь им подавай. Матвеев тоже строг и тоже справедлив. Местная сторона доверила ему жилье — и он старается содержать его в порядке. Может быть, Звягин и рассчитывает на его пристальное наблюдение, чтобы глаз не спускал с новоприбывших и неопытных людей. Да, суров, неприветлив, но ведь за рубежом расслабляться нельзя.

— Ну, что такое, на самом деле! — с досадой произнес женским голосом динамик, висящий в углу. — Ходят и ходят, как дикие!

В павильон, волоча за руку Настю, вбежала мама Люда.

— Господи, прямо запретная зона! — зашептала она. — Мы уж и так чуть ли не ползком... Папа там?

Она показала глазами наверх, куда-то на крышу особняка, где серебрился цилиндрический бак.

— Там, — ответил Андрей. — Ну, попили?

— Ай, — махнула рукой мама Люда, — попили водички простой, много ли нам нужно?

Она присела возле журнального столика, взяла на колени Настасью.

— Андрюшенька, какие ж там склады! — со светлой печалью в голосе проговорила она. — Какие ж там склады, чего только нет! Икра, ветчина баночная, печень трески, колбасный фарш, напитки различные...

— Ну вот, — с упреком сказал Андрей, — а ты с собой волокла.

— Да это ж все не для нас! — смеясь и всхлиывая, возразила мама Люда. — Представительские склады, для аппарата. И тащат оттуда ящиками, и тащат... При мне переводчики два раза приходили.

— И нечего было там топтаться, — сказал Андрей. — Представительские — значит, для представителей, а мы специалисты.

Но мама Люда его не слушала.

— Тащат коробки в обхватку и морды в сторону воруют, — говорила она. — И замечать не хотят.

Она приутихла и вдруг оживилась.

— А работает там кто? Жены специалистов. Ящики ворочают, бумажки заполняют... Одна врач по образованию, другая даже кандидат наук. А что? Я бы тоже могла.

— Мало тебе? — спросил Андрей. — Все мало?! Не наворочалась? Никак остановиться не можешь? Во, ненасытная, правильно говорит тетя Клава.

На этот раз мама Люда рассердилась.

— Ты про тетю Клаву молчи! — громко сказала она. — Понял? Я тебе про нее такое могу рассказать...

— Не надо.

— Вот и я говорю: не надо. А на склад я еще устроюсь, погодите. Все они у меня вот здесь будут...

И мама Люда крепко сжала, поднявши кверху, свой маленький кулачок.

Отца ждали долго: небо густо покраснело, в павильоне стало темно и совсем прохладно. Наконец отец вышел на крыльцо, взглянул по сторонам, посмотрел за угол, на киноплощадку и решительно направился к павильону.

— Вот вы где прячетесь! — сказал он входя.

Лицо у него было хоть и измученное, но приветливое, как у человека, которому удалили больной зуб. И, глядя на отца, Андрей тоже почувствовал облегчение и благодарность — неизвестно к кому и за что. Скорее всего к советнику — за то, что он не обидел отца.

— Где ж ты был так долго? — жалобно спросила мама Люда.

— Что значит «где»? — удивился отец. — У советника, потом в бухгалтерии...

Отец молча вытащил из-за пазухи пухлую пачку денег и, улыбаясь, протянул маме Люде.

— Во! Чертова уйма! Полторы тысячи!

— Чего? Рублей? — Мама Люда ахнула и даже отступила на шаг.

— Ох, мама, — сказал Андрей. — Мозги зачерствели?

— Понимаю, все понимаю, — поспешно проговорила мама Люда. — А куда теперь?

— К доктору Славе, — ответил Иван Петрович. — Доктор Слава через полчаса закрывается. Ну, и выйти надо поскорее из этой конторы. А то начнете деньгами интересоваться: «Дай посмотреть» да «Дай посмотреть». И будет некрасиво.

— Дай посмотреть! — машинально сказал Андрей, и родители рассмеялись.

Они вышли из павильона и под прицелом дежурной гуськом направились к калитке. Кнопку нажимать не пришлось: щеколда перед ними сама брякнула, и они, не оглядываясь, вышли в темный переулок.

Отец шагал быстро, большими шагами, он нес Настасью на руках, мама Люда еле за ним поспевала.

— Ну, Ванюшка, рассказывай! — задыхаясь, проговорила она. — Как тебе советник, что он за человек? О чем говорили?

И, не дожидаясь ответа, ревниво прибавила:

— Или, может быть, это служебная тайна?

Андрей отметил, что у мамы Люды проклевывается пунктик: ну как же, она, как лягушка-путешественница, сама все придумала, а высочайшие милости достаются отцу, жена-иждивенка как будто бы тут ни при чем.

— Сие великая тайна есть, — княжим голосом ответил отец. — Господин советник, именующийся здесь яги-яг, протянул ко мне длань с пуком зелени и зачал беседовать на санскритском языке.

— В печенку ты мне влез, — сердито сказала Людмила, — со своим Михайлой Михайловичем. Вот вернемся — все в печке сожгу. Надоело! Дельное он что-нибудь сказал? Что ты так со мной, как будто я тебе место пустое? И куда ты так несешься, как чумовой?

— Опоздаем, Милочка, времени нету. Ту уж извини меня, пробежкой придется бежать. О работе, об университете он ни слова не сказал: «Это все со Звягиным: с Григорием Николаевичем». Ну и правильно, наверное: вмешиваться в наши академические дела не хочет. А в остальном — очень был любезен, предупредителен. Про Андриюшины школьные успехи спросил, твоей персоной поинтересовался.

— Ну да! — У Людмилы от счастья перехватило дыхание. — И что же ты ему ответил?

— Милочка, странный вопрос. Что нужно — то и ответил. А еще про тебя советник вот что сказал: «Вон, говорит, я в окошко вижу женщина с ребенком возле складов вертится, это не ваша жена? Мне известно, говорит, что вы с собой продуктов много привезли, и не помышляйте ничего просить на складе».

— Это советница ему доложила, — пробормотала Людмила. — Ух, жаба. Верно Ростислав говорил. Ну, ну, дальше!

— А дальше, говорит, появляются на местном черном рынке наши консервы. Замечу, говорит, — вышло в двадцать четыре часа.

— Вот, мамочка, — гневно сказал, забегая вперед, Андрей, — а ты Филиппу банки совала, я видел.

— То — совсем другое дело, — возразила мама Люда, но мысль свою досказать не успела, потому что отец сказал:

— Все, пришли.

Доктор Слава жил в небольшой одноэтажной вилле, тоже окруженной просторным садом, только не декоративным, а фруктово-овощным, с самыми настоящими грядками. Доктор Слава был низенький пухленький толстячок с обширной плешью, длинными светлыми волосенками на затылке и мокрым улыбчивым ртом. Он принял Тюриных в своем кабинете, словно перенесенном сюда, за тридцать земель, из шербаатовской поликлиники. Все было тут как в Союзе: и застекленные шкафчики с медицинской утварью, и штативы с пробирками, и спиртовка, и таблицы для проверки зрения. Из раздвижной ширмы высовывалось кресло, которое Андрей принял за зубоучебное. Настасья — тоже, потому что она, все еще сидя у отца на руках, вдруг стукнула его кулачком по голове и с яростью зашептала:

- Зубы мне лечить будете? Привезли, да? Я знала, я знала!
- Дурочка, — засмеялась мама Люда, — это совсем другое кресло.
- Ну да, другое! — не поверила Настя! — А какое, а для чего?
- Вырастешь — узнаешь.

Доктор Слава остался почему-то недоволен вниманием к этому инвентарю.

— Зубки-то надо было в Союзе лечить, — сурово сказал он Насте. Но тут же сменил гнев на милость.

— А вообще протезисты здесь неплохие... и неплохо на нас зарабатывают. Только пластмасса у них скверная, отчего-то темнеет.

«А, так вот оно что», — сказал себе Андрей. У самого доктора Славы с обеих сторон рта зубы тоже отливали синевой, а передние были белые, как у зайца.

— Ну-с, — заученно произнес доктор Слава, отложив медицинские сертификаты Тюриных в сторону, — поздравляю вас, дорогие друзья!

Это было первое поздравление, которое Тюрины здесь, в Офире, услышали. Много ли нужно людям? Все семейство облегченно заулыбалось и дружно, включая Настасью, забормотало:

— Спасибо, спасибо...

Доктор Слава благосклонно выслушал это и продолжал:

— Вы по доброй воле прибыли в страну, представляющую из себя повышенную опасность для жизни. Так вам сердце велело, подсказали друзья. Они желали вам благо, но не предупредили вас, что внешний климатический комфорт здесь обманчив. Затяжная засуха сменилась периодом обильных дождей, реки вышли из берегов и образовали обширные болотистые зоны...

Чем-то это стало похоже на сводку погоды. Доктор Слава прибавил скорости, теперь он говорил так бодро, как будто его речь записана на магнитофон, а он только разевает рот под фонограмму.

— ...вследствие чего произошел резкий всплеск заболеваемости малярией. Обострилась опасность поражения в результате воздействия змеиного укуса. Поэтому необходима осторожность и еще раз осторожность. Вы не на Крымском побережье, как некоторым кажется, а потом удивляемся, начинаем охи да ахи, и в результате — доктор Слава виноват. А доктор Слава предупреждает. Спать при открытых дверях и окнах возбраняется, все прорехи в оконных сетках нужно немедленно заклеивать лейкопластырем, здесь он хорошо держит. Если сеток нет, нужно пользоваться противомоскитным пологом. А лучше и то, и другое одновременно. Регулярно пить ризохин, вам в Союзе объясняли. По высокой траве не ходить, вообще при прогулках, особенно вечерних, стараться держаться освещенной середины тротуара. Далее. Босоножки и сандалии на босу ногу, тем более ходьба босиком здесь решительно недопустимы. Это уже не из-за змей, а из-за дорожного клеща, он впивается между пальцами и вызывает тяжелые поражения ног. Многие тут, у которых отдельная вилла... вы преподаватели? Ну, тогда это вам не грозит, но все равно скажу. Живут, понимаете, на виллах, как на даче, занимаются огородничеством, копаются в земле, разводят папайю... Знаете, что такое папайя? Я самолично вырастил несколько штук.

Доктор Слава с гордостью показал на окно, за которым на фоне огненно-красного неба чернели стройные деревья, высоко под кудрявыми кронами увешанные грудастыми плодами... Андрей вспомнил о незаконно ввезенной им в Офир Кареглазке и смутился.

— Но я-то соблюдал меры гигиены, — язвительно продолжал доктор Слава, — а некоторые полагают, что работают в подмосковном садовом товариществе... а потом мы их отправляем в Союз вырезать подкожные червей. Я понимаю, вы только что приехали, Родиной вас не запугаешь. — Доктор привычно посмеялся, ожидая хотя бы ответных улыбок, но Тюрины смотрели на него очень серьезно, и он огорчился. — Однако за здоровьем придется следить. Меня не минуете. Будут у вас заболевания обычные так сказать, текущие, вроде насморка и поноса, будут и привезенные из Союза, возможны и экзотические, например лихорадка «дэнди», свое название она получила из-за неправильной походки. — Доктор Слава встал и, вихляя бедрами, прошелся по кабинету. — Такой, знаете ли, судорожной, стилиажей, которую приобретает пораженный ею больной.

— Лихорадка Дэнге, — пробормотал Андрей.

— Что такое? — спросил доктор Слава, строго поглядев на мальчика, и вдруг ласково улыбнулся, выказывая синюшные зубы. — Так, так, так... Мягкую паранойку с собой привезли, вяленькую такую, кверулянтную. И куда только смотрит Москва.

Какое-то время продолжая улыбаться, он молча рассматривал Андрея, потом просто спросил:

— Поллюции были? А? Нет? Не знаешь?

Андрей оторопело молчал: он не понял вопроса, терминология эта, до которой столь охочи современные родители, ему была неизвестна.

— Ладно, об этом потом, — моргнув, проговорил доктор Слава. — Устройтесь — засду, поговорим. Вообще-то, товарищ родитель, — он повернулся к Ивану Петровичу, — таких больших с собой не возят, это вам поблажку огромную сделали, ведь возможны мутации... Вы меня понимаете?

— Д-да, понимаю, — шевельнув кадыком, ответил отец.

— Ну ладно. — Доктор Слава вновь обратился к Андрею: — Плавки, ласты с собой привез? А? Нет? Не слышу.

Этот мокрогубый человек смотрел так неприятно, так откровенно и бесовственно, что Андрей вдруг все понял насчет поллюций — и кровь, шипя и бурля, кинулась ему в голову. Это было хуже кессонной болезни. Уши, нос, щеки, даже лоб — все лицо его побагровело и безобразно распухло... так по крайней мере казалось ему, а что было на самом деле — он видеть не мог. В голове все смешалось, и, как языки пламени, в ней заплясали слова: «Паранойя! Папайя! Паранойя! Папайя!..»

А доктор Слава, подавшись в своем кресле к нему и слегка скосоротясь, ждал ответа.

— Привез... — еле слышно проговорил Андрей.

— Позабудь. — Доктор Слава откинулся к спинке кресла и, смилостивившись, уже благодушно повторил: — Позабудь. Купание в черте города ка-те-го-рически запрещено, замеченных высылаем. Причина — сточные воды. А пляж далеко, вас туда время от времени будут

вывозить в централизованном порядке, всей группой, но это уж вы с товарищем Звягиным. Однако имейте в виду, что там акулы, даже в школьных атласах это помечено.

Людмила — в чисто воспитательных целях — взглянула на сына.

— Да, был такой случай. — Доктор Слава оживился: — Тогда еще платили не чеками, а сертификатами, может, слышали. И сертификаты эти, по данной стране желтополосые, выдавали на руки, можете себе представить, а не перечисляли в Москву. Каждый месяц получай, сколько заказал, и храни, как хочешь, до конца контрактного срока. Так вот, один деятель надумал: запаял их в полиэтилен, вшил в плавки и носил эти плавки, не снимая. Ну, стирал, конечно, время от времени, но стирка сертификатам не вредила, желтой полосой она с них во всяком случае не смывалась. — Доктор снова посмеялся неизвестно чему, потом продолжал: — Ну, и ровно за неделю до отъезда отправился товарищ на Санди-Бич искупаться напоследок. Тут акулы его и сожрали — на глазах у семьи, вместе с сертификатами, собранными за три года. Вот такая история.

— А зачем же он их... в плавки? — спросила Людмила, потрясенная трагической мощью этой притчи.

— Как зачем? — искренне удивился доктор Слава. — Чтобы не украли. Я к чему вам все это говорю? К тому, чтобы поосторожнее были с купанием. Вон оно к чему приводит. Так, теперь насчет питания. Фрукты на базаре будете покупать — мойте карболовым мылом. Карболовое мыло есть? Нет? У меня тоже нет. Но и фруктов нигде нет, так что проблема ложная.

Людмила посмотрела на Ивана Петровича со значением. «Пой, птичка, пой! Экономят на здоровье, поэтому и нет для них ничего. У наших детей — будет». Таков был фирменный знак семейства Тюриных: сама решимость пожертвовать заработками во имя здоровья детей являлась предметом их родительской гордости.

— А лекарства где брать? — спросила мама Люда.

— Как, вы с собой не привезли? — возмущился доктор Слава. — У каждого здесь должна быть своя домашняя аптечка. Я на всех напасть не могу. А вообще лекарства лекарствами, но пусть глава семьи на всякий случай оформит у консула завещание. Все так делают.

Доктор помолчал, побарабанил по столу пальцами.

— Да, еще! — оживился он. — К романсе не привыкайте.

Тюрины молча смотрели.

— Как, не знаете еще? — изумленно спросил доктор Слава. — Медицинский спирт, протирочное средство, стоит гроши. Тюбик марганцовки для очистки совести в него засыпают, сперва краснеет, потом блеет — и вся дрянь уходит на дно. Хлопьями, сами понимаете. Народные умельцы, хо-хо. Соком разбавил — и понеслось. Не знаете? Ну и славно.

Доктор поднялся.

— У меня пока все. Желаю доброго здоровья и делового поведения. А также многократных продлений контрактного срока.

Продолжение следует

«ЦВЕТ ЦВЕТЫ ЮНОСТИ МОЕЯ...»



ОТЦУ

Отец мой, ты не шлешь известий
Уж целый год семье родной,
Но дни, когда мы были вместе,
Во сне встают передо мной.

И оживает прожитое.
Камыш и даль родной реки.
И ты, склонившись над водою,
Глядишь устало в поплавки.

Вновь я, малыш, с тобою рядом
Стою, молчание храня,
А ты таким приветным взглядом
Порою смотришь на меня...

И вновь колесами телега
Стучит. Клубится пыль дымком.
Наш старый конь, устав от бега,
Плетется медленным шагом.

Ни звука тишь не нарушает.
Лишь глупый перепел с утра,
Не умолкая, повторяет
Все «спать пора» да «спать пора».

И жизнь опять течет сначала,
Все той же радостью полна,
Как будто нас не разлучала
Неумолимая война,

Как будто были сном кошмарным
Все потрясения и нужда,
А утро светом лучезарным
Их разогнало без труда.

1942

* * *

В извечной смене поколений
Судьбой гордиться мы должны.
Мы — современники сражений
Дотоль неслыханной войны.

И хоть удел наш — боль разлуки,
Хоть нами кинут край родной,
Хотя гнетет нас бремя скуки
И серость жизни тыловой,

Хоть больно в лицах изможденных

В 1941—1944 годы мне было 13—16 лет... И главным моим увлечением в этом возрасте были стихи, которые я жадно поглощал в библиотеках, а многие даже переписывал в тетради. До сих пор твердо убежден, что именно в эти, отроческие годы и надо знакомиться с русской поэзией — от «Слова о полку Игореве» и «Жития Бориса и Глеба» («цвет цветы юности моя») — это сказано о лучшей поре жизни человеческой, и как же, помнится, потрясали меня эти простые слова! до последних, только что написанных стихов. Моими кумирами были тогда юные Александр Межиров, Семен Гудзенко, Коля Старшинов, Юля Друнина, Эмка Мандель-Коржавин.

Стихи, которые вы здесь прочтете, написаны мною, почти еще мальчиком, в трудные годы эвакуаций (лишь «Ташкентская идиллия» родилась в восьмидесятые годы). Некоторые из них передавались по радио, ходили по рукам в списках. Полудетские эти творения обратили на себя внимание ряда выдающихся людей того времени; благодаря им я и познакомился с Анной Ахматовой, Корнеем Чуковским, Алексеем Толстым, Всеволодом Пудовкиным. Внимательный читатель, прочтя «Ташкентский цикл», возможно, обнаружит, кому я подражал. Но меня оправдывает то обстоятельство, что в дни «юности моя» я подражал не одному, а многим поэтам, то есть учился у них...

Найти глубокие следы
Голодных дней, ночей бессонных,
Забот вседневных нужды,

Хоть тяжело однообразье
Железных дней перенести
И возмущаться этой грязью,
Повсюду вставшей на пути,

Тем духом мелкого расчета,
Трусливой жадной барыша,
Когда под маской патриота
Скрывают рыло торгаша,

Когда на складах, в ресторане
Вор верховодит над вором
И в государственном кармане
Свободно шарят, как в своем,

Когда с досадой, даже злобой,
Пришедших с просьбою помочь,
Администратор твердолюбы
Привычным жестом гонит прочь,

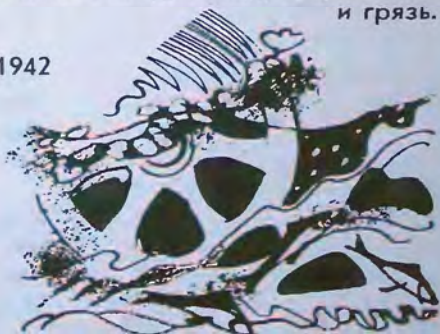
Когда, себе готовя смену,
Калечат матери детей
Привычкой к торгу и обмену,
И суете очередей,

Хоть нас гнетет необходимость,
Но все мы вынести должны.
Пора понять неповторимость,
Величье грозное войны.

Неповторимы наши муки,
И испытанья, и нужда.
И, вспоминая, скажут внуки:
«Зачем не жили мы тогда!»

А мы пойдем, хоть путь наш
труден,
Терпя, страдая и борясь,
Сквозь серый дождь военных
буден,
Сквозь голод, холод, скорбь
и грязь.

1942



ТАШКЕНТСКАЯ ИДИЛЛИЯ

1942 г.

Самых громких книг беззвучный хор.
Выбирай, читатель ненасытный!
Тут тебе почтение и простор,
Мальчик из кибитки глинобитной.

С голодухи не хватало сил.
И, чтоб крепнул дух в дороге дальней,
Карточку на хлеб он прикрепил
В магазине рядом с той читальней.

Хлеб мне отпускают только тут.
Утром голод гонит человека
И туда, где хлеб ему дадут,
И туда, где ждет библиотека.

Строили роскошный город-сад.
Грянула вторая мировая.
Пассажиры гроздьями висят
На подножках каждого трамвая.

Но трамвай я вижу, как в кино,
Я атаковать его не буду:
Детям ездить в нем запрещено —
Тиф сыпной свирепствует повсюду.

Взрыв нестрашный шашки дымовой.
За резным порталом — киностудия.
Дубль второй! В атаке штыковой
Взвод берет фашистские орудия.

Слава — дым. Отдаст ее герой.
И тому, кто роль его играет,
И тому, кто крикнул: «Дубль второй!»,
И кто песни к фильму сочиняет.

Радио. Читает Алимджан.
Мерный голос, добрый, но суровый.
Враг — душман, а Родина — Ватан, —
Громче всех звучат два эти слова.

Слава и со смертью примирит.
Что ей краткий век иль суд неправый?
Нет тебя, а голос говорит...
И чем больше бед, тем больше славы.



Как со славой, с книгой встречи ждал,
А с какой, и сам еще не знаю.
Так в любви: впервые увидал,
А она — из всех родных родная.

Пыль. Жара. Но цель моя близка.
Под мостом Анхор струится с плеском.
Тень акаций. Книг до потолка.
Слава. И любовь. И хлеб с довеском!

1988

ДВЕ ВЕСНЫ В ОДИН ГОД

1

Солнце! И арба в рассвете гулком
Месит грязь, дорогу бороздя.
Солнце! И — клочки по закоулкам
От ночной сумятицы дождя.
Мгла рассеивалась, и росли в ней,
Солнцу подставляя синий снег,
Горы — насылательницы ливней,
Горы — прародительницы рек.

А весна еще не оперилась
И на дне иссохшего дупла
В листья прошлогодние зарылась,
Из сухих ветвей гнездо свила.
И не угадать, какую ранью
Опустеет теплое дупло.
Вновь — листва, кипенье, щебетанье,
Вспенилось, запело, зацвело.

Ташкент, март 1944



2

Мне дороги асфальты матовые
И неба злая белизна,
Когда Москву до слез прохватывает
Стекающая с крыш весна.
Еще чуть брезжит вышина,
И чужды ей азростаты,
А в жизни все еще война,
И рядом с ней идет весна,
И обе молча, как солдаты,
И все еще не дни, но даты,
Затишье, но не тишина.

Москва, апрель 1944

ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Книжные странствия в зное пампасов,
Свайные хижины папуасов,
Пальмы, пираты, индейцы, ковбои —
Все заслонилось тобою.

Вижу я лестницы школьной ступени,
Стайку подружек веселых, и в ней —
Ты, героиня моих сновидений,
Ты, собеседница музы моей.

Мы не встречались наедине,
Ты оставалась только мечтою,
Но мне казалось, что я не стою
Даже того, чтоб ты снилась мне.

Когда же под праздник, не зная покоя,
Глаза проглядев, я тебя находил,
Всю школу хотел я заполнить собою,
Толкался, дурачился, пел и шутил.

Как я хотел ничего не скрывать
И, не стыдясь своих рук неуклюжих,
Вырвать тебя из толпы подружек,
Вызвать на танец и другом назвать.

Алые бабочки — ленты в косах,
И головы твоей милой наклон.
И — на всю жизнь, на всю жизнь отголоски
Детских и дедовских этих времен.

1943

В ЧИТАЛЬНЕ

Вы, делавшие мир светлей и лучше,
Вы, жизнь свою отдавшие борьбе!
Спасите нас! Спасите наши души!
Не дайте утонуть в самих себе!
Не дайте превратиться в жалких тварей,
Каких рождала нищая страна, —
В Молчалина, учителя в футляре
Иль пескаря из сказки Щедрина!

1943

ГОВОРЯ
ОТКРОВЕННО

«ВО-ПЕРВЫХ» И «ВО-ВТОРЫХ» АЛЛЫ ИЛЬИЧЕВОЙ

И сегодня среди людей старшего поколения неискоренимо представление о некоей духовной ограниченности деловых людей... А как же иначе?! Предпринимательская деятельность подразумевает материальное благополучие. А оно и духовные богатства — вещи несопоставимые!

Нам всегда внушали, что человек богат своими душевными качествами. Главное в жизни — не деньги! Истинный гражданин работает не за деньги, а ради идеи и самого творческого процесса. Положительный герой, кочевавший по страницам литературных произведений, обязательно был бессребреником, питался шестикопеечными котлетами, ходил в мосторговских брюках и постоянно размышлял о чем-то глобальном — перевыполнении плана, полете на Луну или освоении целинных и залежных земель. Антигерой являлся полной противоположностью герою. Питался он исключительно

в ресторанах, имел папу академика, носил элегантные импортные шмотки и мечтал лишь об одном — где бы найти теплое местечко, чтобы употребить по назначению свою деловую сметку и заработать денег. Антигерой, конечно же, проигрывал герою, так как сама «наша действительность» якобы «исключала» иное развитие сюжета.

А что же в реальной, невыдуманной жизни? Монополия государства на все виды деятельности жестко и жестоко регламентировала место каждого. Деловой человек не мог найти применения своим талантам и оказывался в итоге либо с переломанным хребтом приспособленца, либо в стане заправил «теневой экономики».

Кто знает, возможно, сегодняшнее массовое недовольство кооператорами базируется на прежней нелюбви к предприимчивым людям, которые всеми силами пытаются удержать синицу в руке,

отбросив далекоидущие, а в принципе утопические планы — поймать в небе журавля всеобщего благоденствия.

Но каждая эпоха вносит поправки в обветшалые схемы. Несмотря ни на что, полнится строй кооператоров. Новое поколение выдвигает вперед деловых людей, делая ставку на энергичных и предприимчивых — самых разных профессий и самых разных возрастов. А что если в будущем разрубить гордиев узел наших экономических проблем смогут сегодняшние школьники, примкнувшие к кооперативному движению? И будут среди них — кто знает? — и те, кто сегодня после уроков приходит в школьное здание на Бакунинской улице, где разместились два цеха детского швейного комбината — филиала кооперативного сервис-центра «Павлин»...

Итак, слово швее-десятикласснице Алле Ильичевой...

...По правде сказать, я здесь совсем недавно работаю — всего два месяца. В феврале к нам в школу пришли Марина Ильинична Ильина и Ольга Григорьевна Могилевская и стали нас агитировать идти работать в «Павлин». Показали продукцию, которую выпускают, сказали, что сможем зарабатывать деньги. Насчет финансов я не очень-то поверила. Работала однажды уже в УПК, где нам сразу же твердо пообещали «оплатить наш труд по достоинству». Я тогда размечталась — вот, думаю, деньги заработаю, что-ни-

будь стоящее себе куплю, маме подарок сделаю. Целый месяц «качественно шила» вместе с другими девчонками простынки для кукол-малюток. А в конце месяца наш труд «по достоинству» оценили в шестьдесят шесть копеек. Умереть можно от смеха! Оказалось, что они стоят две копейки — штука... Работала также в другом УПК при швейном кооперативе. Тоже обещали заплатить хорошие деньги. Действительно, получила в результате триста рублей за три месяца. Нормальная цена, нормальный заработок. Но... нам пришлось чуть ли не забастовки объявлять, чтобы выбить из руководства деньги! Потому-то я сначала не очень поверила, что здесь, в «Павлине», можно развернуться. Почему же, спросите, все-таки пошла? Не хотела упустить возможность поработать на хорошем оборудовании. До этого я ведь занималась в швейном кружке... Большая часть моих блузок и платьев своими руками сшиты — видите? Одним словом, решила, что терять нечего — можно и поработать в «Павлине».

И знаете, с тех пор ни разу не пожалела о своем решении! Во-первых, здесь много ребят знакомых. Из нашего класса — только четверо. Во-вторых, оборудование у нас — классное. Японские и венгерские швейные машины, китайский «оверлок». Да и ткань нам поставляют в рулонах, а не в виде обрезков, как для кружка «Умелые руки». В-третьих, отношения между нашими преподавателями и на-



ми совсем иные, чем в школе. Мы на равных разговариваем, обсуждаем все текущие дела. Никто нас не подгоняет, не шпынует! Равноправие полное! Если я не приду — никто мне выговоров делать не будет... Это мое личное дело. Но я еще и знаю, что чем меньше я сделаю — тем меньше получу. Мне самой решать.

Кстати, насчет денег я оказалась не совсем права. За два месяца я получила сто восемьдесят рублей. Согласитесь, сумма очень приличная... На такой заработок я и не слишком-то рассчитывала.

А свою первую зарплату не забуду никогда. Представляете, сто рублей выдали одними рублями! Когда я положила эту пачку в сумку, она на глазах увеличилась, кажется, вдвое. Мама увидела и говорит: «Что рублями, это ничего. Зато почувствуешь «весомость» своего труда...» Большую часть заработанного я отдала маме. Так уж повелось в нашей семье, что деньгами — семейным бюджетом — заведует мама. Ей и решать, на что потратить, что важнее на данный момент. Мне вот, к примеру, давно уже хочется магнитофон «Весна» купить. Сто семьдесят два рубля стоит. Вроде бы была у меня возможность его купить, но язык не поворачивается на этом настаивать. Много других необходимых вещей надо и маме, и бабушке, и мне. Поэтому я пока что не спешу.

Пацаны из нашего класса меня как-то спросили, зачем я все деньги отдала маме. Ты, говорят,



не украла их, а честно заработала. Почему же ты не можешь сама распорядиться ими по своему усмотрению? Я им объяснила — правда, не знаю дошло до них или нет, мужчины вообще дальше стоят от реальной жизни, чем мы, женщины! — что сто восемьдесят рублей не такая уж и большая сумма. Так лучше я ее отдам в семейный бюджет... А когда, например, мне потребуется приобрести что-то настоящее, фундаментальное, я со спокойной совестью возьму эти деньги у мамы. Это ведь как в сберкассе. Отдал деньги на хранение, а они к тебе



с процентами возвращаются. Разве я не права?

Мне бы хотелось вот еще о чем сказать. Слушаешь иногда, что говорят по ТВ депутаты, как они спорят о том, как хозяйствовать, как ликвидировать «уравниловку», как вывести из тупика нашу экономику, и удивляешься тому, что они никак не могут принять какое-то определенное решение. У нас в «Павлине» подобные вопросы уже научились решать. Сколько и как сделал — столько и получи! Никакой уравниловки, никаких обид! Конкретные примеры? Пожалуйста! На одной швейной ма-

шинке работают двое ребят. Один скрепляет крой булавками, а другой шьет. Когда при расчете встанет вопрос о том, как платить, никаких споров нет: тот, кто работает на подсобных работах, получает 30%, а тот, кто шьет на машине, — 70%. Давно мы не вспоминаем такие слова: «От каждого — по способностям, каждому — по труду», а ведь очень правильные слова! У нас все именно так и получается.

Проблем у нашего «Павлина» немало, как, наверное, у любого швейного комбината — то материала нет, то фурнитуру не подвезли. Случается иногда, что приходится всем вместе отправляться в магазин, чтобы купить... 200 метров обычной широкой резинки. На руки дают не больше десяти метров, вот и приходится двадцати ребятам выстраиваться в очередь! Но это, как говорится, «временные трудности». Главная беда — комиссии, отовсюду и по любому поводу... Кто только не проверял наш бедный комбинат! То из Комитета по народному образованию придут, то из исполкома, то из финансовых органов... Явятся серьезные дяди и тети, брови насуплены, губы поджаты... И давай вопросы задавать. Сколько времени мы работаем, не переутомляемся ли, не обижают ли нас, не ущемляют ли в наших правах? Одним словом, как в кино: общественная комиссия нагрянула на подпольную фабрику, где кровопийцы-кооператоры эксплуатируют несчастных



детей. Не знаю, почему они так часто приходили, какие сигналы и от кого поступали, но чувствовалось, что они просто жаждут увидеть истощенных детей, «оглушительный» грохот машин и даже надсмотрщиков. Честно говоря, ребята настолько обалдели от этих проверок, что стали какими-то дерганными и злющими. Слава богу, сейчас проверки вроде бы пошли на убыль.

Между прочим, недавно гости к нам приезжали из Италии. И — что же? Итальянские ребята пришли в восторг от того, какие машины стоят у нас, какие модели мы создаем. Оказывается, для них подработка — в швейной ли мастерской, на предприятии ли ихнего «общепита» — обычное дело. И взрослые это только приветствуют. Мы спрашивали у них: только ли малоимущие ребята подрабатывают таким образом? Они недоуменно улыбались — каждый, кто хочет, может это делать независимо от того, сколько получают его родители...

Вообще-то совсем по-другому ощущаешь себя, когда имеешь возможность заработать деньги. Во-первых, к работнику в семье совсем по-другому начинают относиться. И в один прекрасный день ты вдруг получаешь возможность «возникать» при обсуждении бюджетных вопросов. Во-вторых, сама начинаешь понимать — почем она, трудовая копейка! Пять раз поморщишь лоб, прежде чем пустить ее в ход.

Между прочим, удивительная

вещь — у нас в «Павлине» в основном работают не те «страдальцы», которым некуда приткнуться себя по вечерам, которые слонялись и продолжают слоняться по пустырям, подъездам или подвалам. Пришли — представьте себе — в основном «отличники и спортсмены» из благополучных семей. Так что и тут старый газетный штамп (получил трудный подросток свое дело и «перековался») не сработал.

Но не воображайте только, что деньги для нас — фетиш. Нет! Однако и задарма работать мы отвыкли. Просто и у медали «За трудовое отличие», как известно, две стороны. Зарабатывая деньги, мы узнаем много нового. В то же время и познавая, зарабатываем на хлеб насущный. Постепенно возникают и разные направления в работе... Одни занимаются в основном повышением профессионального мастерства закройщика и швейника, другие большую часть времени отдают моделированию. А все вместе заняты одним: созданием своей, собственной коллекции. Вместе с нашими руководителями Мариной Ильиничной Ильиной и Ольгой Григорьевной Могилевской разрабатываем разные стили костюмов. «Темы» самые разнообразные: костюм морской и костюм спортивный, романтический и авангардистский, пушкинского времени и завтрашнего дня. Заодно учимся искусству показа моделей. Точно по половице — и швец, и жнец, и на дуде игрец!

Между прочим, и швец, и игрец в «Павлине» в одинаковых правах. Да, одни ребята приходят на комбинат, чтобы заниматься в основном творчеством, другие хотят просто заработать. Что это — разделение на белую кость, творцов, и черную кость, «деляг»? Ничего подобного! Если человек своими руками зарабатывает деньги, если он качественно делает вещь, что в этом зазорного?

И мое, собственное отношение к деньгам, работе, пожалуй, изменилось. Словно что-то сдвинулось во мне за время работы в «Павлине». Что конкретно? Опять объясню на пальцах. Во-первых, по-моему, у меня наконец-то появилась деловая сметка! Ура! Во-вторых, я стала экономнее относиться к своему времени. Сама планирую свой день... И вот неожиданно ощутила, что времени-то у меня стало в обрез! В жизни все неожиданно упорядочилось, встало на свои места. Наладился рабочий ритм: столько-то времени на учебу, столько-то — на помощь маме, столько-то для того, чтобы раскрыть для себя джинсовый костюм. А это, святое время, на работу, за которую я получу причитающиеся мне деньги. Планирую, рассчитываю... И, возвращаясь вечером домой, при виде ребят, которые ошиваются на улице или тусуются на «пятакке», ловлю себя на мысли — неужели им это все «в кайф»? И — не жалко на это времени? Нет, многое еще нам надо обдумать, решить...

Записал Алексей КУСУРГАШЕВ

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

ТАКОЕ СУЩЕСТВУЕТ В КАЖДОМ ГОРОДЕ

...Говорят, что девушки становятся грубее. Могу согласиться, да, в какой-то мере нас портят фильмы, в которых показывают секс и насилие. Но задумывались ли вы над тем, почему мы вынуждены сейчас заниматься в таких секциях, где учат девушек защищать свою честь и достоинство? Мальчишки (по крайней мере, на семьдесят процентов) хотят одного — наслаждения близостью. И, добиваясь своего, чаще всего навсегда ломают этим жизнь девушек. Поэтому каждая из нас должна суметь постоять за себя, не останавливаясь перед применением физической силы. Да, конечно, грубости в нас хватает. Особенно проявляется это, когда две девчонки готовы перегрызть друг другу горло из-за парня.

Мне самой 15 лет, и я остро ощущаю потребность в самообороне... Возможно, мое письмо вызовет у вас негодование. Но знайте, то, о чем я написала, существует везде, в каждом городе.

**ВЕРОНИКА Н.,
Нижнекамск**

У МЕНЯ ВСЕ ЕСТЬ, НО...

Мне 14 лет, я учусь в 9-м классе. Начну с того, что я в семье единственная дочка, имею мать и отца. В шесть лет мать разошлась с отцом, а через 2 года вышла за другого. Я отца уважаю, он хороший, добрый человек, вот только отцом я его называть не могу.

Да, у меня все есть, меня одевают, кормят. Но почему-то считается, что разговаривать со мной можно только криком и битьем. Мать то и дело стегает меня чем попало — тапком по лицу, ремнем — по рукам, по спине. Прихожу в школу, а на лице — царапины, на руках — рубцы. Мои одноклассники, конечно, обо всем догадываются. Одна моя подруга даже утверждает, что ее ни разу в жизни не били. «Всегда объясняют по-хорошему: что плохо, что хорошо. Ну, в крайнем случае, покричат». Однажды я попыталась объясниться с мамой, спросила: «Почему ты все выясняешь с помощью ремня? Мне ведь уже 14?!» — «Ты мне еще указывать будешь!» — закричала мама. Она думает, что если будет покупать мне дорогие тряпки, я буду ее беспрекословно слушаться. Купили мне и магнитофон, и мотороллер... А мне необходимы не вещи, а обыкновенное внимание!

Каждый день дома одна и та же картина: мама приходит с работы, сготовит ужин, сядет и читает. Нет, чтобы расспросить меня об учебе, о моих делах.


Недавно я познакомилась с парнем, но, нет, ей я об этом ни за что не скажу. А хотелось бы...

Без подписи

МНЕ ГОВОРЯТ: ТЫ — ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК

...Живу я с мамой и старшей сестрой (ей 20 лет). Мать и отец развелись, когда мне был один год, мне же самой скоро будет 13 лет. В школу я пошла с восьми лет, в младенческом возрасте у меня случилось заражение крови, я болела болела. И вот пошла в школу... Ну, сначала я училась, можно сказать, хорошо, а вот потом... Надо мной издевались в классе, били. Один мальчишка прямо в классе ударил меня кулаком по голове (отчего и было сотрясение). Одним словом, меня довели до того, что я ушла в другую школу, где сейчас и учусь. Иногда думаю, может быть, я сама во всем виновата? Очень многие мне говорят, что я здорово играю людям на нервах. Мама говорит: «Ты мне жизнь сократила на 3 года», «Ты — плохой человек», — говорят некоторые. У меня родители хорошие. Мама — честная труженица, работает инженером-программистом. Сестра Марина — швея. Я тоже хочу пойти работать, но — уввы! — ничего не выйдет, это я знаю наперед. Хочу стать медицинской сестрой.

**К. О.,
Москва**



Лидия ЧАРСКАЯ

РАДИ СЕМЬИ

Глава I

...Где-то поблизости с шумом упало яблоко, и Катя раскрыла милые сонные глаза.

У входа в ее шалашик стоял крестьянин Ефрем и протягивал ей какую-то серую бумажку.

— Иштафета издалеча. Отнеси маменьке. Расписаться велют.

Катя не сразу поняла, чего хочет от нее этот седобородый, сухой, как спичка, человек в ветхом зипуне, исполняющий в соседнем селе должность почтаря и посыльного.

В ее растрепанной головке еще плыли сонные грезы, какие-то сладкие сны, с которыми так не хотелось сейчас расставаться.

А кругом звенел своим летним звоном ее любимец сад. Жужжали пчелы, пели стрекозы, чиликали

птицы, порхая между ветвями старых яблонь и лип. В узкое отверстие входа заглядывало ласковое солнце, и из шалашика, любимого места Кати, куда она приходила мечтать, грезить, а иногда и спать, можно было видеть наливавшиеся в последней стадии назревания сочные яблоки, словно алой кровью пропитанные ягоды красной смородины и играющий изумрудными огнями сквозь тонкую пленку кожицы дозревающий на солнце крыжовник.

Одним общим ласковым взглядом черные глазки девочки обняли родную ее сердцу картину, и она быстро вскочила на ноги.

— Телеграмму привез? Давай, давай!

Выхватив из рук Ефрема депешу, она с быстротою, так свойственной ее резвым четырнадцати-

Лидия Алексеевна Чурилова (урожденная **ВОРОНОВА**, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодотворной писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Наиболее известны среди них: «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Люда Власовская», «Записки маленькой гимназистки», «Газават. Тридцать лет борьбы горцев за свободу», «Паж цесаревны», «Ради семьи»... Впрочем, один только перечень написанного Лидией Чарской — а в него попали бы и сборники стихов для детей, и исторические повести, и пьесы — мог бы занять целую журнальную страницу... Да, количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателей, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

О самой Чарской, ее жизни известно не так уж много. Даже дата и место рождения точно неизвестны, называют либо Кавказ (1875 г.), либо Петербург (1878 г.). К десяти годам маленькая Лидя уже вовсю писала стихи, а в 15 — начала вести дневник. Еще в молодые годы любовь к сцене, театру привела Чарскую в знаменитый Александринский театр, на подмостках которого и прошли почти 25 лет ее жизни... Сейчас творчество незаслуженно забытой писательницы возвращается нашему читателю.

летним ножкам, птицей метнулась мимо него и помчалась к крыльцу, мелькая красным ситцем платья между деревьями и кустами.

— Ма-моч-ка, те-ле-грам-ма! — кричала она из сада, без тени тревоги на оживленном, загорелом как у цыганки лице.

— От Андрюши из Венеции... Верно, приедет скоро!.. Траляляля! Траляляля! Приедет наш Андрюшенька, приедет, — запела Катя.

Последняя фраза прозвучала уже на пороге крошечной террасы, где Юлия Николаевна Басланова, хозяйка маленькой усадьбы «Яблоньки», сидела за чистой крыжовника для варенья.

Склонив седеющую голову с добрыми глазами, такими же черными, как у Кати, но далеко не такими жизнерадостными, как у той, она вооруженной ножи-

цами рукой тщательно подстригала мохнатую бородку на каждой ягоде, вынимая их из корзины, и отбрасывала очищенный крыжовник на большое блюдо, стоявшее перед нею на столе.

Ей помогала старшая дочь, семнадцатилетняя девушка с поэтичной головкой блондинки и серьезным лицом, в котором большой неожиданностью являлся энергичный склад тонких сжатых губ, придававший некоторую суровость всему ее хрупкому облику.

Большие серые глаза девушки смотрели задумчиво и строго.

Ия Басланова и по внешнему виду казалась полной противоположностью своей младшей сестры — олицетворения жизнерадостности и веселья.

Катя с шумом ворвалась на маленькую террасу и теперь, при-

плясывая и прищелкивая пальцами, кружилась перед матерью и сестрою, распевая во весь голос и потрясая высоко над своей черной растрепанной головкой только что полученной телеграммой.

— Траляляля!.. От Андрюши... траляляля! — напевала она.

Юлия Николаевна побледнела. Она заметно встревожилась уже с той минуты, когда услышала звонкий Катин голос в саду. Сама по себе телеграмма уже являлась из ряда вон выходящим явлением в их бедной событиями жизни. А тут еще депеша пришла из Италии, от ее сына Андрея, молодого художника, отправившегося совершенствоваться туда, в эту поэтичную прекрасную страну, издавна славившуюся колыбель высшего художественного искусства.

Было от чего взволноваться и встревожиться любящему материнскому сердцу.

Ия поспешно встала из-за стола и подошла к сестре.

— Перестань шалить, Катя... Давай скорее телеграмму, — тоном, не допускающим возражений, проговорила она и, быстрой рукою взяв у сестры депешу, вскрыла ее.

Дыхание захватило в груди девушки. Она волновалась за мать. Телеграмма могла принести одинаково как хорошие, так и дурные вести. Но лицо Ии ни одной своей черточкой не выдало охватившего молодую девушку волнения. Серые глаза казались по-прежнему спокойными, и таким же спокойным был ее голос, когда она громко читала полученную депешу.

В телеграмме стояло несколько строк:

«Прошу бесценную мамочку благословить мой брак с княжной Анастасией Вадберской. Свадьба завтра. Целую всех. Андрей».

Пока Ия с трудом разбирала русские слова, написанные латинскими буквами (так принято писать депеши за границей), лицо Юлии Николаевны передало целую гамму самых разнородных ощущений. Здесь были: и огромное всепоглощающее удивление, и испуг, и боль разочарования, и, наконец, отчаяние.

Когда последнее слово в депеше было дочитано, тяжелый вздох вырвался из груди матери.

— Андрюша... милый... дорогой Андрюша!.. О... О Господи! — прошептала Юлия Николаевна, откинувшись на спинку стула.

Из-под сомкнутых ресниц по бледным щекам покатались крупные слезы.

Катя, хранившая до сих пор на своем смуглом от загара личике выражение самого жгучего, ничем непреодолимого любопытства, вдруг по-детски скривила рот и тоже залилась слезами.

Она не могла видеть равнодушно материнских слез.

— Мамочка, мамочка, дорогая! — рыдая, шептала девочка, прижимаясь к плечу матери черной кудлатой головенкой, — мамочка, не надо плакать... не надо.

Слезы матери и младшей дочери смешались.

Одна Ия сохраняла, по-видимому, свое обычное спокойствие.

Стройная тонкая фигурка де-вушки приблизилась к Юлии Ни-колаевне. Белокурая, отягощенная пышной тяжелой косой головка склонилась над нею. И тихо, мягко, любовно прозвучал нежный голос Ии над ухом матери:

— Мамочка, не плачьте. Сле-зами горю не помочь. Этого надо было ожидать давно. Что делать, судьба сильнее нас, и вы должны себя утешить мыслью, что были всегда безупречною матерью и воспитательницей в отношении Андрюши и нас с Катей. Что же касается Нетти, то... Милая мамоч-ка, я слышала от опытных людей да и сама читала в книгах, что искреннее чувство часто меняет, облагораживает самые эгоистич-ные натуры. А Нетти любит на-шего Андрюшу, и под влиянием этого чувства расцветет и возвы-сится ее, может быть, сейчас и мелкая, пустенькая душа. Право, мамочка! Не надо же приходить преждевременно в отчаяние. Я уверена, что Андрюша будет счастлив с Нетти.

— Но все это так внезапно, Июшка, так неожиданно,— подни-мая на старшую дочь заплаканные глаза, произнесла Юлия Нико-лаевна.

— Она — противная эта Неть-ка! Я ее терпеть не могу! — не-произвольно вырвалось из груди Кати, и черная головка отделилась от материнского плеча.

— Важничает... фыркает... Во-ображает, что нет лучше ее на свете!

— Перестань, Катя,— строго

остановила младшую сестру Ия, — ты еще маленькая девочка, и не твое дело осуждать старших. К тому же надо быть вполне бе-зупречной самой, чтобы иметь право критиковать поступки дру-гих. И вообще, Катя, чем меньше ты будешь рассуждать обо всем этом, тем будет лучше. Возьми-ка корзину, там крыжовника осталось всего на доньшке, и пойди в сад, набери там еще ягод.

Последние слова Ия произнесла так энергично, что Кате волей-не-волей оставалось лишь послушать-ся и исполнить приказание сестры.

Надув пухлые губы, девочка за-хватила со стола корзину и с недо-вольным видом отправилась в сад.

— Классная дама какая, подум-аешь. Только и знает нотации чи-тать,— ворчала она, хлопоча у кустов крыжовника.— Кончила инсти-тут весною и воображает, что командовать может, сколько ей вздумается теперь. Только дудки, я не позволю.— И говоря это, Катя с ожесточением срывала ягоды и бросала их в корзину.

После ее ухода Ия подсела к матери. Нежным, полным невы-разимой ласки движением обняла ее плечи и заговорила:

— Кати нет, можно теперь обо всем побеседовать свободно, ма-мочка; только не волнуйтесь, род-ная. Правда, Андрюшина женитьба является для всех нас большим сюрпризом, но... не это беспокоит меня. Если Андрюша любит Нетти и та отвечает ему таким же чув-ством — брак их является жела-тельным и счастливым. Но, мамоч-





ка, другое тревожит меня. Ведь вы знаете, что Вадберские разорены и что молодые будут принуждены жить исключительно на заработок Андрея, на те деньги, которые он получал и получает от продажи картин и которыми до сих пор так щедро делился с нами. Теперь, мамочка, у него будет своя семья, молодая жена, избалованная родителями, привыкшая ни в чем не иметь отказа, могут скоро явиться и дети, и Андрюше предстоят новые заботы и расходы. Значит, надо избавить его, во что бы то ни стало, от прежних. Он, как чуткий и благородный сын, конечно, будет стремиться помогать нам, как помогал до сих пор, но этого допускать нельзя... Художественный талант Андрюши должен развернуться и расцвести безо всяких мелких лишений, и без малейшей нужды должна протекать его жизнь. Надо, чтобы мысль о заработке как можно меньше тяготила его, по крайней мере, хотя бы теперь, когда он только что вступает на новый путь и начинает свою карьеру.

И вот, мамочка, я решила сейчас, что все обязательства по отношению к семье, которые нес до сих пор Андрюша, я возьму на себя. Ведь «Яблоньки» приносят так мало, расход по усадьбе едва-едва покрывается доходом, и нам его не хватает и на самые насущные потребности. Значит, без помощи со стороны обойтись никак нельзя: надо одеваться, платить за Катю, за ее учение и содержание в интернате, словом, добы-

вать ту ежемесячную субсидию в 50 рублей, которые нам до сих пор посылал Андрюша и на которые мы теперь не имеем права рассчитывать. Это сделаю я. Я постараюсь найти хорошее место мамочка, бухгалтерши, телеграфистки, гувернантки, кассирши, наконец, которое бы давало мне хороший заработок, а...

— Июшка,— тоскливо сорвалось с губ Юлии Николаевны,— голубка моя, да как же я без тебя-то?.. Ведь уехать придется, Июшка, разлучиться нам с тобою!.. А я так мечтала: вот кончит курс моя старшая девочка, будет со мною жить безотлучно, вместе хлопотать будем, хозяйничать...

— Конечно, уехать, мамочка, не в нашем же милом захолустье искать места, в Петербург придется поехать, в столицу.

— В Петербург? Такой молоденькой? Одной? Да что ты, Июшка! — испуганно проронили губы матери.

Тихий смех Ии прозвучал не совсем естественно, когда она отвечала матери, стараясь успокоить ее:

— Полно, мамочка, ведь до сих пор вы считали такой благоразумной вашу большую Ию! Неужели же теперь вы так мало верите в ее энергию и силы? Не верите? Нет?

И говоря это, Ия серьезным взглядом своих серых, вдумчивых глаз встретила обращенные к ней любящие глаза матери.

— Июшка! — могла только произнести со слезами Юлия Ни-

колаевна и нежно обняла прильнувшую к ней белокурую головку.

Этой лаской она как бы давала молчаливое благословение на новый путь своей благоразумной дочери.

Глава II

Студеная августовская ночь с ее призрачным сиянием далекого месяца, от которого небесные высоты кажутся каким-то фантастическим сказочным царством, стояла над «Яблоньками»...

Ткал свою серебряную прозрачную пряжу месяц, заливая млечными лучами и маленькую усадьбу, казавшуюся игрушечной с ее домиком в четыре окна и небольшим яблоневым садом, и прилежавшие к ней сто десятин поля, утилизированных под скромные посевы.

За «Яблоньками» тянулись поля и леса, принадлежащие разорившимся князьям Вадберским и теперь отданные в аренду. У самой опушки леса находилась красивая помещичья усадьба, полуразрушенная временем, с запущенным диким садом и барскими угодьями. Уцелел один только главный дом, огромный, как палаццо, старинной архитектуры с колоннами и башенками, со всевозможными затеями, увидевший свет чуть ли не во времена императрицы Екатерины.

В бледном, обманчивом свете месяца он казался средневековым замком.

За помещичьей усадьбой, но-

сившей название «Лесного», шла дорога в ближнее село, лежавшее в пятнадцати верстах отсюда и от соседних с ним «Яблонек». В селе находилась церковь, школа, почтово-телеграфная контора и главная пристань Волги. От ближайшего губернского города С. насчитывалось отсюда сорок верст.

Ия стояла на пороге терраски и смотрела в сад. Была полночь.

Мать и сестра давно спали. Первая, конечно, делала вид, что спит. Ей было не до сна. Брак старшего сына менял совершенно всю давно налаженную программу их жизни. Помимо того, что в их семью входила несимпатичная, крайне избалованная юная особа, в лице княжны Анастасии Вадберской, или Нетти, как ее называли близкие, Юлии Николаевне приходилось отпускать Ию на трудный, тяжелый заработок, к чужим людям, в чужой город, и это не могло не тревожить мать.

Но сама Ия нимало не тревожилась предстоящей ей переменой в жизни. Правда, ей было жаль до слез расставаться с матерью, жаль было уезжать из этого милого гнездышка, где родились и выросли они обе с Катей, где всякий кустик, всякое деревце срослись и сроднились с ними. Каждое лето приезжала сюда она девочкой из института и проводила здесь самые отрадные часы своей юности.

Правда, в этих милых «Яблоньках» узнала она и свое первое тяжелое горе. Здесь умер отец, всег-

да такой ласковый и добрый, умер в ту пору, когда самой Ие было всего десять лет от роду.

Он был когда-то учителем гимназии и, не выслужив пенсии, вышел в отставку с совершенно расстроенным здоровьем; на свои крошечные сбережения он приобрел у соседей Вадберских эту усадьбу и поселился в ней с молодой женой и крошечным сыном.

Князья Вадберские являлись, таким образом, соседями отставного учителя.

Глядя на серебряный океан небес со скользящими по нему облаками самых фантастических очертаний, Ия думала сейчас об этой семье, вспоминая до малейших подробностей некоторые картины своего детства.

Ей десять лет, Андрею — семнадцать.

Отец умер несколько дней тому назад.

Князь Вадберский, высокий, красивый старик в блестящем мундире отставного кавалериста, присутствовал на всех панихидах вместе с дочерью Нетти и двумя сыновьями — Леонидом и Валерьяном.

Их мать, черноглазая подвижная женщина, итальянка родом, с несколько вульгарными манерами, так мало согласовавшимися с ее княжеским титулом, вторая жена князя, происходившая из простой мещанской семьи, с которой он после потери первой жены случайно встретился за границей, прислала вдове учителя записку, пропитанную запахом духов и ис-

кренним выражением сочувствия и утешения в постигшем несчастную семью горе.

В ближайший же праздник Юлия Николаевна, еще не опомнившаяся от горя, послала своих старших детей благодарить за сочувствие княжескую семью, с которою они до смерти отца не были знакомы.

Как ярко встает этот первый их визит в княжеский дом в воспоминании Ии!

Тогда был чудесный солнечный полдень.

Она, в своем скромном ситцевом траурном платье, сшитом на скорую руку матерью и сидевшем на ней мешком, и Андрюша в его куцей гимназической куртке, из которой он порядочно вырос в то лето, появились среди блестящего шумного общества, завтракавшего среди цветов на большой стеклянной террасе. У нее буквально тогда закружилась голова при виде шикарного многочисленного общества, находившегося на террасе.

Князья Вадберские, несмотря на грозивший им уже и в то время призрак разорения, вели открытую, шумную жизнь.

Красавица княгиня любила быть окруженной гостями, поэтому и в летнее время, которое они проводили в «Лесном», барский дом усадьбы шумел и звенел, не умолкая, смехом, пением и веселыми молодыми голосами. Целыми днями там звучал рояль, раздавались дуэты и хоровое пение. Гостившие родственники и родственницы кня-

за Юрия Львовича, его молоденькие племянники и племянницы заполняли своими звонкими голосами все уголки дома.

В тот день за столом — Ия помнит это отлично — сидело человек двадцать, от присутствия которых она, маленькая дикая провинциалочка, смутилась и растерялась совсем, а тут еще и сама княгиня увеличила ее смущение.

Очень недалекая и резкая в манерах, но безусловно добрая и чуткая, она посадила около себя маленькую сиротку и стала громко восторгаться ею на весь стол...

Она во весь голос хвалила большие серые глаза Ии, ее пышные белокурые волосы, ее тонкое задумчивое лицо, с которого не сошла печать только что пережитого горя.

Потом стала удивляться ее нежному голоску и кончила неожиданной фразой, обращенной к гостям:

— Если бы моя Нетти была хоть чуточку похожа на эту очаровательную девочку, я сочла бы себя счастливейшей матерью в мире.

Хорошенькая двенадцатилетняя Нетти, унаследовавшая от матери ее черные огневые глаза итальянки, скривила в презрительной улыбке свой очаровательный ротик. Она в своем нарядном платье с эффектно разбросанными вдоль спины черными локонами имела вид настоящей маленькой феи этого старого барского гнезда.

Маленькая красавица высокомерным взглядом окинула скромную сандрильону и шепнула си-

девшему подле молодому кузену-пажу:

— Она бесподобна, эта девочка, в ее куцем мешке. Неужели ее не могли одеть поприличнее?

— Куцем мешке, — повторил маленький паж, захлебываясь от смеха.

Очевидно, до слуха княгини Констанции Ивановны долетели слова ее дочери, потому что она бросила в сторону Нетти уничтожающий взгляд и быстро-быстро заговорила по-итальянски. После этого обычно розовое личико княжны стало малиновым от смущения.

В тот день дети Вадберские играли в лаун-теннис в саду со своими юными гостями. Оба князя не понравились Ие. Ни черненький, как жук, на одно лицо с Нетти, Валерьян, ни рыжий вялый Леонид. Какая разница была между ними и ее милым неуклюжим увальнем Андрюшей, с его несколько угрюмыми, смотревшими исподлобья серыми глазами и кудрявой, всегда растрепанной головой! Оба мальчика учились в привилегированных учебных заведениях, имели прекрасные манеры и тщательно причесанные на пробор головы. Особенно старший. Младший казался проще. Одеты они были в новенькие, с иголочки, кителя, сверкавшие белизною, вежливо шаркали, без умолку болтали по-французски и старались всеми силами, во что бы то ни стало, исправить невежливость их надменной сестрички в отношении юных гостей. Но Ие

они показались какими-то автоматами, а не живыми подростками. Совместная беседа как-то не клеилась у детей. Между бедными сиротами учителя и молодыми отпрысками блестящего старинного аристократического рода никак не могли установиться простые, искренние отношения.

— Нога моя здесь больше не будет! — ворчал на обратном пути Андрюша, — это какая-то кукла на пружинах «parlez français, merci beaucoup» — только и знают, что трещат по-французски, терпеть не могу таких верченых.

И он сдержал свое слово. До самого окончания курса гимназии юноша не бывал в «Лесном». Не бывала там больше и Ия.

Между тем наступила пора учения для девочки, и Ию отдали на казенный счет в С-ий институт. Теперь она могла только на время летних каникул приезжать гостить в милые «Яблоньки» из большого губернского города, где находилось ее учебно-воспитательное заведение.

А годы шли... Мало-помалу выросла небольшой фруктовый садик в «Яблоньках».

Выросли и окрепли в нем стройные плодовые деревья. Выросли и поднялись незаметно вместе с юными деревцами и дети вдовы Баслановой, бывшей, как рыба об лед, со дня смерти мужа в своем крошечном именице.

Андрюша блестяще закончил курс гимназии и поступил в университет.

Серьезный, вдумчивый, немного угрюмый юноша с детства питал

большое влечение к живописи. Еще будучи мальчиком, он очень недурно рисовал небольшие картины, этюды, эскизы и давно уже поговаривал о карьере художника. Но мать и слышать не хотела об Академии художеств, прежде нежели ее первенец не покончит с общим высшим образованием.

И только по получении университетского диплома Андрей Басланов поступил в академию, куда непреодолимая сила влекла молодого человека.

Новое воспоминание выплыло из недавнего прошлого в белокурой головке Ии.

Это было года два тому назад.

Они с братом проводили летние каникулы в «Яблоньках», помогая матери в ее несложном хозяйстве. Андрей, продолжавший заниматься в академии, был отмечен там как крупный талант. Он уже помогал семье своим заработком, получавшимся от продажи его небольших вещей, которые распродавались по рукам среди друзей и знакомых. Как не закончивший еще своего художественного образования ученик, он не имел права выступать со своими картинами на выставках. Но они охотно покупались знатоками и ценителями искусства.

Этими своими первыми заработанными деньгами он радостно делился с семьей.

В то утро пышный зеленокудрый красавец лес подслушивал пылкие мечты молодого художника, доверчиво поверяемые им сестре.

В зеленом укромном уголке

этого леса устроился он со своим мольбертом, заноса на полотно ближайшую группу кустов лесного болотца, покрытого незабудками, и синий шатер неба, развернувшийся над ними.

Ия читала вслух брату «Дворянское гнездо». Перед ними в блестящих красках разворачивались вдохновенные картины творца-художника... Мелькали образы Лаврецкого, Лизы, Левина... Несравненный язык Тургенева звучал как музыка. Брат и сестра забыли весь мир, погруженные в свое занятие.

Вдруг негромкий возглас восторга послышался за их плечами. Кисть выскользнула из рук Андрея. Смущенно опустила книгу на колени Ия. Перед ними стоял князь Вадберский под руку с женой. В то время княжеская семья шла уже быстрыми шагами по пути к разорению. Лес, единственное богатство их, частью продавался, частью сдавался в аренду. Наполовину вырубленный, исковерканный, он уже не мог прокормить своих владельцев. Вот почему Вадберские большую часть года проводили теперь в Венеции, откуда была родом сама княгиня Констанция Ивановна и откуда приезжали лишь на три летних месяца в свое «Лесное».

Наткнувшись случайно на работу молодого художника, чета Вадберских пришла от нее в восторг. Князь Юрий Львович, тонкий ценитель искусства, когда-то сам увлекался живописью, мечтал стать художником.

Он расхвалил работу Андрюши

и пригласил его к себе с его молодой сестрой.

Когда-то нелюдимый, угрюмый гимназист, теперь превратился в красивого стройного молодого человека с живописно выющимися кудрями, с мягким взглядом серых добрых глаз. К тому же он, этот молодой художник, подавал большие надежды. Младшее поколение княжеского дома радушно встретило своего прежнего знакомого.

Знакомство возобновилось. Андрей Басланов стал теперь часто бывать у соседей. Он написал удачный портрет княгини, и престиж молодого художника еще больше окреп.

В ту же осень Вадберские убедили его уехать с ними за границу, в их милую Венецию, предлагая поселиться у них в доме.

Поездка в Италию, слывшуюся лоном искусства, живописи, давшую миру такие великие имена, как Рафаэль и Леонардо да Винчи, была давнишней тайной мечтой Андрея. Памятники классической старины манили к себе издавна молодого художника. Но он не смел даже надеяться попасть туда. И вдруг мечта воплощалась. Греза становилась действительностью. Было от чего прийти в восторг молодому художнику.

Сам старый князь решил снова заниматься живописью и пригласил к себе в дом Андрея, как человека, обладающего художественной системой и талантом, могущего помочь ему уроками и советами на этом поприще.

Не колеблясь ни минуты, юноша согласился.

Италия, как живая академия классического искусства, могла дать ему больше всяких художественных классов, и он без горечи расстался с последними.

Была тут еще и другая причина, почему так охотно схватился юноша за предложение своего нового покровителя.

Черные глазки шестнадцатилетней красавицы Нетти так ласково при встречах поглядывали на него, а сама Нетти, надменная и гордая со всеми, но добрая, чуткая с ним, казалась Андрею какой-то сказочной феей.

Ия, поверенная всех планов, надежд и переживаний своего талантливового брата, первая узнала о чувствах его к юной княжне. Тогда еще пятнадцатилетняя девочка, она не могла понять, как мог ее добрый, ласковый ко всем, исключительно благородный по натуре брат отличить эту пустыньскую, ветреную и крайне эгоистичную барышню, предававшуюся до самозабвения светским выездом и нарядам.

Но тем не менее это было так.

Андрюша полюбил Нетти чистой, прекрасной, молодой любовью,—девушка отвечала ему тем же.

В Италии он весь ушел в работу.

Чувствуя себя обязанным князю, так благородно и чутко предложившему ему свою помощь на поприще его художественной карьеры, молодой Басланов старался оправдать всеми силами возложенные на него надежды. Он

учился и работал за границей без устали.

Кочуя из музея в музей, Андрей дополнял на образцах классиков свои пробелы по художественному образованию. В школах он проходил азбуку живописи, начиная свое образование с азб.

И в часы отдыха писал на продажу эскизы, портреты, этюды и небольшие картины.

Ежемесячно самым аккуратным образом в далекие «Яблоньки» посылалась субсидия в размере большей половины его заработка. Вторую половину он вносил за свое содержание князю, не желая обязываться оказавшему ему и без того незаменимую услугу Юрию Львовичу.

Умный и чуткий от природы, Андрей не мог не понять, что занятия его с Юрием Львовичем являлись только предлогом со стороны последнего, дабы дать возможность ему, молодому художнику, устроиться с большими удобствами у них в доме, нежели где-нибудь на мансарде холостого жилища. И Андрей не мог не ценить этого.

В семье Вадберских его полюбили как родного, о чем он с радостью сообщал в письмах матери и сестре.

Сообщал он попутно в них и о своих робких надеждах и планах на будущее. Его талант признали и на чужбине, критика лестно отметила его, сбыт картин увеличился. Будущее улыбалось молодому художнику. И надеждами на это будущее жила теперь в «Яблоньках» маленькая семья.

И вдруг этот брак с княжной Нетти!

Ия, любя всем сердцем брата, должна была бы радоваться его счастью.

Но... образ холодной насмешливой девочки еще жил в ее воспоминаниях, и самый тип Нетти, пустынной светской барышни, любившей выезды, наряды, мишурный блеск светской жизни, не мог нравиться ее серьезной и глубокой натуре.

О Нетти, вернее, о счастье любимого брата, думала она сейчас гораздо больше, нежели о предстоящей ей самой перемене.

А, между тем, перемена в ее собственной жизни предстояла немалая.

Перед Ией неожиданно открывался новый путь, полный неожиданностей, непредвиденных случайностей, превратностей, а может статься, и многих разочарований.

Путь самостоятельного труда.

Глава III

Катя, босая, в одном легком ситцевом капоте, проворно сбежала со ступеней крыльца и быстрой птичкой порхнула в свой шалашик.

Там царила полная полутьма, сладко пахло яблоками.

Они лежали правильными рядами на свежей подстилке из соломы.

Тут же стояла пустая корзина, приготовленная для сорванных плодов. Катя, отбросив назад то и дело спадавшую ей через плечо тяжелую косу, стала бережно укладывать яблоки в корзину.

Сердце девочки сжималось тоскою.

На глазах поминутно навертывались слезы.

Сегодня уезжает Ия. Бог знает, когда придется еще увидеть ее, — в сотый раз повторила мысленно в это утро девочка, в то время как ее загорелые руки бережно укладывали в корзину с соломой румяные сочные плоды.

Яблоки предназначались для Ии. Их вчера еще, когда все спали, черненькая Катя осторожно сняла с деревьев при лунном свете августовской ночи. Каким чарующим при этом свете казался ей задумчивый сад! И милые стройные яблоньки точно нежные призраки высились в его серебристом сиянии.

Вчера, занятая своим делом, Катя еще не грустила. Сбор яблок и красота лунной ночи совсем поглотили ее.

Но сегодня все ее веселость и жизнерадостность исчезли бесследно. И острая тоска предстоящей разлуки мучила маленькую душу.

С тех пор, как начинает себя помнить Катя, ее жизнь была всегда тесно связана с жизнью Ии.

Старшая сестра постоянно трогательно заботилась о младшей. В раннем детстве Кати Ия являлась как бы ее покровительницей и няней. Она играла с нею, забавляла ее, умела рассказывать ей такие дивные сказки. А когда позднее приезжала на каникулы из института, то сама готовила в пансион младшую сестру. Она же знакомила ее впервые с русскими и

европейскими классиками, учила всему тому, что знала сама, в то же самое время стараясь урегулировать несколько взбалмошную, чересчур живую натуру своей шалуни сестренок. Несмотря на такую маленькую разницу в летах между ними, Ия казалась много старше Кати.

Как часто Катя негодовала на Ию, называя ее в насмешку классной дамой и гувернанткой, как часто сердилась на нее за ее замечания и «нотации», на которые, по ее мнению, не скупилась Ия. Но в глубине души девочка не могла не сознавать, что более строгая и требовательная к ней, нежели их чрезвычайно добрая и мягкая мать, Ия права; и если и взыскательна она к ней, Кате, то только из желания добра младшей сестре.

А теперь вот Ия уезжает, и Кате кажется, что никогда она не любила сестру сильнее, чем в эти дни. Все последнее время она безропотно принимала замечания Ии, не дулась и не обижалась за них на сестру.

Неделю тому назад пришло письмо от знакомой Баслановых начальницы пансиона из Петербурга, куда Ия посылала прошение о принятии ее на должность классной наставницы.

Лидия Павловна Кубанская писала своей старой приятельнице Юлии Николаевне о том, что просьба о месте ее дочери пришла как раз кстати, что сейчас они нуждаются в хорошей наставнице, что должность классной дамы четвертого класса пустует, так как быв-

шая наставница больна, уезжает лечиться, и она рада принять Ию на ее место. Счастье как будто сразу улыбнулось молодой девушке. Заработок был найден. Оставалось только ехать в далекую, незнакомую столицу и поступить на место. Обливаясь слезами, Юлия Николаевна провожала дочь. Страх и волнение за Ию не давали ей покоя.

Доброй матери Ия казалась теперь бедным беспомощнымребенком, которого судьба забрасывала далеко-далеко от родной семьи.

Одно только примиряло Юлию Николаевну с предстоящей новой жизнью дочери — это то, что Ия попадала под крылышко к ее старой знакомой, с которою вместе училась сама госпожа Басланова когда-то в пансионе.

И пока черноглазая Катя бережно укладывала яблоки на дорогу сестре, Юлии Николаевне, с трудом удерживаясь от слез, давала последние наставления старшей дочери:

— Июшка, голубка моя, береги ты себя хорошенько. Бог знает что за болезни, эпидемии разные бывают в Питере. Не приведи, Господи, заболеешь, — сейчас же к Лидии Павловне... За доктором пошлите, не запускаяй болезни... И потом, на улицах остерегайся... трамвай там на каждом шагу, ты не привыкла к движению, не приведи, Господь, несчастье случится!.. Каждый день о несчастных случаях пишут в газетах... Что будет тогда





со мною, Июшка! Береги себя, голубка, береги себя!

По-видимому, спокойная по своему обыкновению, но глубоко затаившая в душе волнение, Ия целовала руки матери, стараясь утешить ее насколько возможно. Она обещала беречься, писать аккуратно обо всем, писать каждую неделю непременно.

К двенадцати часам к крыльцу крошечной усадьбы подкатила бричка.

Это работник арендатора «Лесного» предложил Баслановым свою

лошадь проводить на пристань старшую барышню.

Это было значительно дешевле, нежели ехать поездом. От Рыбинска же до Петербурга приходилось прибегнуть к помощи железной дороги.

С громким рыданием обняла в последний раз Юлия Николаевна старшую дочь, покрыла ее лицо поцелуями и слезами, крестила ее дрожащей рукой, впиваясь в худенькое юное личико Ии любящим взором.

— Пиши, Июшка, пиши!..



— Да, мамочка, непременно, родная...

— Ничего не скрывай... Ничего не таи... Обо всем, обо всем подробно пиши, моя деточка.

— Конечно, конечно, голубушка мама!

— Ия! Ия! Не забывай нас, пожалуйста!

Это Катя с залитым слезами личиком бросается на шею сестре.

Ия нежно освобождается из объятий матери и переходит в объятия сестренки. Катя горько плачет, целуя Ию.

— Из-за нее, из-за Нетьки про-

тивной, все шиворот-навыворот у нас теперь пойдет,— ворчит она, надувая губки.

— Андрюша любит Нетти... Она его жена, и мы должны тоже любить и уважать ее,— говорит печально-серьезно Ия.

— А я ее ненавижу. Противная! Зачем отняла у нас Андрюшу?

И черные заплаканные глазки Кати мечут искры негодования и гнева.

Последнее объятие... Последние поцелуи, и Ия вскакивает в бричку.

— Июшка... Ия! — Пожилая

женщина и девочка с одинаковой стремительностью бросаются к уезжающей. Мать целует ее глаза, щеки, губы... Катя, вскочив на подножку, обвиняет руками ее шею. И обе задыхаются от слез. Работница Ульяна, живущая около пятнадцати лет у них в усадьбе, пожилая бобылка, утирает слезы передником и голосит, причитывая словно по умершему:

— Ба-ары-шня, ми-лень-ка-я. На ко-го ты нас по-о-оки-даешь, го-лу-бка си-и-и-за-я на-а-ша-а!

Но вот взмахнул кнутом работник арендатора, взяла с места пегая лошадка, и, визжа рессорами, покатила бричка.

— Пиши, Июшка, пиши! — долетало в последнем приветствии до ушей Ии, махавшей платком.

Точно железные тиски сжали сердце матери. Юлия Николаевна стояла, прислонясь к изгороди сада, и затуманенными глазами провожала бричку. Самые тяжелые, самые нелепые мысли шли ей на ум. Ей казалось, что она уже не увидит больше свою Ию. Что тысячи несчастий обрушатся на белокурую головку уехавшей дочери. Что, по крайней мере, десяток несчастных случаев уже предназначен для молодой девушки со стороны караулившей ее злодейки-судьбы.

Слезы непроизвольно катились по лицу старушки Баслановой, падали ей на грудь, смачивая ситец ее полинявшего капота. Вдруг что-то горячее и влажное коснулось ее бессильно повисшей руки.

— Катюша?

— Да, мамочка, это я. Ия уехала, я осталась. Ия просила меня побережь тебя. Пусть она работает и служит спокойно, наша Ия, а я буду утешать тебя. Все вы считаете меня еще маленькой глупышкой, я шалю и дурачусь — это правда, но... но я очень-очень люблю тебя, мамочка, и буду стараться не огорчать тебя ничем. Через две недели я уеду в пансион в С., а пока я с тобою, ты увидишь, как проказница Катя умеет успокаивать и оберегать свою дорогую мамусю.

И ласкаясь, как кошечка, девочка обняла мать и повела ее в дом.

Растроганная участием и лаской младшей дочери, Юлия Николаевна постепенно перестала плакать.

Да и нельзя было долго предаваться отчаянию бедной вдове. Жизнь предъявляла свои требования. Жизнь не ждала. Не ждали и работы в маленькой усадьбе.

Необходимо было приниматься за них.

В тот же день огромный, как дом, волжский пароход уносил вверх по реке Ию.

Мелькали знакомые, дорогие сердцу картины.

Белые здания церквей и монастырей. Белые стены старинных русских городов. Бежали спокойные, величавые волны реки-царицы. Попадались навстречу огромные пароходы, плоты, буксиры, беляны.

Звучала красивая заунывно-печальная русская песня. Целая стая серых птиц носилась над парохо-

дом. Пассажиры кормили их, бросая с палубы куски хлебного мякиша и булок. Резко кричали чайки, как бы посылая свою благодарность за пищу людям.

Ия стояла на палубе и смотрела в ту сторону, где находились по ее предположению родные «Яблоньки» и где — она ясно чувствовала это — грезила ею сидящая голова ее опечаленной матери.

И только ночной августовский воздух прогнал ее в каюту. Но и тут прежде, нежели заснуть, молодая девушка долго и тревожно думала о тех, кто в это время, по ее расчету, ложился на отдых в далеких и милых сердцу «Яблоньках».

Глава IV

— Они все очень хорошие, чуткие и славные, и я уверена, вы скоро привыкнете к ним. Я укажу вам нескольких девочек, требующих особенно чуткого и внимательного к себе отношения: Маня Струева, Шура Августова и башкирка из уфимских степей, дочь оседлого бека, Зюнгейка Карач, да еще Ева Ларская, пожалуй, с этими четырьмя воспитанницами вам придется немного повозиться.

Говоря это, еще молодая и красивая девушка лет двадцати семи, с прозрачно-бледным лицом и большими черными глазами, особенно ярко горевшими на худом с выступавшими скулами лице, улыбнулась Ие ласковой, немного искательной улыбкой. И усиленный неестественный блеск глаз, и чрезвычайная худоба и бледность Маг-

далины Осиповны Вершининой подчеркивали присутствие разрушительной и беспощадной болезни в этом молодом организме. А частый удушливый кашель, разрывающий каждые десять минут впалую грудь девушки, еще более подтверждал наличность злейшего недуга.

У Ии, приехавшей в частный пансион госпожи Кубанской часто назад прямо с вокзала железной дороги, сердце разрывалось от жалости при виде этой крайне симпатичной наставницы, обреченной на раннюю гибель. Красивое печальное лицо чахоточной, глубокие, запавшие добрые глаза, бледная, как будто извиняющаяся улыбка и две тяжелые черные косы, спущенные просто как у подростка вдоль спины, — все это сразу привлекало к ней, невольно будило симпатию, а главное — глубокое сочувствие и жалость.

Должно быть, Магдалина Осиповна прочла выражение этого сочувствия в серых глазах Ии, потому что легкая краска залила ее бледные щеки, и она проговорила своим слабым глуховатым голосом:

— Да... вот, заболела некстати... Сил совсем нет. И кашель, и головные боли. Прически даже как следует сделать не могу. Вот еду через неделю в Ялту к дяде. Говорят, Крым делает чудеса в таких случаях. Да и тянет меня самое, знаете, к южному солнцу. Холодно и сыро здесь. Как лист дрожу по ночам от лихорадки. Ждала вас, только чтобы уехать. Тетя с дядей живут у меня безвыездно в Ялте. Буду у своих. И лечение,

и уход прекрасный. Отчего бы и не поправиться? — неожиданным вопросом заключила она свою речь.

— Поправитесь, поправитесь, конечно, — поспешила успокоить ее Ия, но сама она плохо верила в это утешение.

— Пожалуйте к госпоже директорисе, она только что вернулась и просят вас к себе, — просовывая голову в дверь приемной, где Ия разговаривала со своей предшественницей, доложила франтоватая горничная.

Лидия Павловна Кубанская встретила Ию на пороге своей гостиной. Это была маленького роста, худенькая, сухая дама лет пятидесяти пяти.

От ее невзрачной фигурки и некрасивого желтого лица веяло светской любезностью, корректностью и некоторым холодком.

— Очень рада, очень рада приветствовать у себя дочь моего большого друга Julie, — пропела она, любезно улыбаясь и протягивая навстречу Ие свои маленькие, сплошь унизанные кольцами руки с синими выпуклыми на них жилками и тщательно отделанными ногтями. — Но, Боже мой, как вы еще молоды! — поспешила прибавить она с тою же любезной улыбкой, таившей за собой несомненную долю разочарования. — Ну как вы, такая юная, справитесь с девочками, которые будут на какие-нибудь два или три года моложе вас?

Услыша эти слова начальницы, Ия заметно побледнела.

«А вдруг она не возьмет меня? Вдруг откажет от места? Что тогда делать? Куда деваться?» — быстрой молнией пронеслась жуткая мысль в ее голове.

Но она успокоилась сразу, когда заметившая ее испуг Лидия Павловна заговорила снова:

— Вам будет, конечно, немного трудно первое время, милая Ия Аркадьевна, так, кажется, вас зовут? Не хочу скрывать от вас, что ваши будущие воспитанницы очень избалованы Магдалиной Осиповной, вашей предшественницей.

M-elle Вершинина — милейшее существо в мире, это ангел доброты и кротости, весь пансион буквально боготворил ее. Но... должна сознаться, благодаря этой-то своей исключительной доброте она несколько распустила детей. Четвертый класс (ваше отделение) шаловлив не в меру и шумен. Вам придется приложить много усилий со своей стороны, чтобы снова вдвинуть в русло эту временно выступившую из берегов чересчур разбушевавшуюся реку. Но... но я уверена, что ваш ум и врожденная тактичность помогут вам в этом. А теперь попрошу вас пройти в класс познакомиться с вашими воспитанницами. Я уже просила Магдалину Осиповну помочь вам. *Воппе chance!*¹ И, пожав руку Ии, Лидия Павловна с любезной улыбкой отпустила ее.

Урок в четвертом классе только что кончился. Учитель географии,

¹ Желаю успеха.

худощавый, среднего роста господин в длинном сюртуке, проворно сошел с кафедры и, мимоходом поклонившись воспитанницам, быстрым шагом вышел из класса. В тот же миг дежурная по отделению Таня Глухова вбежала на кафедру, схватила обеими руками длинный и плоский классный журнал и прочла звонким резковатым голосом:

— Мордвиновой Море — 12.

— Ворг — 7.

— Августовой — единица.

— Леонтьевой — 6.

— Недурные отметки, нечего сказать! — протянула она насмешливым голосом.

— Единица? За что мне единица? Masdames, что за свинство! Лепешка мне единицу вклеил без всякого спроса! — хорохорилась миловидная шатенка с вздернутым носиком и высоко приподнятой «заячьей» губой.

— Это за невнимание. Ты помнишь, он спросил притоки Днепра с места, а ты молчала. Ну, вот, — предупредительно пояснила черненькая девочка с тяжелой ниже пояса густою косой.

— Да как он смеет? Я ему за единицу такой бенефис закачу, — продолжала, волнуясь и возмущаясь, Августова.

— Надо было внимательнее слушать — не было бы единицы! — иронически произнесла Таня Глухова, пожимая своими широкими, сутуловатыми плечами.

— Это уж мое частное дело — слушать внимательно или вовсе не слушать, и без замечаний, je

vous prie! — дурачилась и комически раскланивалась перед нею Шура, гримасничая, как обезьянка.

— Шура, Шуренок, представь Лепешку, представь! — слышались вокруг девочки веселые голоса.

— Ну нет, милые мои, вот где сидит у меня ваш Лепешка, — и ребром правой руки Августова слегка ударила себя пониже затылка.

— Mesdames, новая классная дама идет. И Магдалиночка с нею! Мо-ло-день-кая! — врываясь в классную дверь, зашептала маленькая худенькая девочка лет тринадцати с растрепанными пепельными волосами и ямками на щеках. Маня Струева, «премьерша от шалостей» 4-го класса, по общему отзыву пансиона.

— Идут! Идут! — выскакивая откуда-то из-за двери следом за Маней, в голос кричала невысокая, плечистая, ширококостная брюнетка с некрасивым лицом калмыцкого типа и резко обозначенными монгольскими скулами.

Черные узенькие монгольские же глазки Зюнгейки Карач так и сверкали, так и искрились неисчерпаемым источником любопытства, а широкий рот растягивался чуть не до ушей, обнажая в улыбке ослепительно белые зубы.

— Идут! Идут! — вопила она истошным голосом, пулей влетая в класс.

— Молчи, Зюнгейка, не кричи. Опять неприятности будут. Я дежурная и должна останавливать вас всех.

Не успела Таня Глухова дого-

ворить своей фразы, как на пороге класса появилась Ия в сопровождении Магдалины Осиповны.

— Милые мои девочки,— начала своим слабым глухим голосом Вершинина,— я привела к вам вашу новую наставницу Ию Аркадьевну Басланову, которая заступит мое место. Вы видите, какая она молоденькая, какая милая,— со своей обаятельной улыбкой добавила Магдалина Осиповна,— и ей будет нелегко справиться с таким шумным, шаловливым народцем. Но у каждой из вас, я это знаю твердо, бьется в груди чуткое, восприимчивое сердечко, и вы должны помочь вашей новой классной даме своим добрым отношением к ней. Ведь Ия Аркадьевна сама окончила институт только этой весной, и, следовательно, ей гораздо доступнее, нежели другой пожилой наставнице, все ваши юные переживания и интересы. Она в этом отношении гораздо более подходит к вам, нежели я, и...

— Нет,— неожиданно послышался чей-то резкий голос из толпы воспитанниц,— нет, вас нам никто не заменит, и никто не может более вас подойти к нам.

И девочка, несколько минут тому назад возмущавшаяся несправедливостью географа Лепешки, поставившего ей единицу, выступила вперед и вызывающе установилась в лицо Ии дерзкими синими глазами.

— Перестань, Шура,— тихо установила ее смутившаяся Магдалина Осиповна,— разве можно так говорить?

— А разве нельзя говорить правду? Ведь m-elle Басланова сама отлично сознает, что она не может быть нам особенно желанной уже по одному тому, что является вашей заместительницей! — И новый взгляд, еще более вызывающий, с легкой примесью насмешки, полетел по адресу Ии.

Последняя стойко выдержала его.

— Так похвально, что вы любите вашу уважаемую наставницу,— произнесла спокойным голосом Ия, переходя взглядом с одного лица на другое толпившихся вокруг нее и ее спутницы пансионерок,— и мне остается только радоваться, что я буду иметь дело с такими чуткими и привязчивыми натурами,— скрепляя улыбкой свои слова, заключила она.

— Старайтесь привыкать скорее к Ие Аркадьевне,— продолжала снова Вершинина,— через неделю я уеду...

— Через неделю?.. Уже? Так скоро? Но это невозможно! — слышались испуганные голоса.

— Магдалиночка, ангел, солнышко, божество, Аллах мой!

И черненькая Зюнгейка, со свойственной ей одной стремительностью, энергично растолкала подруг и упала к ногам Вершининой, обвивая смуглыми руками ее колени.

— Что ты! Что ты, Карач! — почти испуганно вскричала молодая наставница.

— Нет, нет, не мешайте мне, вы — Аллах мой, вы ангел его садов, вы моя жизнь! — страстно со-

рвалось с губ юной башкирки, и она покрывала поцелуями и слезами платье и руки Вершининой.

За смуглой Зюнгейкой заплакали и другие. Потянулись за носовыми платками в карманы дрожащие руки. Послышались всхлипывания, сморканье, прерывающийся от волнения шепот.

— Не уезжайте от нас, дорогая, милая, солнышко наше, мы так любим вас! — слышались взволнованные вздрагивающие голоса.

Магдалина Осиповна совсем растерялась. Сильные руки Зюнгейки обнимали ее дрожащие колени так крепко, что молодая девушка, колеблемая этим энергичным объятием, едва могла устоять на ногах.

Маленькая Маня Струева, казавшаяся восьмилетним ребенком благодаря своему крошечному росту, успела принести стул, вскочить на него позади Магдалины Осиповны и, обняв ее шею руками, осыпала непрерывными поцелуями черную, гладко причесанную голову классной наставницы. Кто-то схватил одну косу общей любимицы и тянул ее к себе, стараясь достать до нее губами. Другую косою завладела Шура Августова и нежно проводила концом ее по своему разгоревшемуся лицу.

— Милые мои девочки... славные мои... малютки мои... Ну как я вас оставляю... как покину вас? Ия Аркадьевна, будьте к ним добры, вы видите, что за чуткие, что за драгоценные сердца у этих детей, — обращаясь к своей заместительнице, едва найдя в себе силы,

произнесла Вершинина и вступила сильно и продолжительно закашлялась от подступивших к ее горлу рыданий.

Теперь, задыхавшаяся в остром пароксизме волнения, Магдалина Осиповна вся дрожала, как лист. Ее ноги подкашивались, плечи вздрагивали. А кругом нее теснились плачущие девочки, еще больше усиливавшие ее волнение своими слезами.

Ия была единственным спокойным человеком среди этой так элегически настроенной толпы. И как всегда трезвая и здоровая по натуре, враг сентиментальностей и всяких бесполезных волнений, она, возвысив голос, обратилась к окружающим ее воспитанницам:

— Ну, дети, довольно! Вы видите, как ваши слезы вредно действуют на вашу наставницу, как нервнируют ее... Перестаньте же плакать. Магдалине Осиповне и так нелегко расставаться с вами. Не надо же усугублять ее горе. Иногда приходится сдерживать себя, стараться не показывать своего волнения, когда это является во вред другому. Магдалина Осиповна, голубушка, вам нехорошо? Разрешите напоить вас водою. Может быть, вы пройдете отдохнуть немного? Я вас отведу.

И, энергично взяв под руку Вершинину, Ия вывела ее из кружка толпившихся воспитанниц и повела в коридор.

Лишь только обе девушки скрылись за дверью, слезы пансионерок прекратились сами собой... Мало-помалу затихли всхлипыва-

ния, попрятались платки, исчезая в карманах коричневых форменных платьев. Но потребность вылить так или иначе накопившуюся боль и горечь еще не миновала у девочек.

— Вот так штучка, нечего сказать! — первая, приходя в себя, произнесла недовольным голосом Маня Струева. — Чуткости ни на волос, то есть ни-ни... Мы плачем по Магдалиночке нашей, а она нотации, видите ли, читает.

— Идол бесчувственный! — всхлипывая, выпалила башкирка.

— Из молодых да ранняя! — вставила Шура Августова.

— Да неужели же ей, mesdames, только семнадцать лет? — прозвучал чей-то удивленный голос.

— А вы заметили, какие у нее губы? Злые, тонкие, и улыбается она как-то странно.

— А все-таки она прехорошенькая... Этого отнять нельзя.

— Ну вот еще! Ничего хорошего нет абсолютно.

— Волосы ничего себе еще. А глаза, как у змеи, так и жалят насквозь.

— Ведьма она! Ненавижу таких. Воображаю, как нам легко будет с нею после ангела нашего Магдалины Осиповны!

— Mesdames, слушайте: в память Магдалиночки все мы обязаны игнорировать эту противную, холодную Басланову. Совершенно не сближаться с нею. И первая, кто будет нежничать с нею, — изменит нашей бедной дорогой Маг-

далиночке... — пылко заключила Шура.

— Августова, ступай сюда к Зюнгейке. Зюнгейка хочет целовать тебя за такие слова, — и непосредственная, порывистая башкирка бросилась на шею Шуры.

— И так, mesdames, помните, первая из нас, пожелавшая войти в дружеские отношения с этой черствой, сухой Баслановой, становится врагом класса. Все ли поняли меня? — И Маня Струева энергично тряхнула своей всегда растрепанной головкой.

— А я, представь себе, Струева, не поняла тебя, ни тебя, ни твоих единомышленников, — произнесла высокая, худая девушка в очках, казавшаяся много старше ее четырнадцатилетнего возраста Надя Копорьева, дочь инспектора классов частного пансиона Кубанской, — представьте, не могу и не хочу вас понять. Чем заслужила такое отношение с вашей стороны такая классная дама?

— Копорьева, что с тобою? Как ты можешь идти одна против класса? Ведь это измена Магдалиночке! Заступаясь за эту противную Басланову, ты доказываешь только то, что никогда не любила и не любишь нашего ангела Вершинину, — слышались протестующие голоса.

— Ничего подобного это не доказывает, mesdames, — спокойно проговорила Надя, и ее карие близорукие глаза блеснули под стеклами очков. — Нельзя обвинять человека, строя свои обвинения на одной внешности обвиняемой.

— Обвинения, обвиняемая, Философия Ивановна и всякие мудрые разглагольствования,— закричала со смехом Маня,— как ты можешь пускаться в такие скучные рассуждения, Копорьева? И откуда это берется у тебя, профессорша ты и ораторша хоть куда!

— А по-моему, Копорьева совершенно права, и вы все поступаете довольно-таки неостроумно тем, что, не узнав хорошенько человека, сразу объявляете ему войну.

И очень бледная, болезненного вида девочка с короткой косичкой и нервным лицом, на котором выделялись своим упорным и совершенно не детским взглядом светлые выпуклые глаза, выступила вперед. Это была племянница одного известного государственного деятеля и сановника, девочка, непрерывно менявшая учебные заведения столицы, так как она не была в состоянии удержаться подолгу ни в одном из них.

Ева Ларская, ленивая и беспечная по натуре, избалованная до последней степени благодаря своему болезненности, а главное — высокому положению своего дяди, была и здесь, в пансионе Кубанской, на исключительном счету. Она из свойственного ее натуре упрямства всегда старалась быть не солидарной со своими товарищами и оставалась при «особом мнении», как о ней говорили, во всех предприятиях и затеях. Взыскательная и экстравагантная, кумир семьи, сделавшей ее таковою, Ева любила оригинальность, любила

слыть особенной, тем более, что и в пансионе с нею носились не менее, чем дома. Она была любимцей дяди-сановника, игравшего большую роль среди женских гимназий, и многое, что не простилось бы другой воспитаннице, прощалось начальством Еве Ларской.

В классе она не дружила ни с кем. Надменная, гордая девочка считала других воспитанниц ниже себя по положению. И воспитанницы в свою очередь недолюбливали Еву. Ее прозвали в насмешку «сановницей». Но эта кличка не обижала, по-видимому, девочку, напротив, она принимала ее как должную дань.

Ей нравилась одна только Маня Струева, веселая, жизнерадостная, остроумная тринадцатилетняя девочка, казавшаяся малюткой благодаря своему крошечному росту.

Впрочем, Маню, добрую и веселую проказницу, любил весь пансион. Ее шалости были так же невинны, как были невинны ее светлые голубые глазки.

Сейчас она выбежала вперед, очутилась в центре кружка своих подруг-одноклассниц и быстро, быстро заговорила:

— Конечно, Ева по-своему права... и Надя Копорьева тоже... Нельзя презирать Басланову за то только, что у нее строгие глаза, холодное лицо и что она является заместительницей Магдалиночки. Ведь Магдалина Осиповна должна была бы уйти все равно от нас... И нам дали бы другую классную даму... Но... но... вы видели, как

смотрела на нас эта строгая девица? Каким великолепным взглядом высокомерного презрения окидывала она всех нас, пока мы ревели тут все, как белуги, оплакивая нашего кроткого ангела? И этого взгляда я ей не прощу во веки веков. Аминь! — заключила Маня, потрясая для чего-то своими крошечными кулачками.

— И я!

— И я также!

— И я! Все мы! Все мы! — слышались отовсюду волнующиеся громкие голоса.

— Не говорите за всех, дети мои! — произнесли бледные бескровные губки Евы, — Я, например, не только не собираюсь не прощать чего бы то ни было m-elle Баслановой, но напротив того, хочу быть ее покровительницей и защитницей. И ты, Надя, надеюсь, тоже?

— Да, да, — подтвердила высокая девочка в очках.

— Профессорша и сановница заключили трогательный *alliance* (союз), — смеясь звонко, выкрикивала маленькая Струева. — *Vive la наука! Vive la аристократия! Мира, как это будет по-французски — переведи!*

— Оставьте меня в покое, или вы не знаете, что я всегда держу нейтралитет, — отвечала спокойная симпатичная брюнетка Мира Мордвинова.

— *Mesdames*, батюшка идет! По местам! — кричала, надрываясь, дежурная Таня Глухова. И почти в тот же миг на пороге класса

появился молодой белокурый священник с лицом аскета, в лиловой рясе и с академическим значком на груди.

Вместе с ним в отделение четвертого класса вошла Ия. Девушка успела успокоить Магдалину Осиповну, уложить ее в постель и теперь, вернувшись в класс, заняла предназначенное ей место классной дамы за маленьким столиком у окна.

Пока отец Евгений вызывал пансионерок, прослушивал их ответы и объяснял заданное к следующему уроку Закона Божия, Ия могла, хотя бы с внешней стороны, познакомиться со своими будущими воспитанницами.

Ее зоркие, пронизательные глаза самым подробным образом изучали сидевших за партами девочек.

Их было двадцать человек. И все эти двадцать, за малым разве исключением, отвечали новой наставнице довольно недоброжелательными взглядами. В глазах некоторых воспитанниц Ия прочла как будто даже какую-то затаенную угрозу. У иных — насмешку. Некоторые из пансионерок смотрели на нее с откровенным вызовом. Другие с любопытством. Но Ия не смутилась. По крайней мере, ничем не выдала своего смущения. Только темные брови ее нахмурились, а серые, «строгие», как их называли пансионерки, глаза, встретив чей-нибудь чересчур откровенно неприязненный взгляд, становились еще строже.

Легкий, чуть заметный вздох вылетел из груди девушки. «Да, не-

легко мне здесь будет, — подумала Ия, — слишком очевидно влияние на детей этой мягкой, избаловавшей их бедняжки Вершининой. Придется много потратить энергии и сил, прежде чем удастся исправить то, что посеяла эта невольной навредившая им Магдалина Осиповна, совсем не подходящая к роли воспитательницы и классной дамы».

Так думала Ия, продолжая незаметно наблюдать за своей маленькой паствой.

Первые же шаги ее здесь, в пансионе, не обошлись без инцидента.

Отец Евгений объяснял воспитанницам таинство крещения, заданное к следующему уроку. Пансионерки слушали. Но далеко не все слушали с одинаковым вниманием. Шура Августова, вынув из ящика пюпитра узкую полоску канвы, самым спокойным образом вышивала по ней крестиками какие-то замысловатые узоры.

Ия бесшумно поднялась со своего места и приблизилась к Шуре.

— Оставьте вашу работу. Мне кажется, что такое занятие далеко не своевременно на уроке Закона Божия, — спокойно проговорила она.

Лицо Шуры приняло неприязненное выражение. Быстро поднялись на Ию вызывающие, дерзкие глаза.

— А Магдалина Осиповна нам разрешала иногда работать, пока поясняет заданное господин преподаватель, — отвечала резким голосом Августова.

— Магдалина Осиповна была

слишком снисходительна к вам, — неосторожно сорвалось с Ии, — но это еще не значит, что то, что разрешалось ею, должна позволять вам я.

— Она была ангел! — с многозначительным вздохом произнесла, подчеркивая, Шура.

— Но вашу вышивку вы все-таки спрячьте в стол, — неумолимым тоном заметила Ия и в упор взглянула в устремленные на нее с вызовом глаза девочки. Потом тихо повернулась и медленно и неслышно пошла на свое место.

— Ну и характерец! — зашептала Таня Глухова соседке Шуре.

— Ведьма! — безапелляционно решила сидевшая впереди них Маня Струева.

— Да, жаль Магдалиночку... прошли наши красные дни, — со вздохом роняла Шура, неохотно пряча злополучную вышивку в стол.

Звонок, прозвучавший в эту минуту в коридоре, дал новое направление мыслям воспитанниц.

Урок Закона Божия кончился. Наступало время обеда. Дежурная прочла молитву. Отец Евгений благословил воспитанниц и вышел из класса, столкнувшись в дверях со спешившей в свое отделение Вершининой.

Глаза чахоточной наставницы блестели еще сильнее после недавних слез, а два предательских пятна ярче рдели на ее выдающихся вследствие худобы скулах.

Заметно было, что весь этот час Магдалина Осиповна проплакала.

— Магдалиночка! Магдалиночка! Ангел наш! Золото! Радость! — зазвучали снова взволнованные голоса, и девочки бросились к ней со всех сторон, окружили ее и беспорядочной толпою повели из класса в столовую.

Напрасно сама Вершинина взывала своим надломленным голоском:

— В пары, дети! В пары! Становитесь в пары! Так нельзя! Лидия Павловна будет недовольна беспорядком...

Но никто не слушал ее. Смех и поцелуи звучали ей ответом на эти слова.

Ие оставалось только следовать в немом молчании за девочками и их любимицей.

Невесело было на душе молодой девушки. То, что предчувствовала Ия с первой минуты ее появления здесь, являлось теперь неоспоримой истиной. Да, много забот, неприятностей и осложнений принесет ей ее новое попечение!

И эта кроткая, мягкая Магдалина Осиповна своей слабостью и чрезмерной добротою с воспитанницами еще усугубляла и без того нелегкое положение Ии; она уже одним своим присутствием разжигала невольную антипатию девочек к их новой, более энергичной и требовательной воспитательнице. И с этим явлением Ия решила бороться до последних сил.

Глава V

— Как, разве у вас нет отдельной комнаты?

— Зачем мне она? Я так привыкла к постоянному общению с моими детками. Я бы соскучилась провести без них целую ночь.

— Но ночью они все равно не могут пользоваться вашим обществом. Ведь они спят.

— Я не могу допустить мысли, чтобы они спали вдали от меня. Я должна слышать их сонное дыхание, их лепет. Наконец, многие из них такие нервные, болезненные, многие боятся ночной темноты и тишины, а я прихожу успокоить их, просиживаю с ними долгие часы, пока они засыпают при мне.

— Но разве...— Ия начала и загнулась на полуфразе.

Чуткость и врожденная деликатность не позволяли ей подчеркивать больной Вершининой того ужасного упущения, которое допускалось ею. Не могла же сказать Ия Магдалине Осиповне, что чахотка заразительная болезнь и что спать чахоточной больной со здоровыми юными созданиями в одной комнате по меньшей мере непредусмотрительно в смысле заразы, не говоря уже о злейшем кашле, который, разрывая грудь больной каждые четверть часа, не может способствовать спокойному отдыху ее воспитанниц в ночное время.

Обе они, и бывшая, и настоящая наставницы, стояли теперь в углу дортуара, отгороженном широкими ширмами от остальной большей части помещения, уставленного двумя рядами узких кроватей. Здесь за ширмами было так

же шумно, как и там, в общей части дортуара. Каждое слово воспитанниц, произнесенное даже вполголоса, долетало сюда. А Ия так мечтала иметь свой отдельный уголок, свою особую комнату!.. Но умевшая легко мириться с мелочами жизни, она успокоилась и сейчас. К тому же из окна (какая радость, что здесь было окно, в ее уголку за ширмами!) открывалась чудесная картина на темный город, переплетенный гирляндами огней, на черную в этот августовский вечер со вздувшейся осенней поверхностью Неву, на таинственно замолкший сад, окружавший полукругом эту часть здания.

Частный пансион Кубанской находился на одной из отдаленных окраин города. Здесь Петербург не казался шумной европейской столицей; здесь он скорее напоминал провинцию, и Ия, не любившая шума и суеты, с удовольствием отметила это.

Теперь она стояла у окна, устремив глаза в звездное бархатное небо. Золотые глаза планет ласково мигали сверху. Внизу тихо шелестел деревьями ветер. Через открытую форточку до нее долетал этот шум, смешиваясь с осенним ропотом реки.

Ия смотрела в окно и думала о своих. Что-то поделявают они сейчас, ее мать и веселая шалунья Катя?

Уезжая, она так настойчиво просила Катю побережь мать. Исполнит ли Катя эту ее просьбу? Сейчас, наверное, они обе сидят за чайным столом. Работница по-

дала самовар. Принесла вкусный варенец с желтой пеночкой. Парное молоко, домашние коржики и ржаные лепешки стоят на столе. Но никто не прикасается к ним. Мать думает о ней, Ие, занесенной судьбою так далеко, далеко от них. И, может быть, плачет... а Катя утешает. Она бывает иногда серьезной и чрезвычайно милой, эта маленькая Катя!

— Мама, милая, не плачьте, — хочется крикнуть Ие так громко, чтобы в далеких «Яблоньках» могли услышать этот крик, — я вернусь к вам при первой же возможности. Я буду стараться откладывать каждый грош на дорогу. Ведь летом в пансионе занятий нет. Я возьму какую-нибудь переписку на летние каникулярные месяцы и прилечу к вам, мои дорогие.

Эта мысль так воодушевляет девушку, что первые невзгоды ее здесь, в этом чужом ее душе пансионе, забываются ею сразу. И улыбка трогает редко улыбающиеся губы.

Но вот Ия вздрагивает от неожиданности. До ее уголка доносится веселый смех, шум, возня, шаловливые взвизгивания и слабый голос Вершининой, умоляющий о чем-то. Вмиг отлетели далеко от белокурой головки Ии сладкие грезы. Она быстро выходит из-за ширм и видит: по дортуару несутся неуклюжая, широкоплечая Таня Глухова. За нею безудержной стрелой летит маленькая Струева. Руки Мани покрыты мыльной пеной. Лицо оживлено. Она громко и весело кричит на всю спальню:

— Держите ее, mesdames, держите! Не пускайте, не пускайте! Я должна намылить ее хорошенько за то, что она...

— Ай... ай... Не смей меня трогать, Манька,— визжит в свою очередь Таня,— не позволяйте ей трогать меня, mesdames. Это не я ей мешок сделала, это Зюнгейка.

— Я?

До сих пор молчаливо заплетавшая волосы в бесчисленное множество черных косичек башкирка вдруг вскакивает с табурета, на котором она только что смирно сидела подле своей кровати, и неслется навстречу Тане.

— Я покажу тебе, как клеветать на бедную Зюнгейку! — кричит она, мешая свои слова со звонким смехом. Остальные пансионерки неудержимо хохочут. Одни стоят за Таню. Другие за ее преследовательниц. Шум в дортуаре делается невообразимым.

Напрасно Магдалина Осиповна выходит из себя, призывая к спокойствию.

— Тише, дети! Нельзя же так! Уже поздно, пора спать! Ради Бога, тише, или я потушу электричество.

Но ее никто не слушает.

Крики, визг, хохот и возня все растут, усиливаясь с каждой минутой. Магдалина Осиповна повышает голос. И вот ее грудь снова начинает разрывать кашель. Чем больше волнуется она, тем сильнее делается этот кашель. Лицо молодой девушки становится багрово-красным от напряжения и боли. А шум вокруг нее не утихает и смех не умолкает ни на минуту.

Сердце Ии сжимается острой болью жалости, когда она, повышая голос, обращается к пансионеркам:

— Перестаньте же шуметь, mesdemoiselles! Или вам не жаль Маргариты Осиповны? Смотрите, она задыхается в бесполезном старании унять вас!

Эти слова словно холодной водой обдают шумевших девочек. Мгновенно обрывается смех и крики. И четыре десятка глаз, карих и серых, синих, и голубых, и черных, устремляются на непрошеную заступницу с плохо скрытой недоброжелательностью и откровенной враждою.

Однако в дортуаре все же водворяется полная тишина. С легким ропотом неудовольствия сбрасываются черные передники и коричневые форменные платья воспитанниц. Кое-кто из девочек успел уже улечься под жидкое одеяло. В уголке, у своей постели, присев на корточки, Зюнгейка совершает вечернюю молитву, накрывшись с головой темной шалью и повернувшись лицом в ту сторону, где должен быть восток.— Алла верды! Алла верды! (Господи, помилуй!)—жалобно шепчет башкирка.

Наконец затихает и этот шепот. Где-то раздается протяжный зевок.

— Не проглоти меня, Шурочка, эк рот разинула, как акула! — слышится звонкий шепот Мани Струевой.

— Хи-хи-хи!

— Спать, mesdemoiselles! И чтобы не было больше разговоров!

Может быть, Ие не следовало произносить эту фразу таким уж чересчур энергичным тоном? В следующую же минуту она подумала об этом, потому что откуда-то из дальнего угла тихо и выразительно понеслось по ее адресу:

— Рады стараться, ваше превосходительство!

Тем же самым звонким шепотом, каким только что делалось сравнение с акулой.

Снова сдержанно хихикнули в двух-трех местах... Но Ия предпочла не обращать на это внимания. Быстро повернула она выключатель, и в тот же миг дортуар погрузился в темноту.

Теперь только бледный, призрачный свет луны, прорывавшийся сквозь белую штору, освещал комнату. Да за зеленым тафтяным переплетом ширмы горела лампа, бросая свою долю освещения на огромную спальню.

За ширмой то и дело раздавался глухой и протяжный кашель. Когда Ия прошла в свой уголок, она увидела Магдалину Осиповну, лежавшую уже в постели. Две черные косы, длинные, как змеи, бежали вдоль тела девушки. А бледное лицо спорило своей белизною с белизною подушки, на которой покоилась черненькая головка больной. Вершинина держала в руках книгу, но читать она не могла. Кашель, поминутно разрывавший ей грудь, мешал несчастной девушке углубиться в чтение.

Под этот неприятный аккомпанемент Ия разделась и легла в на-

ходившуюся тут же другую постель, предназначенную для нее. Она так нынче устала от долгого пути и постоянной смены впечатлений. Глаза ее слипались. Голова туманилась от сонных грез, но каждый раз, когда раздавался кашель Магдалины Осиповны, Ия, начинавшая уже забываться, вздрагивала всем телом и через силу поднимала отяжелевшие веки.

— Невозможно спать! Бедные дети! Как они могут выносить эту музыку? — невольно в сотый раз спрашивала себя Ия.

Наконец ей кое-как удалось забыться. Она заснула. Ей снились далекие, милые сердцу «Яблоньки», Катя, мать... Вдруг чуткое ухо уловило не то смех, не то рыдание, раздававшееся подле. Не открывая глаз, Ия прислушалась.

— Нет, нет, аллах мой, не приказывайте Зюнгейке любить чужую, новую. Раньше, чем это могло бы случиться, Зюнгейка умрет! — расслышала она с трудом прерывающийся шепот. И второй голос, чуть слышный, глухой ответил таким же шепотом:

— Перестань говорить глупости, Зюнгейка, ты же большая девочка! И если хочешь сделать мне удовольствие, то ты должна любить, уважать Ию Аркадьевну, так же как уважала меня.

— Никогда! — пылко вырвалось из груди юной собеседницы Вершининой, и она зашептала так скоро, что Ия, окончательно проснувшаяся, едва успевала улавливать ее слова: — Аллах мой, сердце мое, не отнимай от Зюнгейки

твоих чудных кос,—переходя на ты, говорила молодая степнячка.— Зюнгейка хочет целовать их и обливаться слезами. Не мешай плакать Зюнгейке. Не одна она плачет, все мы плачем по тебе. Пройдет еще день, еще день и еще день. Семь раз взойдет на небе месяц, на восьмую ночь не увидим мы нашей Магдалиночки. Далеко на синее море уедет от нас Магдалиночка наша, алмаз наш, звездочка небесная, и останемся мы, сиротки, одни...

Тут Зюнгейка не выдержала и зарыдала.

Вместо того, чтобы утешить девочку, Магдалина Осиповна заплакала тоже. Теперь больная наставница и воспитанница рыдали неудержимо одна в объятиях другой. В тот же миг слышались за ширмой и другие тревожные голоса:

— Кто плачет? Mesdames, это Магдалиночка. Идем к ней утешать ее! Бедная Магдалиночка, милая Магдалиночка! — и одна за другой, босые, в длинных белых рубашках, пансионерки повскакали со своих постелей и устремились в уголок за ширмами. Чья-то проворная рука повернула выключатель, и в дортуаре стало сразу светло. В ногах постели Вершининой, сжавшись в комочек и обвивая руками ее худенькие ноги, лежала рыдающая Зюнгейка Карач.

А в отверстие ширм одна за другой пролезали небольшие белые фигурки в ночных туалетах. С озабоченным видом окружали они постель Вершининой и забрасывали

последнюю тревожными вопросами:

— Магдалиночка, солнышко наше! Вам худо? О чем вы плачете? Боже, эта глупая Зюнгейка опять расстроила вас?

Кое-кто уже плакал под шумок. Кто-то из девочек опустился на холодный пол голыми ногами и, присев у постели Магдалины Осиповны, покрывал ее лицо и плечи поцелуями. Целым градом иступленных поцелуев.

Ия, возмущенная и взволнованная всем этим шумом, взглянула на часы. Было два. Глухое раздражение против бестактности и несообразительности ее предшественницы закипало в груди девушки. Эти несвоевременные сцены ночью, не дававшие покоя другим и пропитанные вредной сентиментальностью, окончательно рассердили ее. Но, привыкшая владеть собою, молодая девушка сдержалась и на этот раз и, насколько могла спокойно, обратилась к Вершининой:

— Мне кажется, было бы лучше, если бы вы отослали детей спать. Завтра с утра у них уроки, и они не успеют хорошенько выспаться. Да и вам, я думаю, нужен отдых.

При первом же звуке ее голоса Магдалина Осиповна повернула к ней свое кроткое, залитое слезами лицо.

— Но что я могу поделать? Эти добрые, милые крошки так любят меня,— произнесла она своим слабым, всегда точно извиняющимся голосом.

— Да, но любовь их к вам не уменьшится от того, если вы будете спать спокойно ночью,— смягчая свои слова улыбкой, отвечала Ия.

— Язва! — шепнула Шура Августова Мане Струевой.

— Изверг! — чуть ли не в голос взвизгнула Зюнгейка.

Легкая краска залила бледные щеки Вершининой. Она только сейчас поняла, что сентиментальная сцена, разыгравшаяся ночью, мешает спать ее уставшей соседке. И, смущенная, она проговорила:

— Простите ради Бога, Ия Аркадьевна, мы, кажется, разбудили вас. Я сейчас оденусь и уйду с ними. А вы спите, пожалуйста, не обращайтесь на нас внимания.

«Не обращайтесь на нас внимания»... Хорошо ей было говорить это! Но могла ли спокойно уснуть Ия, когда мысль о том, что двадцать девочек встанут на утро с тяжелыми от бессонницы головами и рассеянными, невыспавшимися и уставшими, примутся за обычные занятия? К тому же свет электричества, ярко освещавшего дортуар, звонкий шепот собеседниц, частые восклицания и громкие поцелуи, которыми воспитанницы щедро делились всеобщую любимицу, решительно не позволяли Ие забыть-ся ни на минуту.

Нет, если это продлится так целую неделю,— с ума можно сойти. Во что бы то ни стало необходимо, так или иначе, удалить отсюда больную наставницу... Ведь все равно она должна уехать не сегодня-завтра лечиться в Крым.

Так зачем же тянуть дело, зачем бесполезно трепать нервы детей этими бесконечными прощаниями. Завтра же необходимо поговорить с Лидией Павловной или с инспектором классов обо всем этом.

И, покончив на этом решении, Ия засунула голову между двух подушек, стараясь во что бы то ни стало заснуть.

Это ей удалось наконец сделать. Усталость взяла свое. И когда перед самым рассветом Магдалина Осиповна с бледным, измученным от бессонницы лицом вернулась в уголок за ширмами, новенькая наставница спала, как убитая, крепким сном.

Глава VI

— Неправда! Неправда! Ты не могла этого слышать.

— Да правда же, mesdames! Ей-богу!

— Ложь, не может этого быть?

— Ах ты, Господи! Не присягу же мне принимать, чтобы вы поверили!

— Она перекрестилась, mesdames! Смотрите. Нельзя же врать под крестом...

— Конечно...

— Ну неужели же это правда? Такое предательство!

— Такое бессердечие!

— И жестокость!

— Я же говорила вам, что она — змея!

— И изверг!

— Фурия!

— Просто ведьма с Лысой горой!

— Опомнитесь, что вы! Ведьма

с этими белокурыми волосами и точеным личиком!

— Профессорша, не философствуй. Вспомни «Майскую ночь» Гоголя, его ведьму-мачеху. Разве обязательно, чтобы ведьма была уродка?

— Перестаньте болтать ерунду... Понять ничего нельзя. Дайте же по крайней мере договорить Шуре. Августова, рассказывай все, что слышала, по порядку. Ну!..

Голос Евы Ларской звучит по обыкновению властными нотками. Но то, что возмущает в ней в иное время ее одноклассниц, теперь проходит незамеченным ими. Сейчас не до «тона». Открытие, сделанное сейчас этой всеведущей и вездесущей Шурой, настолько захватило девочек, что все остальные вопросы отодвигаются далеко назад. Шура Августова внезапно делается центром внимания целого отделения. Ее берут по руки и ведут на кафедру. Перед нею расступаются, дают дорогу. Она сама взволнована больше остальных. Ее синие глаза горят. Вся она дрожит от волнения.

— Да, да, mesdames, — звенит ее трепещущий голос. — Да, да! Они и сейчас еще там. До сих пор совещаются. Досадно, что я не могла дослушать всего до конца. Но то, что слышала, — это правда. Я вам сказала наспех, теперь расскажу подробно: я шла в перевязочную, уколола пером нечаянно палец. Вхожу в коридор. Вижу стоит «сама» и идол этот бесчувственный. «Сама» слушает, идолище говорит: «Не могу, — гово-

рит, — никакие нервы не вынесут. Нельзя так мучить детей. Они и так слишком впечатлительны. А тут эти слезы. Эти бессонные ночи. Тут никакое железное здоровье не выдержит. Если она решила уехать, то пусть сделает это, не откладывая в долгий ящик, не мучая понапрасну девочек долгими проводами. — И потом (это опять она, идолище наше, говорит): — Я нахожу вредным продолжительное присутствие больной в одной комнате со здоровыми детьми, а особенно ночью. Они дышат одним воздухом. Ведь чахотка, а она, очевидно, у моей уважаемой предшественницы, заразительная болезнь...»

— Так и сказала?

— Так и сказала, как отрезала.

— Ну, ну! Дальше, дальше...

— А еще, говорит, эти бессонные ночи и бесконечные слезы могут вредно отразиться на занятиях детей. Какие могут пойти им в голову уроки, когда организм их отравляется принудительными бессонницами и частыми слезами...

— Ну?

— Ну, говорит: «Если вы, Лидия Павловна, откажете посодествовать скорейшему отъезду Магдалины Осиповны, придется уехать мне».

— Так и сказала?

— Дословно.

— Шурка, а ты не врешь?

— Глухова, вы здоровы? Как можно клеветать так на честного человека? — и синие глаза мечут молнии по адресу не в меру недоверчивой товарки.

— Молчите же, mesdames, дайте докончить «честному человеку»,— вступается успевшая вскочить на край кафедры Маня Струева, сверкая оттуда на всех своими разгоревшимися от любопытства голубыми глазенками.

— Говори, Августова, говори!

— Что говорить-то, mesdames? Уж, кажется, все сказано. Идолище выгоняет нашу кроткую Магдалиночку. Ускоряет ее отъезд. Ясно кажется сказала: «Она или я»?

— А «сама» что же?

— А «сама» раскисла. В первый раз, понимаете ли, нашу «Лидочку» такой кисляикой увидела. Сама красная, как помидор, глаза бегают, как у мыши, а поет-то сладко, сладко: «Нет,— поет,— я не допущу, чтоб вы уехали. Нам,— поет,— нужны такие сильные, здоровые натуры. Такие трезвые, как ваша...»

— Да она с ума сошла! Аллах наш, Магдалиночка, тоже ведь в рот вина не берет,— вынырнув откуда-то из-под руки соседки, завизжала Зюнгейка, захлебываясь от негодования. Все невольно смеются ее наивности. Ева мерит дикарку уничтожающими взглядами.

— Боже, как глупа эта Карач, если думает, что трезвой натурой называется только такая, которая не пьет вина! — И, повернувшись всем корпусом к девочке, она говорит, отчеканивая каждое слово и сопровождая слова своим взглядом презрительного сожаления: — Лучше бы ты оставалась в твоей степной деревне, право, Зюнгейка, и выходила бы замуж

за какого-нибудь бритоголового малайку (мальчишка по-башкирски). А то привезли тебя сюда, учиться отдали в пансион, четыре года зубришь тут разные науки, а ума у тебя ни на волос. Написала бы твоему отцу, возьмите, мол, все равно толку не будет.

— Мой отец — важный господин,— произнесла, вздрагивая от охватившей ее тщеславной гордости, Зюнгейка,— у него четыре медали на груди: от прежнего царя две, да две от теперешнего. Он всеми деревнями заправляет, во всем уезде стоит большим старшиною. И дочка его не может быть неученая. Отец говорил, мать говорила, когда Зюнгейку отвозили сюда в большую столицу: учись, Зюнгейка, умной будешь, ученой будешь. Большие господа к отцу приезжать в селение будут, их принимать будешь. Генералов важных со звездами на груди разговорами занимать станешь. Чаем поить, кумысом... А ты меня оскорблять хочешь,— с неожиданной обидчивостью заключила свою речь девочка.

— Никто тебя не обижает, дурочка...

— Довольно, mesdames, не в этом дело. До пререканий ли тут, когда идолище нашего ангела выкуривает! — И Маня Струева, размахивая руками, ловко спрыгнула с кафедры в самый центр шумевшего и волнующегося кружка. Оттуда вскочила одним прыжком на парту.

— Mesdames, что же делать?

Что делать, говорите! — слышались растерянные голоса.

— Проверить, убедиться сначала, что это не утка, что действительно Басланиха потребовала скорейшего исчезновения Магдалиночки и тогда — бойкот! — произнес чей-то убедительный голос.

— Бойкотировать Басланову! Выражать ей на каждом шагу свое презрение, — подхватили другие.

— Я ей стол чернилами оболью, — сорвалось с губ башкирки, — отомщу за Аллаха моего, за алмаз сердца — Магдалиночку. Или булавку воткну ей в сиденье стула.

— Ну не глупая ли ты девчонка после этого? — с негодованием вырвалось у Евы. — Ну сделаешь гадость Баслановой, и сама в три часа вылетишь из пансиона. И не придется тебе чаем и кумысом поить твоих генералов со звездами... Согласись сама, что глупо придумала ты все это, Зюнгейка, — закончила Ева, насмешливо поглядывая на сконфуженное и растерянное лицо башкирки.

— А сама-то ты, Ларская, теперь не будешь идти против класса? — обратилась к ней вызывающе Шура Августова.

— Пока что я остаюсь при своем мнении, mesdames; нужно еще убедиться в достоверности факта. Да и потом я не вижу причины бойкотировать Ию Аркадьевну. Она, по-моему, отчасти права, Магдалиночка — ангел, но ангел, не лишенный чрезмерной сентиментальности и уж такой мягко-сердечности, из-за которой все вы

распустились и стали совсем как уличные мальчишки.

— Что? Да как ты смеешь? Сама-то хороша, пожалуйста, не важничай! Воображаешь, что из-за дяди-сановника все твои дерзости будут сходить тебе с рук. Сама в трех учебных заведениях побывала, прежде чем попала сюда. И смеет еще сравнивать нас с уличными мальчишками! Выскочка, сановница, терпеть не можем тебя, — зазвучали негодующие голоса вокруг Евы.

Последняя, как ни в чем не бывало, сложила руки на груди и оглядывала толпившихся вокруг нее рассерженных девочек спокойными насмешливыми глазами.

А девочки волновались все больше и кричали все громче с каждой минутой.

— Бойкот! Бойкот! Если то, что передала Шура, — правда, будем бойкотировать идолище бесчувственное, станем изводить ее на каждом шагу. Выражать ей свое презрение, антипатию, ненависть. Пусть почувствует, как дорога нам была Магдалиночка наша, как мы все любили нашего ангела! Да, любили, любили, как никого.

Вдруг неожиданно стихли крики. Одна Маня Струева, взобравшаяся с ногами на парту, кричала еще что-то, повернувшись спиной к двери.

— Шшш! — зашикали на нее подруги. — Струева, слезай! Слезай скорее! Лидия Павловна!

Действительно, в дверях класса показалась миниатюрная фигурка

начальницы. За нею была видна стройная фигура Ии.

— Струева,— строго обратилась Лидия Павловна к расходившейся Мане.— Бог знает, что у вас за манеры. Барышни не должны скакать по столам и кричать на всю улицу. Стыдитесь, что до сих пор, несмотря ни на какие старания с нашей стороны, вы остались таким же отчаянным мальчишкой-сорванцом, каким и поступили в наше уважаемое всеми учебное заведение. Да, Магдалина Осиповна была действительно через меру добра к вам. И нужно приложить много усилий, чтобы подтянуть вашу распушенность. О ней, именно о нашей уважаемой наставнице, я и пришла сообщить вам, дети. Здоровье Магдалины Осиповны так пошатнулось за последнее время, что обстоятельства вынудили ее внезапно собраться и уехать. Она просила передать вам свой прощальный привет, дети. Вы не увидите ее, по всей вероятности, вплоть до ее возвращения из Крыма.

Дружное «ах», вырвавшееся из уст двадцати девочек, легким вздохом пронеслось по классу.

— Она уехала! Мы ее не увидим! Ее бессовестно удалили раньше установленного срока из пансиона! — Вот какова была мысль, мелькнувшая в каждой из присутствовавших здесь юных головок. И словно по мановению волшебного жезла глаза пансионеров сразу обратились в сторону Ии.

— Вот та, из-за которой принуждена была уехать внезапно эта милая, кроткая Магдалиночка! —

Пронеслось новою мыслью в юные головки. И сколько явного, плохо скрытого под маской корректности негодования отразили все эти светлые и темные глазки!

Ия стойко выдержала недоброжелательные взгляды своих будущих воспитанниц. Спокойно, без тени смущения смотрели ее серые строгие глаза. И только когда кто-то громко зарыдал в углу класса, она, не торопясь, прошла туда, склонилась над плачущей и своим ровным, спокойным голосом негромко проговорила:

— Полно отчаиваться и горевать понапрасну... Если вы действительно любите вашу Магдалину Осиповну так сильно, как говорите, то вы должны только радоваться тому, что она нашла возможность уехать на юг для лечения.— И, обращаясь уже ко всему классу, добавила, повышая голос: — Приготовьте ваши тетради, дети, сейчас начнется письменная работа по русскому языку. Господин Вадимов уже пришел.

И как ни в чем не бывало она заняла свое место за маленьким столом у окна.

Глава VII

Это был пестрый, богатый впечатлениями день. Уже в то время, пока учитель русской словесности Алексей Федорович Вадимов, высокий желчный старик, ярый поклонник классиков и гонитель всяких новшеств в литературе, задавал тему нового классного сочинения и, стоя у доски, писал на ней

мелом план работы, Ия поймала несколько обращенных по ее адресу взглядов, полных откровенной ненависти и вражды. Она сделала вид, что не обратила на них ни малейшего внимания.

Но вот Вадимов написал план и приблизился к ней.

— Познакомимся, барышня. Вы заместительница Магдалины Осиповны,— протягивая руку Ие и резко встряхивая ее нервным пожатием, произнес он отрывисто: — Что ж, дело хорошее... Дело воспитания, говорю, хорошее,— в непонятном раздражении повторил он.— Только, жаль, молоды вы очень, барышня... Не справитесь вам, пожалуй, с такой избалованной публикой.— Тут он небрежно кивнул через плечо на пансионеров...— Распустила их уж очень предшественница ваша. Набаловала себе на голову. Подтягивать вам их придется, барышня, что и говорить, сильно подтягивать. Ну, что ж, подавай бог, подавай бог!

Он еще раз пожал руку Ие и отошел было к кафедре, но вдруг неожиданно вернулся и, понижая голос чуть не до шепота, спросил:

— А вы как насчет литературы новенькой, стряпни этой модернистов, импрессионистов и тому подобных «истов»,— вы их, по-ди, запоем читаете? А?

Ия подняла на учителя свои спокойные глаза:

— Да, я читаю новых авторов. Многие из них талантливы. Но лучше Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого, Лермонтова и Некрасова

я не знаю никого! — без запинки отвечала она.

Желчное, нервное, всегда недовольное лицо старика прояснилось сразу. Губы, не перестававшие жевать по привычке, улыбнулись, и все лицо Вадимова вдруг под влиянием этой улыбки стало моложе лет на десять, приветливее и добрее.

— Хвалю, барышню, хвалю!.. Русских наших апостолов литературы забывать грешно. Их никто нам не заменит, никакая новая литературная стряпня. Вы на меня взгляните: я — старик, а еще до сих пор увлекаюсь...

Последняя фраза, произнесенная несколько громче предыдущих, заставила оторваться от работы две близко помещавшиеся головки, пепельно-русую и темненькую.

Маня Струева взглянула на Шуру Августову. Шура Августова на Маню Струеву. И по губам обеих пробежали лукавые улыбки.

— Я старик, а еще до сих пор увлекаюсь! — прошептала со смехом Шура.— Это он «идолищем» нашим увлекается. А? Каково?

— Ну вот еще, классиками, конечно! — тоном, не допускающим возражения, отвечала Маня.

— Нет, каков! Так и вьется вьюном вокруг Басланихи. Вот так парочка! Непременно изображу обоих в ближайшую перемену.

— Пожалуй. Послушай, я забыла как слово «разве» надо писать? Через «е» или «ять»? Скорее!

— Спроси Мордвинову, она первая ученица, должна знать.

— Мордвинова... Мира... Мира... Как «разве» писать? — зашептала, оборачиваясь Маня.

— Mademoiselle, Вы... Я не знаю, как ваша фамилия... Перестаньте шептаться... Пишите вашу работу...

И к великому смущению Мани Струевой, она увидела около своей парты высокую стройную фигуру Ии. Молодая наставница точно из-под земли выросла перед нею и смотрела на нее в упор своими серыми строгими глазами.

Метнув по ее адресу уничтожающий взгляд, маленькая Струева снова принялась за работу, а Ия прошла дальше между двумя рядами классных скамеек и парт.

Последняя парта привлекла ее внимание. За нею сидела красная, как пион, Зюнгейка Карач и бесцельно водила пером по лежавшему перед ней совсем чистому листу бумаги, приготовленному для сочинения.

А соседка башкирки, близорукая, в очках, Надя Копорьева быстро-быстро писала что-то на своем листке, причем из-под слегка отогнувшегося угла выглядывал другой такой же листок. В глаза Ие невольно бросилась надпись, сделанная на полях этого последнего крупными размашистыми каракульками: Зюнгейка Карач. Это значило, что второй листок для сочинения принадлежал башкирке и что Надя Копорьева исполняла, помимо своей работы, еще и работу своей соседки.

Рука Ии неожиданно для обеих девочек опустилась на злополучный листок.

— Простите... но к вам, кажется, случайно попало чужое сочинение, — произнесла она, спокойно глядя в самые зрачки зардевшейся, как пион, Копорьевой.

— Аллах мой! Все погибло! — прошептала сгоравшая от стыда и страха Зюнгейка и закрыла лицо руками.

— Сейчас нафискалит Вадимову. Тот разорется, побежит жаловаться «самой». Узнает папа, какой скандал! — вихрем пронеслось в голове сконфуженной Нади. И она бросала украдкой смущенные взоры то на Ию, все еще стоявшую около ее парты, то на учителя, к счастью, занявшегося в эту минуту на кафедре классным журналом.

— Итак, Карач, так, кажется, ваша фамилия? — произнесла Ия твердо, обращаясь к совсем уничтоженной башкирке. — Вы возьмете случайно попавшую на парту вашей соседки вашу работу и будете писать заданное господином преподавателем сочинение уже без посторонней помощи. — И так как Зюнгейка, убитая смущением, все еще не решалась сделать этого, Ия вынула из-под руки Копорьевой лист бумаги с начатым на нем сочинением и положила его на парту перед башкиркой.

Всю остальную часть урока молодая девушка уже не отходила от этой парты. Не отходила до тех пор, пока исписанный, закланный в нескольких местах кляксами листок Зюнгейки не перешел в руки учителя. И только когда малиновая от стыда башкирка вер-

нулась на свое место по водворении ею ее письменной работы на кафедру, Ия отошла к своему столу.

— Единицу получу, алмаз мой, единицу, непременно,— зашептала Зюнгейка, припадая к уху своей соседки Нади.

— Я там такого разного написала, что сам аллах не поймет. А «она» еще над душой повисла! Стоит и дышит в затылок, стоит и дышит, и ни на шаг не отходит от меня,— с тоскою заключила в конец уничтоженная девочка.

Дрогнул звонок в коридоре. Дежурная по пансиону воспитанница распахнула классную дверь, и Вадимов, забрав листки с сочинениями, угрюмо мотнув головою по адресу пансионеров, пошел из класса. По дороге он остановился перед Ией и пожал ей руку.

— Сейчас пожалуется... Насплетничает сию минуту...— волновалась бедняжка Зюнгейка. Но к ее большому удивлению, Ия молча попрощалась с учителем, не раскрывая губ.

Урок кончился, началась перемена. Открыли форточки в классе, и весь пансион высыпал частью в рекреационную залу, частью в коридор. Ия прошла вместе со своим отделением туда же. Она не заметила, как две девочки, самые отчаянные шалуны четвертого класса, Струева и Августова, прошмыгнули назад в отделение, пользуясь общей суматохой маленькой перемены.

Когда, по прошествии традиционных десяти минут, положенных

на эту перемену, Ия в сопровождении своих воспитанниц вошла снова в класс, яркая краска румянца проступила на щеках молодой девушки, и смущенно дрогнули ее черные ресницы. Повернутая лицом стороной к двери и выдвинутая на середину комнаты классная доска была испещрена крупным рисунком, сделанным мелом по черному фону.

Рисунок имел характер карикатуры и довольно удачной карикатуры, как могла заметить это Ия. Карикатура изображала ее самое — Ию Аркадьевну Басланову в подвенечном наряде, с длинною фатою, стоявшую у аналая рука об руку со стариком Вадимовым. А над ними как бы витали в облаках довольно похожие лица писателей-классиков: Пушкина, Гоголя и Тургенева, простиравших над брачующейся парой благословляющие руки. Нужно было отдать справедливость «художнику», рисунок вышел на славу. Особенно верно были схвачены общие черты и выражение лиц Вадимова и Ии. Он — с брезгливо оттопыренной нижней губой и недовольным лицом, она — сосредоточенно-серьезная с ее несколько суровым личиком и плотно сомкнутыми губами. А внизу стояла в кавычках фраза: «Я хотя и старик, а еще до сих пор увлекаюсь»...

Продолжение следует.

ПРОБА ПЕРА

Вика Ветрова родилась в Москве. Сочинять стихи начала очень рано — в пять лет. Вначале это были чистые и непосредственные стихи-рисунки. В Викиных стихах последних двух-трех лет — огромный мир бытия, который однажды открылся детскому сознанию внезапным пониманием того, что, кроме окружающего нас мира, существует еще один мир, такой же большой и самоценный, только, может быть, еще более волнующий и манящий своей неразгаданностью — мир собственного «я».

В жизни Вика такое же светлое, солнечное существо, как ее стихи. Любимый цвет — голубой. Любимый цветок — незабудка. Любимое время года — лето. Любимый предмет в школе — рисование. Очень любит рок-музыку и не любит объяснять свои стихи.

А надо ли их объяснять? Прочитайте, и вы убедитесь, что в этом нет необходимости.

Стихи Вики Ветровой и рассказ Бориса Буковского открывают рубрику «Проба пера» в которой будут публиковаться произведения тех, для кого создан наш журнал — «Мы».

Вика ВЕТРОВА, 11 лет

• • •
Мои первые гранки.
Перебито крыло.
И стихи, как подранки,
Летят тяжело.

За далеко-далеко,
И уже без меня,
Перелетные строки
В отражении дня.

Долетят ли? Не знаю.
Упаси и храни!
Почему я земная,
А летают они?!

1989

• • •
Все метят в Ахматовы,
Измяты листы,
Метели лохматые
На тропах лесных.

Мечтают — в Цветаевы,
И блещет во снах
Монисто хрустальное
В еловых ветвях.

А кто — в Ахмадулины
Прорваться спешит
Под черными дулами
Кричащей тиши.

В минуты заветные
Мне чудится свет.
А я стану Ветровой.
Не слышали? Нет?

1989

ШКОЛА

Все, что было до меня,
Радостно и больно,
Все смешалось среди дня
Между нами в школе.

Наша совесть и мечты,
Странные отметки,
И как будто я и ты
Здесь как птички в клетке.

Все, что прожито до нас
За десятилетия,
Принесли в четвертый класс
Взрослые и дети.

Потому и трудно тут,
Грустно, одиноко
Что ребятам задают
Старые уроки.

1989

• • •

Живи, даже если не любитя,
Люби, даже если не плачется,
И серая в крапинку улица
За темными окнами прячется.

Терпи, даже если не сбудется,
Молчи, даже если не ладится,
И серая в крапинку улица,
Как будто бы не было праздника.

Иди, пусть никто не заступится,
Свети, даже если застывая,
И серая в крапинку улица
Косыми дождями застирана.

Поверь, даже если отступятся,
Дождись, даже если запродана,
Но серая в крапинку улица
В тебе отзывается Родиной.

1989

• • •

Где-то рядом бьется стих
Обезволенную птицей.
Он мне чудится, и снится,
И мешает мне расти.

Жжет и просит отпустить
На единственную волю,
Чтоб в который раз позволить,
И поверить, и простить.

И подняться вместе с ним
Сквозь причудливую дрему
Над качающимся домом
И раскаяньем земным.

1989

• • •

Я как будто повинна
Оттого, что до Вас
Луговой травинкой
По весне родилась.

С шаловливою речкой,
С голубым ветерком.
Их веселые речи
Позабыла потом.

Может, снова забуду
То, что было вчера,
Если завтра (о, чудо!)
Стану каплей добра.

1989

• • •

Я болею стихами, как гриппом.
Их печаль то стихает со всхлипом,
То влечет за собой мою душу.
Они пахнут бедой, и я трушу.

Не мечтать мне без них,
 не заплакать,
Но убоги они, как заплаты.
Только также и я неказиста,
Как заплаканная гимназистка.

Мир расколот чертою заката.
Завтра в школу. Уснули ребята.
Я пишу, а стихи за спиною
Прорастают весенней травой.

1989

★ ★ ★

У Веры, Любви и Надежды
Осеннего цвета одежды,
Когда на пороге дожди,
Их голос то звонкий, мятежный,
То неторопливый и нежный
Зовёт и тревожит: «Дождись!»

Но сбит календарь и растерян,
Печаль разразилась апрелем
Среди расцветающих трав,
И майскими ливнями плачет,
И ждет, презирая удачу,
Все новых и новых утрат.

Какие жестокие судьи,
Заклятые даты и судьбы
Корнями ладоней сплелись
С напрасною истиной будней,
Как будто бы больше не будет
Надежды на новую жизнь.

Но падает звук колокольный,
Так неповторимо и больно,
Как в сердце рождается стих.
Немыслимо и незаконно
Нисходить на землю с иконы
Всесильные лики святых.

1989

А я стою над речкой,
А солнышко в росе.
Я просто человек,
Я — ленточка в косе.

Березовая веточка,
Ромашки лепесток.
Я — маленькая девочка,
Я — маковый росток.

Стрекозка синеглазая.
Я — камушек на дне.
Как много очень разного
Заключено во мне!

1989



Борис БУКОВСКИЙ. 14 лет

РАССКАЗ

КНОПКА

Фото Евгения СТЕЦКО



Как все-таки хорошо ездить на велосипеде! Набираешь обороты так, чтобы в ушах свистело, чтобы все навстречу мчалось, чтобы прохожие шарахались в стороны, гонишь, пока ноги сами не закрутятся вокруг педалей, и, наконец, подвигав к своему подъезду перед самой дверью на полной скорости тормозишь. Ввоழийь велосипед в подъезд и осматриваешь его. Твой транспорт — никогда не ломается! И даже удивляешься — ведь целую зиму стоял без дела. Но теперь уж точно зимой буду кататься. Приделаю шины и буду.

Мишка ввел велосипед в подъезд и поклонился седлу. Вроде все в порядке. Он поставил его около стенки и пошел вызывать лифт. «Вроде все в порядке, а все-таки что-то не так», — подумал Мишка. Что-то мешало, чего-то не хватало, или что-то было лишнее. Мишка начал мучиться, отыскивая неизвестно что. Ему стало не по себе.



Такое чувство бывает, когда забыл сделать что-то нужное, но заниматься этим никак не хочется.

Например, тебе нужно было пойти к зубному, а ты забыл. Вспоминаешь, мучаешься и никак не можешь вспомнить. Как заноза, которая попала неизвестно куда, а болит везде. И ее нельзя вынуть. А тут вроде в душе заноза застряла. И вот будешь теперь мучиться днем и ночью, утром и вечером, на уроках и дома. Как подумаешь — ужас берет.

Именно такое чувство было у Мишки, когда он оглядывал свой подъезд. ЕГО подъезд вдруг стал чужим и враждебным. Ему захотелось побыстрее уйти отсюда. Он подошел к лифту. И тут... Он увидел, что в пластмассовой кнопке сделана маленькая дырочка. Оттуда тоненьким ручейком струился мягкий, таинственный свет. Мишке показалось, что этот маленький пучок света освещает весь подъезд. Он осторожно наклонился и посмотрел. В этом странном свете возникали диковинные звери, картины, которых Мишка никогда не видел, необычные, непонятные люди и удивительный мир. Все двигалось, все взаимодействовало с точностью механизмов. Вот споткнулся человек, и ему протянула руку... нет, не руку, ветку — пальма. Он встал, и Мишка вдруг понял, вернее почувствовал, что человек сказал «спасибо».

Лифт уже приехал, открылись и закрылись двери, а Мишка все стоял, неудобно прижавшись к кнопке. И, хотя свет уже погас, он все еще видел человека и пальму. Наконец, он оторвался и посмотрел вокруг. Вокруг был скучный мир, который Мишка знал, как дважды два, вокруг были скучные стены подъезда. А за его спиной было окно, хотя и маленькое, в другой мир! И Мишке захотелось расширить его, это окно, попасть туда, влезть хотя бы ненадолго и потрогать все собственными руками. В кармане у Мишки был новенький нож с множеством лезвий. Рука уже опустилась в карман, когда что-то остановило его. «А какое право имею я влезать в чужой мир? Никакого. Я могу только смотреть», — подумал вдруг Мишка. Только смотреть... Он хотел еще раз нажать кнопку. Но потом передумал и, чуть не забыв велосипед, поехал наверх.

На следующий день Мишка снова начал смотреть в дырочку. Он увидел, что она стала чуть-чуть шире. Но чем шире она становилась, даже на чуть-чуть, тем тусклее был свет. И вот однажды Мишка, подойдя к лифту, увидел, что вся кнопка стала сплошной дыркой со стенками. Мишка с замиранием сердца подумал, что же сейчас он увидит, и наклонился не сразу. А когда наклонился, то увидел... То увидел обычную, ничем не примечательную, холодно и насмешливо светящую лампочку.

Сегодня поставили новую кнопку, и в ней уже появилась маленькая дырочка...

ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Корней ЧУКОВСКИЙ

ПРО ЭТУ КНИГУ

В Москве на Волхонке есть чудесный музей. Название у него довольно глинное: «Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина». Много статуй, рисунков, картин, созданных лучшими художниками, выставлено в этом музее. Поэтому с утра до вечера здесь толпится народ. Каждому охота увидеть великолепную скульптуру и живопись. В толпе немало иностранцев и приезжих, но, конечно, больше всего москвичей.

Пришел в этот музей один быстроглазый школьник — не старше двенадцати лет. Пришел со своим отцом. В первом же зале с порога он увидел три статуи, которые живо заинтересовали его: две не очень большие, а третья высокая — уходит головою под самую крышу. И подпись под каждой — «Давид». И тут же сказано, что одного Давида вылепил скульптор Донателло, другого — Андреа Верроккьо, а третьего, высокого — сам Микеланджело.

Школьник удивлен. «Чем же был замечателен этот Давид? Почему три скульптора, один за другим поставили ему такие красивые памятники? Должно быть, он был знаменитый герой. Но в чем его геройство? Что он сделал? Какие подвиги совершил?

И чья у него под ногами — огромная, лохматая голова великана? Что это был за великан? И кто отрубил ему голову? Неужели этот самый Давид с такой маленькой тоненькой сабелькой? Ведь стоило великану размахнуться как следует — и Давид отлетел бы от него на десять шагов».

Школьник перебегает от статуи к статуе. Вопросы быстро следуют один за другим. Отец насулился и угрюмо молчит — высоколобый, серьезный, в очках. Похоже, что он чувствует себя очень неловко перед своим любознательным сыном; тот, должно быть, с самого раннего детства привык простодушно думать, что не существует такого вопроса, на который он не мог бы немедленно получить от отца самый точный и ясный ответ...

...Прочтите в нашей книге историю блудного сына, и вы поймете, почему Рембрандт и другие художники так любовно изображали ее в своих гениальных картинах. Вы узнаете о жалкой судьбе безумного юноши — «блудного сына», который, не слушая уговоров отца, стал вести разгульную, праздную жизнь и в конце концов чуть не погиб. Только возвращение в родительский дом спасло его от неминуемой гибели. И как великодушен отец, простивший ему все свои обиды и слезы! Из этой книги вам будет нетрудно узнать, кто такой был юный Давид и с каким великаном он так храбро сразился ради того, чтобы спасти свою родину.

Здесь, в этой книге, мы попытались пересказать для детей несколько чудесных легенд древнего еврейского народа, которые вот уже тысячи лет волнуют миллионы сердец — так они прекрасны и мудры. Недаром в течение многих веков замечательные скульпторы, живописцы, поэты создали по этим легендам столько бессмертных произведений искусства.

Легенды эти собраны в книге, которая называется «Библия».

Религиозные люди верят, будто эта книга священная и будто она продиктована с неба самим господом Богом, который хотел научить свой народ, как ему жить и трудиться. На самом деле «Библия» создавалась людьми на протяжении многих веков. Люди эти были вдохновенными, великими поэтами. На ветхих страницах «Библии» много прекрасных, трогательных, поэтических легенд. Эти легенды давным-давно существовали в народе и передавались из уст в уста. Потом, через много столетий, мудрецы и поэты стали в разное время записывать их, и впоследствии они были собраны в «Библию». И мы восхищаемся ими, так же как мы восхищаемся мудрыми, поучительными высокохудожественными народными сказаниями — индийскими, японскими, древнегреческими, русскими и другими.

Некоторые из библейских легенд мы и постарались рассказать в нашей книге. Надемся, что она будет полезна не только детям, но и их воспитателям, матерям и отцам. Ведь каждому из нас приходится часто читать в разных газетах и книгах, а порой и слышать в разговоре о всемирном потопе, о

авилонской башне, о валаамовой ослице, о Каине, о суне Соломона, и, конечно, многим хотелось бы знать, почему эти слова живут у нас в языке и что они, в сущности, значат.

Так, например, про шумную и большую толпу у нас часто говорят: «столпотворение», но мало кто знает, что это слово взято из библейского сказания о постройке высочайшей башни в древнем городе Вавилоне. Столпом в старину называлась всякая башня, а постройка башни — «сотворением столпа» — столпотворением.

Часто приходится слышать такие выражения, как «тридцать сребренников», «Иуда-предатель», «избиение младенцев», «лица святого Антония», «на седьмом небе», «валаамова ослица», «козел отпущения», «райское житье», «внести свою лепту» и т. д. и т. д. И опять-таки: хотя эти выражения взяты из религиозных преданий и мифов, они давно уже оторвались от религии, утратили свой «божественный» смысл и вошли в обиход каждого культурного человека, независимо от того, верит он в Бога или нет. Но далеко не каждому известно, каков смысл этих выражений. И повторяю: невозможно понять мировое искусство, если не знать библейских преданий, а также античных мифов, из которых заимствована большая часть сюжетов фламандской, итальянской, французской, испанской живописи.

Да и русское искусство требует таких же познаний — искусство Пушкина, Лермонтова, Блока, Андрея Рублева, Александра Иванова, Николая Ге, Репина, Поленова, Врубеля.

В многочисленных картинных галереях и музеях нашей страны вы найдете немало картин и рисунков на библейские темы, созданных замечательными русскими художниками. Многие из этих картин и рисунков станут вам понятны, когда вы прочтете нашу книгу. Так, например, для всякого, кто прочтет сказание «Иосиф и его братья», где повествуется о жизни и приключениях этого благородного героя-страдальца, станет понятным рисунок Александра Иванова «Братья Иосифа находят чашу в мешке Вениамина». Рисунок этот вы можете увидеть в Третьяковской галерее в Москве. Да и независимо от скульптуры и живописи библейские предания представляют собой великую литературную ценность.

В 1916 году, когда Алексей Максимович Горький привлек меня к участию в детском отделе издательства «Парус», он ввел в его программу сборник «Библейские легенды и мифы» и поручил составление этого сборника мне. Он называл «Библию» одной из величайших книг человечества и советовал писателям учиться простоте и выразительности библейского стиля. В более позднее время он предлагал издать в серии «Жизнь замечательных людей» книгу о пророке Моисее...

...Задача нашего коллектива была нелегкой. Мы старались сделать библейский сюжет, порою очень сложный и запутанный, доступным для детей и в то же время в меру своих сил и возможностей сохранить простой и безыскусственный стиль величавого подлинника.



Гравюры Гюстава ДОРЕ



АДАМ И ЕВА

Когда великий всемогущий Ягве создал землю, то далеко на востоке он посадил чудесный сад. И назвал его Эдем.

В Эдеме росли апельсиновые деревья, яблони, виноград, финики, бананы. И было еще много удивительных деревьев и цветов.

В Эдеме была вечная весна. Цвели розы, река журчала в тени деревьев, зрелые плоды падали на землю в густую траву.

Распускались по утрам цветы, река манила прохладой, но пусто было в чудесном саду. Некому было купаться в реке, рвать цветы, собирать сладкие ягоды и отдыхать в тени деревьев.

И решил Ягве: «Сотворю человека, подобного мне».

Взял Ягве речную глину, вылепил из нее человека, вдунул в него жизнь и назвал человека Адамом.

Адам ходил по райскому саду, срывал плоды, купался в реке, но было ему скучно.

Тогда вылепил Ягве из глины разных зверей и птиц, оживил их и привел к Адаму.

Проходили мимо Адама все звери, пролетали все птицы.

Прошел мимо Адама слон, и Адам назвал его слоном. Пролетел мимо Адама орел, и Адам назвал его орлом. И ежа назвал ежом, и хорька назвал хорьком, и зайца — зайцем, и синицу — синицей. Всем дал имена!

Но Адам все равно ходил грустный, потому что не было у него близкого друга, которого он мог бы полюбить.

И тогда сказал Ягве:

— Нехорошо быть Адаму одному. Создам я ему верного друга.

Крепко усыпил Ягве Адама, и, пока он спал, взял ребро Адамово, и сделал из ребра женщину.

Адам проснулся, посмотрел на женщину и сказал:

— Ты прекрасна! Меня зовут Адам, а тебя пусть зовут Ева. Ты будешь моей женой.

И стали Адам и Ева жить в раю.

Вместе они гуляли, вместе купались в реке, вместе плели венки из цветов, вместе собирали плоды со всех деревьев.

Но росло на холме среди сада одно очень красивое дерево, о котором Ягве сказал Адаму и Еве:

— Никогда-никогда не рвите яблок с этого дерева. Как только вы съедите хоть одно яблоко — вы сейчас же умрете.

— Зачем нам это дерево? У нас и без того очень много плодов!— сказали Адам и Ева.

На запретном дереве жил злой и лукавый Змей. Был он хитрее всех зверей и птиц, которых создал Ягве.

Стал хитроумный Змей ждать, когда подойдет к запретному дереву Ева. И когда подошла Ева к запретному дереву, Змей сказал:

— Слышал я, что запретил вам Ягве рвать плоды с деревьев в раю.

Ева ответила ему:

— Нет! Со всех деревьев мы можем рвать плоды, только с этого нельзя. Ягве сказал: «Не ешьте их. Всякий, кто съест яблоко с этого дерева, умрет».

И сказал Еве коварный Змей:

— Ягве обманул вас. Он знает, что в день, когда вы съедите запретный плод, вы с Адамом станете такими же мудрецами и всемогущими, как сам Ягве.

Посмотрела Ева, какие сочные, румяные яблоки растут на запретном дереве, и захотелось Еве съесть запретное яблоко.

Сорвала Ева яблоко, съела половину, а половину отдала Адаму. Как только съели Адам и Ева запретное яблоко, посмотрели друг на друга и впервые увидели, что они голые. И устыдились.

Ягве гулял в тени деревьев по райскому саду и звал Адама:

— Адам, где ты?

Адам спрятался в кустах и ответил:

— Ягве, я слышу тебя, но не могу выйти к тебе. Нет на мне никакой одежды.

Ягве подошел к Адаму и спросил:

— Кто сказал тебе, что ты голый! Не съел ли ты плод, который я запретил тебе есть?

Адам испугался и сказал:

— Это не я! Это Ева сорвала яблоко и дала его мне.

Ягве сказал Еве:

— Почему ты не послушала меня?

Ева испугалась:

— Это Змей научил меня!

Ягве разгневался и закричал:

— Злой и коварный Змей!

За то, что ты подговорил Еву съесть запретный плод, будешь ты во веки веков ползать на брюхе и все люди будут ненавидеть тебя!

А ты,— сказал Ягве Адаму,— за то, что не послушал меня и съел запретный плод, во веки веков будешь добывать хлеб свой в поте лица — будешь пахать землю и сеять зерно, и каждый кусок хлеба достанется тебе тяжким трудом. А ты, Ева, в мучениях будешь рожать детей своих.

И изгнал Ягве Адама и Еву из рая.

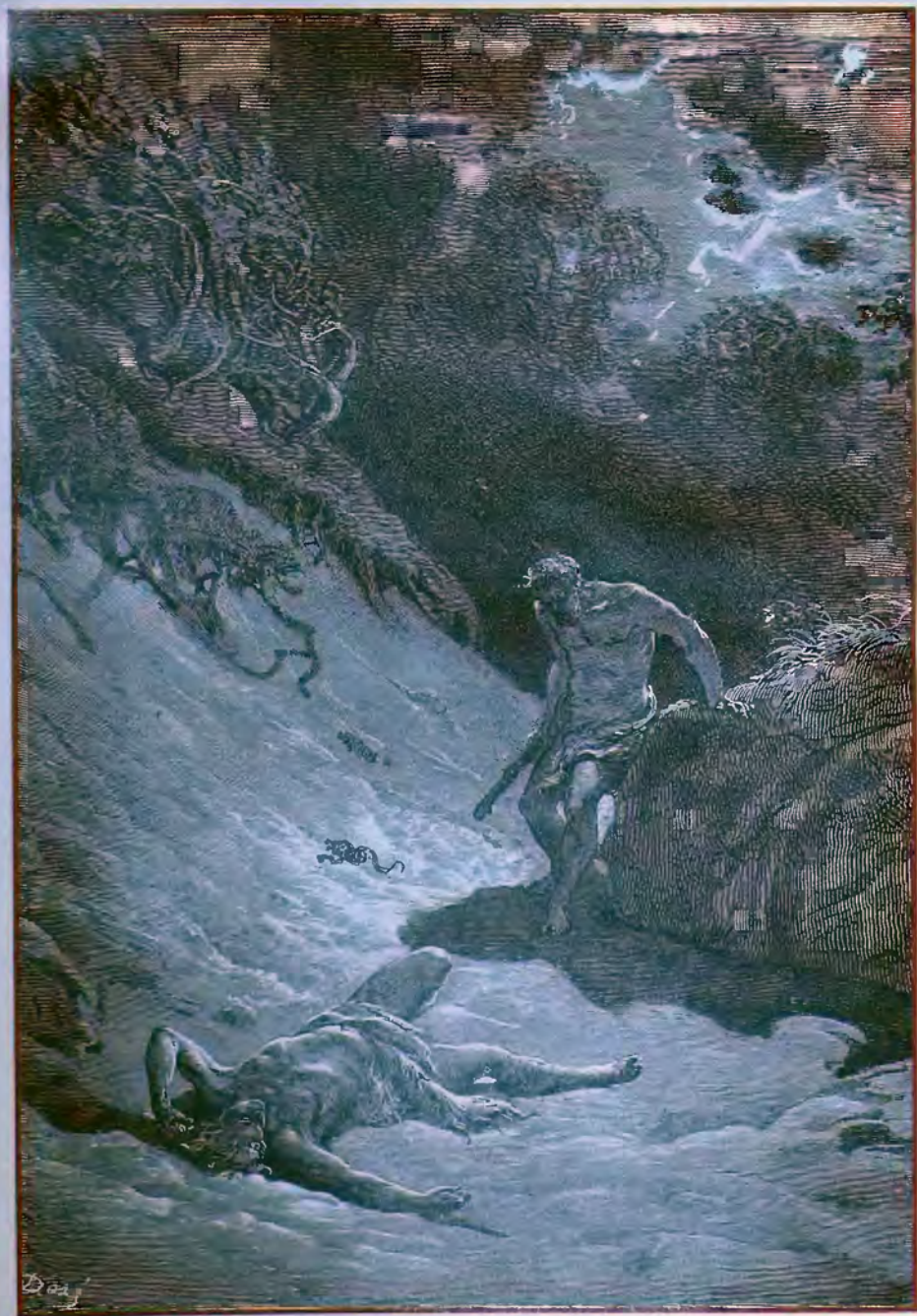
Заплакал Адам, заплакала Ева, и пошли они по пустынной и голой земле, совсем не похожей на сад эдемский.

Адам стал пахать землю и трудиться с утра до вечера, чтобы собрать урожай.

У Адама и Евы родились дети. Когда дети выросли, они построили города, насадили сады и заселили всю землю.

Пересказал Г. СНЕГИРЕВ





КАИН И АВЕЛЬ

У Адама и Евы было два сына. Старшего звали Каин, а младшего — Абель. Каин пахал землю, но землю не любил. И звезды не любил, и птиц не любил, и не любил деревьев. Каин всем завидовал и всех ненавидел, потому что он был злой и жестокий.

Когда птицы пролетали над землей, Каин бросал в них камни: завидовал птицам, что они умеют летать.

Когда звезды зажигались на небе, Каин и в звезды кидал камни, потому что звезды умели светить. Когда в полдень деревья бросали на землю тень, Каин обламывал ветви — он и тени чужой завидовал! Злой человек был Каин, очень злой.

Брат Каина — Абель был веселый и добрый. Он пас овец. С утра до вечера бродил со своим стадом по широким лугам, играл на свирели, пел песни.

Звезды, деревья и птицы слушали его песни.

Это были первые песни на земле.

Птицы, деревья и звезды любили Авеля. А Каина стали бояться.

Однажды холодной ночью вздумали братья разжечь костры.

Долго Каин разжигал свой костер. Но не слушался огонь

злых Каиновых рук. Не горел.

А под добрыми руками Авеля костер вспыхнул сразу. Затрещали ветки, будто только и ждали легких пальцев Авеля.

Заискрилось пламя.

Весело стало кругом, тепло. Запел Абель песню про огонь, и про звезды, и про то, как хорошо жить.

Позавидовал Каин Авелю, что костер у него разгорелся. Поднял с земли камень и убил брата своего.

Оборвалась песня.

Упал Абель на землю.

Покатилась свирель-дудочка. Не играть ей больше веселых песен!

Оглянулся Каин.

Кругом — никого. «Никто не видел, как я убил Авеля, никто и не узнает», — подумал Каин. И убежал в лес.

Крадется Каин по лесу, вдруг слышит — деревья зашептали:

«Каин, где брат твой Абель?»

Бросился Каин от деревьев в степь, а над ним звезды встали да как зазвенят с неба:

«Каин, где брат твой Абель?»

Заметался Каин: куда уйти от звезд? К земле пригнулся, ползет, как паук, глазами косит, а тут светло стало.

Проснулись птицы. Со всех сторон галдят:

«Каин, где брат твой Абель?»

И почудилось Каину — это весь мир кричит ему вслед:

«Где брат твой Абель?»

— Разве я сторож брату своему? — дерзко ответил Каин.

Понял Каин, что хоть никого и не было, когда он убил Аве-

ля, да были звезды, деревья, птицы...

И возненавидели люди Каина за то, что он запятнал землю кровью. И проклинали его. И его имя.

С тех пор прошло много-много веков. Много звезд угасло. Люди рождались, жили и умирали. Менялись обычаи. Забывались сказки. Но до сих пор про злого, завистливого человека говорят: Каин. Или еще: окаянный.

Пересказала Н. ГРЕБНЕВА

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Когда люди заселили землю, они сначала научились сеять хлеб, а потом стали выращивать виноград и делать из него вино.

А когда пили вино, становились глупыми и злыми, обижали слабых, хвалили сами себя и обманывали друг друга.

Ягве смотрел на людей, и ему было очень горько. И люди с каждым годом становились все хуже и злее. И Ягве так разгневался, что решил уничтожить всех людей и всех зверей, которых он создал.

Только одному человеку пожелал он сохранить жизнь.

Звали этого человека Ной. Он был трудолюбивый и добрый. И сказал Ягве Ною:

— Люди стали жестоки и злы. Я затоплю их землю и уничтожу всякую тварь живую!

И велел Ягве Ною построить огромный корабль — ковчег — из самого крепкого дерева. Чтобы в ковчеге этом было три палубы — три этажа: верхняя палуба, средняя и нижняя. Чтобы дверь в ковчег была сбоку. Да хорошенько надо просмолить ковчег изнутри и снаружи!

— Когда построишь ковчег, — сказал Ягве, — войдешь в него со своей семьей. Но сначала приведи в ковчег всех зверей и птиц по паре. Всех, какие есть на земле, даже летучих мышей и червей земляных не забудь взять с собою в ковчег! Да побольше запаси для всех корма! Собери семена деревьев и трав полевых.

Сделал Ной, как сказал Ягве. Всех погрузил, даже лягушек и мух. Семена развесил по ковчегу в мешочках, кокосовые орехи и луковицы повесил связками.

И когда наконец Ной поймал двух воробьев, он вошел в ковчег, и Ягве затворил за ним дверь.

Как только Ягве затворил за ним дверь, ударил гром, тьма накрыла землю, горы наклонились, небо разверзлось, и хлынул дождь!

И шел дождь сорок дней и сорок ночей.

И нельзя было понять, где небо и где земля, где верх и где низ. Все было — вода! Ночь была днем, а день стал ночью.

Когда хлынула вода, люди спасались на крышах, на деревьях, убежали в горы.

Медведи спасались вместе с



оленьями, волки в горах дрожали вместе с овцами, а вода все прибывала!

Смыло волнами с горных вершин слонов. Они плавали и трубили хоботами, а львята карабкались к ним на спины.

И скрылись в пучине вершины гор, и потонули слоны и львы, и только огромный Ноев ковчег швыряло волнами, как щепку.

Долго носился Ноев ковчег по волнам, и не было ни клочка земли, ни островка, только черная вода и черное небо. Иногда глухо стукнет в борт ковчега дерево, вырванное с корнем. Притихнет Ной с семейством, притихнут звери, закричит испуганная обезьянка, да корова перестанет жевать сено.

Наконец вспомнил Ягве о Ное и обо всех тварях, которые были с ним в ковчеге. И послал Ною знамение, что потоп кончился: засияла над землей радуга.

Слышит Ной: стукнулся ковчег, покачивает его и бьет о камень. Ной открыл окно, видит — из воды торчит вершина горы Арарат.

Посмотрел Ной вокруг: вода и вода, конца ей не видно, всюду мутная вода блестит на солнце.

Прошло семь дней.

Выпустил Ной черного ворона. Возвратился ворон: нет берега, негде отдохнуть ворону.

Прошло еще семь дней.

Выпустил Ной белого голубя. Долго летал голубь, возвратился, сел Ною на плечо, клюв раскрыл, отдышаться не может: нет берега, нет ветвей на деревьях, негде отдохнуть голубю.

Утром опять улетел голубь. Долго ждал его Ной. Солнце опустилось в красные воды. Видит Ной — летит к нему голубь и зеленый масляный лист держит в клюве. Понял Ной, что где-то есть сухая земля.

Отдохнул голубь и опять улетел. Долго ждал его Ной. Но на этот раз не вернулся голубь в ковчег. Стала вода убывать.

Горы обсохли, и холмы обсохли, в низинах лужи блестят на солнце. Потом вдруг схлынула вода — и земля обнажилась.

Открыл Ной дверь ковчега и вышел на твердую землю с семьей. За ним все звери вышли на землю, отряхнулись, греются на солнце.

Отдохнули звери и птицы — и разбежались, разлетелись в разные стороны.

Ной посадил в землю семена деревьев и разбросал по ветру семена трав.

И снова закачался под ветром ковыль в степи, зашелестели березы листвою, и в чаще закуковала кукушка.

Увидел Ягве леса, зверей на поляне, журавлей на болотах, послушал птичьи песни и сказал:

— Нет, не буду больше губить землю, люди еще мало пожили на земле! Пусть всегда после зимы приходит лето и день сменяется ночью. Пусть весной люди сеют хлеб, а осенью собирают урожай! И да будет славен всякий труд человеческий!

Пересказал Г. СНЕГИРЕВ



Инна РУДЕНКО

«МНЕ

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

ЛЕТ,

Я УЖЕ...»

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИФАХ
И РЕАЛИЯХ
ТВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ**

...У Родины — трудное время. Но человек, особенно молодой, так устроен, что ему сложнее всего увидеть именно то, что лежит перед самыми его глазами. Мне часто приходят на ум слова старого бакенщика из рассказа Паустовского: «Все шумите: «Родина», «Родина», а вот она, Родина — за стогами».

Негромко? Но точно.

Долго, очень долго мы воспевали лишь величие свершения. Какому остракизму, скажем, подвергалась теория «малых дел»! До сих пор отголоски этой критики сидят в сознании.

Не так давно общество «Милосердие» в Ленинграде открыло бесплатную столовую для стариков. Да, да — это и нам оказалось необходимым. В Ленинграде почти четвертая часть жителей — пенсионеры. Да разве одна такая столовая там нужна?

Какие молодцы те молодые люди из «Милосердия», что по-

ложили начало подобной помощи!..

Но нет. Не тут-то было. Приходит письмо, за ним другое, потом и третье — и все три просто вопиют: «Столовые — капли в море!» «Жалость унижает человека!», «Нужна большая государственная программа помощи пенсионерам!»

Но кто говорит, что не нужна? Общепризнано, что нужна, готовится закон о пенсионном обеспечении. Но главное другое: почему благотворительность мешает государственному подходу? Зачем противопоставлять малое большому? Почему пожалеть — вот вьелось-то это в нас! — значит унижить? Разве обласкасть, согреть старого, накормить бедного — да, есть и такие, мы признались, наконец, — не хорошее дело?

С другой стороны, и достаток вызывает раздражение, не потому ли часто, слишком часто мы тех, кто жил честно, но в достатке, клеймили мещанством? Считали: бедность не порок, а вот богатство — точно уж порок.

Иногда стремление к уравниловке питает, по-моему, обычная зависть.

Как-то по телевидению был показан документальный фильм о том, как один рабочий, роя котлован, обнаружил золотой клад. Как и положено честному человеку, отвез этот клад, куда положено, сдал. И получил злую сумму денег — ровно столько, сколько положено по закону.

И тут его спокойная, нормальная жизнь кончилась. Нет, не потому, что неожиданные деньги вскружили счастливому голову — семья у него большая, работающая, все цену деньгам знают, и применение им достойное нашли. Но вот соседи... Да что соседи! Весь поселок переполошился. Кто засомневался: а был ли клад-то? Может, каким иным, не таким невинным путем эти дурные деньги на голову свалились? Другие кручинились: а почему именно ему, имярек, клад свалился! Мне деньги больше нужны. Третьи просто корили государство — нечего такую большую сумму на ветер бросать.

И все эти речи перед камерой! Не стыдась, не скрывая недовольства и даже возмущения, — отчего?

Да — везение, да — удача. Но ведь не украд, не присвоил, не отнял. Пусть одному — да легче стало жить. Нет бы просто поразоваться.

Ан нет. Пусть все будут одинаковыми. Пусть даже его величество случай об уравниловке заботится! Или все как один бедные, или все как один богатые. Главное — чтобы все как один. Шеренгой. Позвали — пошел, не позва-

ли — стоять будем. Эй ты там, не высывайся!

На войну в чужую страну — хорошо. Строить БАМ — отлично. А для чего, почему — пусть те думают, кто позвал.

А звали часто лишь куда-то далеко, высоко, к звездам, забывая о грешной земле, в будущее, в светлое завтра, мало заботясь о настоящем. И это будущее рисовалось, разумеется, лишь в радужном цвете.

Однажды мне довелось сравнить сочинения наших и французских школьников. Тогда мне казалось, что сравнение это выгодно отличает наших ребят от французских сверстников.

Впрочем, по порядку.

«Какой ты представляешь свою жизнь, когда тебе исполнится 35 лет?» — такую тему предложили однажды учителя одной из школ Франции своим ребятам. Об этом я узнала, прочтя в газете «Нувель обсерватор» статью журналиста Жерара Птижана. «Детские грезы приобретают характер кошмара», — констатировал мой французский коллега. Впрочем, давайте прочтем статью полностью — в ней обильно цитируются ребята сочинения, и мы сможем сделать и свои выводы.

«О чем мечтают 13-летние подростки? Трудно сказать: 13 лет это возраст, когда подросток замыкается в себе, возраст, перед лицом которого теряют позиции родители. Возраст полового созревания — это конец диалога. Утрачивается или сокращается до минимума контакт... Возможно, года через три-четыре связь

восстановится, в противном случае ее не будет уже никогда.

Но если так, то кто же знает правду о вашем сыне или дочери? Иногда — преподаватель французского языка, потому что один из его учеников вдруг испытал потребность рассказать о себе на обороте тетради. Или потому, что у ученика потребовали под видом «сочинения на свободную тему» вообразить, какой будет его жизнь, когда ему стукнет 35 лет...

Именно об этом написали около ста учащихся четвертого класса средней школы Ганьи в департаменте Сена—Сен-Дени. Сотня белых, розовых и синих тетрадок: то мечтательные, то беспечные, иногда серьезные, часто полные тревоги... И складывается странный образ общества, в котором они будут главными актерами,— общества 2000 года.

В большинстве работ это общество как две капли воды похоже на то, которое мы знаем сегодня, если отбросить общее стремление жить в отдельном доме, которое — если оно сохранится — принудит урбанистов перенести города в сельскую местность. Впрочем, это будущее не всегда воодушевляющее.

«В тридцать пять лет я буду женат и, надеюсь, у меня будет спокойная жизнь и хорошая работа, вклад в банке и дом. Я буду заниматься биржей, иногда стану играть на скачках...» — пишет юный идеалист с уже заложенной в нем моделью счастья. Сын слесаря-жестянщика видит себя «в пекарне вместе с другим кондитером».

По воскресеньям он будет кататься на велосипеде. Дочь «торговки овощами и фруктами» будет заниматься тем же, что и родители: «Я очень люблю это ремесло, потому что летом ты на солнце; зимой холодно: но если тепло одет, то ничем не рискуешь». Ее тревожит, что вдруг ее летом запрут в каком-нибудь учреждении. Будущее у мальчика-португальца, чей отец — штукатур, представляется совсем не розовым, и он почти смиряется с этим: «В тридцать пять лет я тяжело работаю. По утрам езжу на работу. Я сажусь в автобус, на поезд, в метро. У меня дорога берет полтора часа. Я работаю весь день. Вечером я возвращаюсь: еще полтора часа дороги. Когда приехал домой, обед готов. Его приготовила женщина, которую я люблю, но я не женат. Дети играют, они кричат, шумят, они мне надоедают, я на них ругаюсь, я отправляю их спать и засыпаю, смотря телевизор». Ужасающая ясность ума, если учесть, что это мальчик тринадцати лет, который все же не окончательно отказался от надежды: «Такая наверняка будет моя жизнь, если мир не улучшится. Но он улучшится. Это нужно».

Подобные настроения ощущаются в подавляющем большинстве сочинений. Иногда их окрашивает некоторая наивность. «Я думаю, у меня будет жизнь довольно зажиточного рабочего, — пишет Эрик, — и у меня будет дача, парусная лодка и «роллс-ройс»... Сын торговца кожаными изделиями будет директором фирмы спортивных товаров. Сын «мясного

оптовика» сначала хотел стать ветеринаром. Но поразмыслив, он зачеркнул написанное, решил быть «судовладельцем или кем-нибудь в этом роде».

«Реалисты» видят себя инспекторами полиции, специалистами по дублированию холста, техниками по электронным приборам или следователями... — у мальчиков. Для девочек же проблемы нет; невозможно представить себе другого будущего, кроме того варианта, когда она одновременно замужем, мать семьи и учительница. (Большинство голосов получила профессия «преподавательницы гимназии», за ней идут учительница начальной школы и патронажная медсестра).

«Это интересное ремесло для женщины, — пишет Изабель, которая хочет стать воспитательницей детского сада, — так как оно позволяет ей чаще бывать дома». Ее муж тоже будет учителем. Это практичнее в плане отпуска. Но проблем никаких — для Изабель, как и для ее подруг, брак и дети идут на первом месте. Все или почти все сочинения девочек начинаются одинаково: «Мне тридцать пять лет, я уже завела семейный очаг и у меня пятеро детей» (или двое, трое, четверо). Сильвия пишет: «Мне тридцать пять лет. Я уже мать семьи, и у меня на руках трое детей». «Я представляю себя в тридцать пять лет замужней, матерью семьи, как и все, потому что все люди копируют друг друга, за некоторыми исключениями».

Исключения редки, и эмансипация женщины — это идея, которая еще не очень глубоко про-

никла в 4-е классы школы Ганьи. Разве что иногда случайно вскрывается какая-нибудь тайная рана. Одна девочка пишет, например: «Не выходя замуж, я могу жить с кем-нибудь, но главное — я хочу быть свободной, свободной (подчеркнуто). И не попадать в ловушку, в которую угодили мои родители». Того же мнения придерживается Виржини: «Я не рассчитываю найти парня, который женится на мне. Глупо было бы привязать себя к кому-нибудь, не имея возможности избавиться от него, если я с ним поссорюсь!» Но среди примерно пятидесяти девочек лишь четверо сознательно выбрали безбрачие или высказались за свободный союз.

Конечно, мальчики тоже говорят о женитьбе. Но эта забота идет на втором месте после профессии или даже подчиняется ей. Именно так объясняет Патрис, у которого вопрос о призвании не вызывает никаких сомнений: он будет контрразведчиком и рассчитывает «посвятить себя этому целиком». «Возможно, я буду женат, — пишет мальчик, — но моя жена и мои дети, если они у меня будут, были бы несчастны из-за моего постоянного отсутствия. Поэтому, если жизнь мне позволит, я не женюсь, разве что если очень сильно влюблюсь. В этом случае я откажусь от этого опасного ремесла. Напротив, если бы не было этой проблемы, а со мной вдруг случилось бы что-нибудь плохое, это устроило бы все мои проблемы».

Патрис — сложный мальчик. У него по меньшей мере один

приятель, тоже шпион. Далее идут два профессиональных футболиста, автогонщик, который время от времени будет и киноактером, дантист, имеющий замок с парком в 200 гектаров, конечно, «роллс-ройс» и лодку с пневмодвигателем для отпуска. Есть также один провинциальный банкир, который не станет заниматься политикой — «все политики — мошенники, которые только и думают о том, как разбогатеть»; жена американского дельца в Лас-Вегасе (если ей не удастся стать капитаном ВВС), одна виолончелистка, пользующаяся международной славой, один мошенник высокого полета, который рассчитывает начать свою деятельность с изготовления фальшивых монет для автоматов по размену, и один будущий министр финансов, усатый и обладающий неизбежным «роллс-ройсом», чтобы ездить на «многочисленные княжеские приемы», куда его будут приглашать. В тринадцать лет дети еще умеют грезить.

Но эти грезы не должны приобретать характер кошмара.

Тьерри поедет жить в Вандею. «В больших городах, — пишет он, — из-за отравления воздуха придется надевать противогаз, когда надо выйти на улицу». Он будет разводить коров, пользуясь дождевой водой: вода в реках будет уже непоправимо отравлена. А Средиземное море будет полно акул, так что купаться станет невозможно. Тут видны следы «Пасты» (американский фильм. — Прим. пер.). Питаться будут сделанными в США таблетками, и, как, рассказывает Тьерри, «во всем мире

не будет уже ни одного неизвестного острова».

Гислен более чувствительна к вопросам моды: «Юбок, платья больше не носят. Они уже не в моде. Все носят комбинезоны, причем одинаковые». Но насчет таблеток она согласна с Тьерри.

Во всяком случае, великий страх тысячелетия сидит в умах прочно. Франк представляет себе землю «перенаселенным шаром из-за непрекращающегося демографического роста, перезагрязненным из-за заводов, нефтепродуктов, все более и более мощных самолетов, автомобилей, радиоактивных отходов... В этом мире каждый день тысячи людей будут кончать жизнь самоубийством, тысячи будут гибнуть от рук убийц».

Складывается мир наподобие романов Оруэлла: «В тридцать пять лет у меня будет среднее социальное положение, я буду работать на колоссальном, гигантском предприятии, управляемом крупными хозяевами, представляющими Государство, которых не часто увидишь. Все, что мне нужно, мне поставляют предприятия или вспомогательные службы предприятия: одежду, продукты питания, досуг, средства транспорта, жилье. По-моему, страны будут организованы принудительным, иногда даже жестоким образом...» И так далее...

Или вот что говорит эта дама: «При нынешней жизни я не могу высказать оптимистического мнения о будущем». Она делит человечество на две касты: «независимые» и «автоматы» и относит себя ко второй категории: «Я от-

ношусь к тем людям, у которых жизнь запрограммирована обществом. Относясь к этому классу, я даже не знаю, как толковать будущее». Один ученик констатирует, что все растет в размерах, и с тревогой спрашивает: «До чего же мы дойдем в 1996 году?» Мари-Лор уже надела траур по поводу будущих воскресений: «По воскресеньям мы уже не будем ездить за город. Из-за загрязнения окружающей среды там все исчезнет». Эрик ограничил свое сочинение одним большим вопросительным знаком через всю страницу. Иван изобразил разорванный земной шар, обьятый пламенем и увенчанный гигантским атомным грибом: он предсказывает конец мира в 2001 году. Фредерик ограничивается тремя сухими строчками: «В тридцать пять лет я, возможно, уже буду мертв от инфаркта миокарда, дорожного происшествия или, как банальное животное, стану жертвой загрязнения окружающей среды».

Кто услышит призыв этих встревоженных людей? Лишь в очень немногих сочинениях не встречается страха перед этим всепроникающим загрязнением окружающей среды, даже если этот страх не всегда полон отчаяния. «Я хотел бы, чтобы прекратился этот дым в больших городах вроде Парижа. Нью-Йорка,— пишет Шанталь.— Я хотел бы, чтобы некоторые вещи стали, как раньше. По-моему, многие ученики моего возраста или постарше считают, что Земля почти погибла в некоторых уголках вроде Токио, где людям приходится носить противогазы. В трид-

цать пять лет я хотел бы жить далеко от всего этого, например, в Канаде, где сохранились еще красивые уголки».

Хижина в Канаде... или где-нибудь в другом месте. Читая сочинения школьников из Ганьи, понимаешь, что потоки политического красноречия выливаются на дорогие светлые головки впустую или почти впустую. Что дебаты об обществе, где все позволено, не освободили миражи подrostков. Что кризис и безработица задевают детей намного сильнее, чем обычно считается.

Но по большому счету 70-е годы, бесспорно, останутся в памяти тем, что породили целое поколение молодых экологов. Как минимум они требуют дом посреди природы. Профессии лесника, инженера-водника и лесоведа, сельского учителя, ветеринара, работника заповедников в Африке или скотовода в горах упоминаются примерно в четверти сочинений. Бесспорно, это то средство, которое нашли городские дети, чтобы бороться против кошмаров нашего XX века.

Признаться, больше, чем страх перед экологическим кошмаром, меня поразило в сочинениях другое... Впрочем, об этом ниже. Пока же почитаем сочинения наших ребят. На ту же тему: «Какой ты представляешь свою жизнь, когда тебе исполнится 35 лет?» Его писали ребята школ № 564 Москвы, № 1 Челябинска и № 28 Петрозаводска. Разные, как видим, часовые пояса. Объективности ради учителя ничего не сказали своим ученикам о сочинениях фран-

цузских ребят и предупредили, что отметки ставить не будут, а сочинения подписывать не обязательно.

И вот лежит передо мной большая стопка листочков, вырванных из школьных тетрадей...

«Наверное, когда я вырасту, как папа и мама сейчас, я женюсь на хорошей жене, не буду пить, курить, вообще я хочу, чтобы семья у нас была хорошая. Жене я буду помогать и растить детей хорошими людьми. Если будет сын, я его назову Вовой, и получится Владимир Ильич, совсем как у Ленина. Если дочь, то Таней, в честь моей бабушки Тани. Жить я хочу в Ижевске вместе с семьей. Работать, как дядя Боря, на ЭВМ».

«В школах будет одна автоматика. На переменах будут продавать мороженое».

«Мне кажется, что я буду художником на фарфоровом заводе. Вот я сижу за рабочим местом, и передо мной стоят совершенно одинаковые, ослепительно белые чашки. Они какие-то пустые и ничего не выражают, просто как мертвые. Но я на то и художник, чтобы оживить их. У меня в руках верный помощник — кисть и яркие краски. Вот в руках у меня первая чашка. Она легкая и тоненькая, вся просвечивает. Она, наверно, будет в доме у какого-нибудь малыша, и он будет каждый вечер пить из нее на ночь молоко. И я нарисую ему на этой чашечке маленького слоника — ярко-голубого, а всю чашку разрисую цветным горошком — желтым и оранжевым. Фон будет ярко-синим. Малышу будет очень нравиться эта

чашка, он непременно полюбит ее. И вот уже другая белянка — побольше. Я нарисую на ней яркого петуха с мальчишкой, севшим на него. Петух что-то кричит, всадник горланит, солнце улыбается. Из этой чашки будет пить чай какая-нибудь девчонка, как я сейчас. Но вот я вижу огромную кружку: из такой не просто будут пить чай, а прямо хлебать. Такую обязательно купит житель деревни. И я изображу на ней красноствольную сосну вперемежку с ярко-зеленой лиственницей и наше уральское озерцо, одно из многих тысяч. Я хочу жить так, чтобы приносить людям радость.

Моя мечта — сделать фигурку Ассоль, бегущую куда-то, и корабль под алыми парусами».

«Недавно я попробовал сделать радиоракетный отражатель ядерных и водородных бомб, чтобы еще кое-где сохранившимся бомбам не дать выходить на поверхность Земли».

«...И вот я иду в первый рейс на совсем новом корабле. Наш корабль везет в Японию большую партию конфет «Птичье молоко». Вечерами, когда я отстою свою вахту, я сижу и смотрю на океан, в котором отражается молодой месяц...»

«Когда мне будет 35 лет, я буду геологом. Стану ездить в командировки, заведу большую собаку. Я буду искать нефть, ходить по опасным тропам, искать месторождения полезных ископаемых. Я буду спать в палатках, переходить через горы. Собаку я назову Мухтар. Она будет очень умная. Когда-нибудь я с друзьями

найду скопление полезных ископаемых.

Как бы ни была работа геолога трудна, но она очень хорошая. Я приеду из командировки домой, меня встретит мама. Собака ляжет на свой матрасик и будет уплетать обед. Я лягу на диван и выплюсь».

«Когда я вырасту, я хочу стать мультипликатором. Мне нравится доставлять радость людям. И даже самому интересно, когда твои рисунки «оживают». Я даже сейчас пытаюсь «оживить» свои рисунки, для этого я беру общую тетрадь и рисую на уголке каждого листочка человечка в разных позах. А потом беру все странички и с помощью большого пальца быстро отпускаю по отдельности каждую страничку, человечек начинает шевелиться. Это очень смешно».

«Мечта моя быть врачом. Лечить не людей, а животных: птиц, собак, кошек, а самая большая моя мечта — лечить тигров и львов. Дома у себя я заведу много животных и приучу кошку дружить с собакой, птицу с кошкой, кролика с хомяком. Я буду приучать животных понимать человека».

«Сегодня я окончил институт ядерной физики. Это как раз совпадает с моим днем рождения. Придя домой я увидел телефонограмму. Мне предлагали работу в крупнейшей лаборатории СССР. Я согласился.

Этот день мне запомнился на всю жизнь. В лаборатории ставили опыты с антивеществом. При столкновении урания с антиуранием выделялась колоссальная

энергия. Однако на получение антивещества затрачивается больше энергии, чем расходуется при столкновении. А для полета космических кораблей мало места для горючего. И поэтому топливо из антивещества вполне подходит для космических кораблей. Столкновение происходит в реакторе из нейтрального вещества. Из этого вещества сделана и ракета.

Так вот, в этот день мы открыли способ, как получать антивещество с меньшими затратами.

Через два года взлетела первая ракета, работающая на антивеществе. На этой ракете летел мой брат...

Сейчас мне 120 лет, я вспоминаю годы своей юности и улыбаюсь».

«Я буду изобретателем. Я попробую изобрести машину времени для того, чтобы наши советские ученые-историки с помощью машины времени узнали жизнь людей, которые жили много лет назад до нашей эры. Если я изобрету машину времени, я буду изобретать звукоуловитель. Звукоуловитель — это тоже электронная машина, которая будет улавливать все звуки и будет перерабатывать звук в электричество. Вместо ГЭС будут ставить два или три звукоуловителя. ГЭС всегда ставят на реках, а звукоуловитель надо ставить в самых шумных городах. Или в школе. В школе их надо включать на переменах».

«Когда мне будет 35 лет, то я пойду в строители. И буду делать разные дома, детские сады, чтобы другим людям жилось хорошо. И все мы, в том числе и я,

будем строить коммунизм. А потом я куплю машину и поеду в деревню, там я поступлю в сельсовет и буду помогать сельскому Совету».

«Я очень люблю животных и хочу, чтобы они никогда не болели и всегда были здоровыми. Когда я жила в деревне, то у нас была овчарка Верный. Я очень любила его, и он меня тоже, мы всегда с ним играли. Однажды Верный не вылез из конуры и не стал есть и пить. Он заболел. Больницы рядом не было и врача-ветеринара тоже. Вскоре Верного не стало. И тогда я решила быть врачом-ветеринаром. Еще я хочу вступить в комсомол и быть полезной моей Родине».

«...Никто ничего не будет воровать, все будут жить в достатке».

«Я не буду пить, курить. Так как это полезно для здоровья».

«Я не мечтаю о большой квартире, о коврах, о золоте, я думаю, не в этом счастье. Счастье, по моему, в том, чтобы быть полезной людям».

«В тридцать пять лет я не буду жениться до 45 лет. Я тогда буду отращивать бороду. В 35 лет я буду работать скотоводом... Я бы хотел изобрести машину-скотовод, она будет ездить и гонять лошадей. Леса у нас будут зелеными, и много машин не будет. Я хочу, чтобы в 35 лет не было фашизма и никто никого не убивал. Я хочу, чтобы вся земля была неугнетенная и все страны дружили между собой».

«Я буду уже взрослым, дома будут в этажей сто, кругом будут расти пальмы с ананасами. Я буду

иметь собственную машину «Чайку». Семья будет старая. Я женат, семеро детей, три девочки и четыре мальчика. Свободно можно летать с семьей на другую планету... Мои дети будут учиться совсем легко. Если жена состарится, я отнесу ее в больницу, чтоб ей там сделали пластическую операцию, и она вновь станет красивой».

«Около дома, в котором я буду жить, будет много зелени, и ребята не будут топтать ее и ломать деревья».

У меня будет большая семья. У меня будет девочка и мальчик. Мой сын, когда вырастет, полетит на Луну в ракете, а дочка будет врачом».

Еще я хочу, чтобы были такие дома высокие, какие показывали в каком-то номере «Хочу все знать».

«Хочу, чтобы на Земле был мир и в США было меньше безработных! Чтобы не было войны в Ливане, чтобы в Чили не было жертв от хунты!»

«На работе я буду лечить зубы детям, чтоб они всегда были целыми. И чтобы дети никогда не плакали от зубной боли».

«Когда я вырасту, я буду учительницей. Я буду стараться делать так, чтобы в классах не было двоечников, а были отличники и хорошисты. Если ребята будут отлично учиться, то многие могут стать учеными. И тогда люди полетят на Марс и на другие планеты. А еще я хочу научить ребят быть добрыми, чтобы они никогда не обижали младших, любили животных. Если люди будут добрыми,

то на Земле не будет войны. Чтобы ребята не были жадными, этому их надо тоже научить. А хочу я этого потому, что, когда люди будут нежадными, то не будет на земле капиталистов».

«Я думаю, что к двухтысячному году наша Москва очень изменится. Под землей будут строиться магазины, заводы, фабрики, школы и все, что можно построить под землей. А дома, театры, цирки, музеи и т. д. будут строиться на поверхности. Вот что я думаю, когда мне будет 35 лет».

«Я стану архитектором, буду проектировать новые дома, театры, клубы... Дома будут строиться из цветного стекла, и, открыв дверь этого дома, мы услышим тихую, легкую музыку».

Все театры и кинотеатры будут похожи на один огромный телевизор.

На советы архитекторов будут приезжать архитекторы других планет. Будут обмениваться опытом, какие у них строятся города. Вот один архитектор с Марса рассказывает, какие у них строятся дома: «Наши дома похожи на цветы, на огромные шары, кубы. Все это сделано из цветного стекла, пластмассы. В парках вместо дворников дорожки убирают роботы. Все сделано совместно с советскими архитекторами!..»

И, может быть, жизнь также переселится на Луну. Там тоже нужны архитекторы. На Луне будут красивые города. И один город обязательно будет называться «Детство». Там будут жить только дети».

Мечты отражают реальность

точнее, чем это можно было бы предположить. Каким человек видит будущее, говорит не только о том, каков сам человек, но и о том, каково его настоящее.

Странно, когда маленький человек, думая о завтрашнем дне, ставит в школьной тетради большой знак вопроса. Страшно, когда, представляя будущее, рисует лишь атомный гриб или сухо замечает: «В 35 лет я, возможно, уже умру от инфаркта миокарда...»

Как жить тогда от 13 до 35?..

Понятна тревога журналиста из «Нувель обсерватор» — детские грезы действительно приобретают характер кошмара.

В двухтысячном году коров можно будет поить лишь дождевой водой — речная непоправимо отравлена.

В Средиземном море уже нельзя купаться: полно акул; и каждый день тысячи людей кончают жизнь самоубийством...

Юные пессимисты — могут ли быть сочетание противостоественней?

«Надеюсь, у меня будет спокойная жизнь и хорошая работа, вклад в банке и дом. Я буду заниматься биржей, иногда стану играть на скачках». Это пишет, по словам газеты, «юный идеалист». Каковы же тогда реалисты?

Юная Изабель мечтает о муже-учителе. Но не потому, что сама хочет стать воспитательницей. Не родство душ, укрепляющее любовь, как можно было бы подумать, беспокоит ее. Муж-учитель — это «практичнее в плане отпуска».

Можно было бы себе предста-

вить, наверное, что среди ребят из школы Ганьи встретятся юные пессимисты. Что мир будущего у многих будет заселен вещами: «роллс-ройсами», особняками, парками в 200 гектаров... Человек, как известно, — это мир человека.

Но трудно все же было предположить, что тринадцатилетние подростки предстанут в роли таких разумно-трезвых, прозаически спокойных взрослых...

Можно было, наверно, предсказать и заранее, что наши ребята, сочиняя будущее, не рисуют в тетради атомный гриб и вместо этого напишут: «Земля должна быть планетой мира — это цель моей жизни», «Зачем умному человеку война? Он лучше создаст что-нибудь», «Я верю, что к двухтысячному году все оружие перекуют на подковы и стремяна». Что в мире будущего вещи и материальные блага будут, конечно, но как подспорье для достижения целей:

«У меня будет двухкомнатная квартира, я куплю Большую Советскую Энциклопедию и одну комнату целиком превращу в книжный шкаф. В другой будет тумбочка, в которой на полке будут стоять мои самые любимые книги».

«Когда мне будет 35 лет, я стану тренером. Своего сына я тоже буду тренировать, и, может быть, он станет чемпионом. Тогда я куплю сервант, где выставлю его чемпионские кубки».

«Меня переводят на руководящую должность, но я не поддаюсь соблазну: и так вся квартира механизирована, а тут еще

два телефона (как минимум) поставят».

И то, наверное, можно было предсказать, что рядом с вещами, техникой всякого рода, машинами, вертолетами, звездолетами, батискафами, роботами — XX век! — в обществе будущего поселятся и трогательные, теплые четвероногие существа.

«Когда я вырасту, буду лесником. Буду жить в лесу с собакой. В своей избе буду разводить коз. Буду охранять леса и животных».

«Я окончу зоологический факультет, и у меня будет лаборатория и много-много всяких неизвестных хищных и нехищных существ, и я буду размножать их, а в свободное время буду гулять с собаками, с породами самыми моими любимыми».

Пожалуй, это и многое другое можно было представить. Но до какой же степени наши ребята мечтательно-позитивны, радостно уверенны, безмятежно-оптимистичны — никакое взрослое воображение предсказать не могло (замечу в скобках, что учителя, работающие с классами, где писались сочинения, сделали для себя не одно открытие подобного рода...).

Будущее встает исполненным веселого, упрямого движения. Как те картинки, на которые так любит смотреть мальчик, мечтающий стать мультипликатором.

Плывут необыкновенные, невиданные корабли, летят звездолеты к иным мирам, растут города не только на Земле — под землей, на дне океана и даже на Луне! («Самый лучший город будет на-

зываются «Детство»), изобретаются такие лекарства, приборы, машины, что диву даешься! Воображение не хочет примириться даже с очевидным. «К двухтысячному году, — трезво констатирует французский мальчик Тьерри, — во всем мире не будет ни одного неизвестного острова». «Будет, — утверждает мальчик Петя. — Некоторые моря отступят, часть дна поднимется, я буду плыть на корабле, увижу нанесенный на карту остров, подойду к нему и поставлю наш советский флаг».

Но главный водораздел между сочинениями наших и французских ребят все же не в том, что одни представляют будущее как главу из научно-фантастического романа, а у других будущее как две капли воды похоже на настоящее. Главный водораздел в другом — в отношении к другим людям на земле, на которой живут, стране, которая их воспитывает.

Да, наши подростки — больше дети. Но вместе с тем уже и граждане.

«Я хочу, чтоб быстрее построили БАМ».

«К двухтысячному году прекратятся похищения детей, которые будоражат страны капитала».

«Думаю, что на всей планете уже будет социализм».

Тогда, несколько лет назад, мне, пожалуй, не показалось, что наши ребята прекраснотушны — все мы дети своего времени. Теперь я думаю: а неплохо ведь было бы, чтобы хоть одна из девочек захотела стать патронажной сестрой, — их так не хватает. Жаль, что наши подростки меньше, чем

французские сверстники, были озабочены тогда экологией — может быть, сегодня мы не столкнулись бы с таким количеством проблем.

А что уж говорить о социализме на всей планете?

...Мечты детей, наверное, отражали не столько реальность, сколько лозунговое представление о ней.

Тогда я хоть и заметила, что наши дети безмятежны и оптимистичны, но не поставила это ни им, ни нам в упрек.

А уж представления о будущем в виде главы из научно-фантастического романа многих из тех, кто так себе его представлял, сегодня, когда им за 20, наверняка привели к разочарованиям — все может показаться обыкновенным, маленьким, скучным.

Как написал мне некогда молодой человек из Арзамаса: «Великое начинается с малого. Многие из нас это если и знают, да начинать с маленького не хочется. Как бы его перепрыгнуть, обойти стороной. Пусть, мол, копаются в обыкновенной работе обыкновенные люди, а нам подавай сразу громадное. А если придет это громадное кому-то случайно, по ошибке, мы наверняка растеряемся, запутаем его и испортим...»

Ночью мы не спим, мучаясь, что живем не так, строим начало новой жизни. А утром нас еле растолкают на работу...»

Значит, обыкновенная работа для обыкновенных людей? И сейчас, и в тридцать пять?..

Рок-энциклопедия

Привет!

Меня зовут Андрей Бурлака. Я живу в Ленинграде. По профессии рок-журналист. Между прочим, главный редактор журнала «РИО», который выходит уже четвертый год и целиком — от корки до корки — посвящен советской рок-музыке. К сожалению, не могу посоветовать всем желающим немедленно бежать на почту и оформлять на него подписку: дело в том, что «РИО» — издание неофициальное, самодеятельное, или, как это называется у наших зарубежных коллег, независимое. Еще не так давно признаться в том, что издаешь в домашних условиях журнал, было делом рискованным. Сегодня это не запрещено. Впрочем, и не разрешено. Как следствие, выходит наше «РИО» (один из вариантов расшифровки — «Рекламно-информационное обозрение») мизерными тиражами, распространяется, минуя «Союзпечать», из рук в руки на рок-концертах, а его полиграфические возможности ограничены черно-белой графикой и далеко не идеальными фотоиллюстрациями. Куда там до шикарных «Роллинг Стоунов» и «Кью»! «Работница», и та печатается лучше. Вообще по части формы «официальная» пресса может дать «неофициальной» сто очков вперед. Зато у нас лучше с содержанием. Я не хваюсь — совсем недавно один достаточно популярный в стране музыкант признался, что для него мнение «РИО» звучит гораздо больше, нежели десяток статей в официальной прессе, несмотря даже на то, что в «РИО» его покритиковали, а газеты и журналы, наоборот, безоглядно хвалят. В чем же дело?

Мне кажется, что беда очень многих, даже честно пишущих о роке (и не о роке тоже) журналистов — поверхностное знание предметов, в частности, рок-музыки, непонимание ее сути. Фраза о том, что рок — не столько искусство, сколько образ жизни, давно стала общим местом в статьях о нем. Я бы продолжил эту фразу так: не столько образ жизни, сколько образ мысли, мировоззрение, которое может быть облечено в любую, в том числе и музыкальную, форму. Отсюда несколько парадоксальное следствие: одно и то же произведение может и быть и не быть роком — все зависит от того, кто и как его исполняет! Поэтому бессмысленны механические толкования типа «рок — это музыка гитарных ансамблей» (а Элтон Джон или «Крафтверк»?)

Энциклопедия

или «рок — это прежде всего электроусиление» (как тогда быть с акустикой Гребенщикова и Шахрина?). Не срабатывает и музыковедческий анализ, позволяющий с аптечной точностью выделить набор признаков, «с гарантией» отличающих рок-н-ролл от, скажем, романса или джазовой пьесы. Различие лежит в иной плоскости и оценивается скорее качественно, чем количественно. Можно сыграть «по правилам» и оставить зал равнодушным, а можно, не умея играть и не зная правил, десять раз выходить на «бис». Все дело в искренности.

А искренность — понятие туманное, далеко не всегда очевидное и уж совсем не поддающееся рациональному анализу, поэтому вопрос о том, искренен или нет конкретный автор в каждом конкретном случае, повисает в воздухе. Ответ на него может дать лишь интуиция, то есть суммарный опыт поиска ответов на подобные вопросы. И этого-то опыта как раз и не хватает многим из тех, кто пытается сегодня говорить о роке!

Все эти туманные рассуждения понадобились мне, в сущности, для того, чтобы сказать одну очень простую вещь: чтобы писать о живописи, нужно знать и любить ее, чтобы писать о роке, надо знать и любить музыку, надо жить в ней. И мы живем. А изнутри все видится не так, как снаружи. Конечно, у каждой точки зрения есть свои плюсы и минусы, но... Возможно, наш взгляд на рок будет интересен не только «профессионалам».

Вот поэтому-то сегодня на этих страницах мы начинаем своего рода эксперимент: нашу рок-энциклопедию. Эка невидаль, скажет кто-то. Отчасти верно: у меня самого на полках стоят рок-энциклопедические словари на английском, немецком, чешском, венгерском и даже голландском языках. Но вот какое дело: они все — о западной музыке, советское издание подобного рода пока только в планах и, боюсь, устареет еще до выхода из печати. Мы попытаемся восполнить этот пробел. Надеюсь, что круг имен, которые в нее войдут, поможете определить вы сами. Спрашивайте — а мы ответим. Вот пока и все. До встречи на страницах журнала!

Андрей БУРЛАКА



...Уже в своей первой программе, показанной в Рок-клубе в ноябре 1983 года, «Аукцион» предпринимает попытку создать на сцене настоящее рок-шоу, яркое и захватывающее зрелище, в котором музыка, тексты песен, грим, костюмерия, декорация и элементы театрализации по замыслу авторов и исполнителей складывались бы в единый образ, оказывающий на зрителя мощное воздействие. Однако первый блин, как водится, выходит комом: несмотря на красочность костюмов и оригинальную сценографию, дебют группы проходит незамеченным. Причины неудачи? Извечные проблемы с аппаратурой и — увы! — элементарный непрофессионализм...

Неудача заставила участников «Аукциона» серьезно задуматься. Полтора года провели они в почти

полной изоляции от мира на своей репетиционной площадке, испытывая новых музыкантов, апробируя свежие музыкальные идеи. Вот тогда-то своеобразный аукционовский стиль и начал приобретать зримые черты.

Первое же появление обновленного «Аукциона» стало событием на ленинградской рок-сцене: о ней заговорили — теперь уже всерьез, и если раньше творчество группы оценивалось лишь в сравнении то с «Клэш», то со «Странными играми», теперь за ними было признано право на собственное слово. Триумфальным успехом на Четвертом Ленинградском рок-фестивале началась новая эра в истории «Аукциона». В ней значатся впечатляющие выступления на рок-фестивалях в Киеве, Вильнюсе, Свердловске, Горьком, в культурной про-

грамме Московского международного кинофестиваля, следствием чего стали многочисленные приглашения от зарубежных менеджеров.

В начале 1989 года «Аукцион» дал серию концертов в Западной Германии, в марте побывал в Голландии, а чуть позже стал одной из главных сенсаций престижного европейского рок-фестиваля в Бурже (Франция). По такому случаю французская фирма «Антенн» даже выпустила пластинку группы, в основу которой лег материал их магнитоальбома «Так я стал предателем». После этого от желающих пригласить «Аукцион» уже не было отбоя, и группа уверенно включилась в «Красную волну», вот уже третий год омывающую европейские берега.

Мозг группы, ее главная творческая сила — гитарист Леонид Федоров. Его музыкальный язык складывался под влиянием множества факторов, среди которых и рэггей, и панк-рок, и новая волна, и даже советская эстрада 60-х годов. Для его песен характерна какая-то внутренняя упругость, цепляющие риффы и ударная фраза в припеве.

Используя тексты партнеров по группе — Олега Гаркуши и Димы Озерского, Леня написал практически все песни, которые принесли «Аукциону» популярность: «Деньги — это бумага», «Несчастливая любовь», «Волчица», «Нэпман», «Книга учета жизни», «Банзай», «Я родился под колпаком» и т. д.

Основная тема в творчестве группы — маленький человек в жерновах урбанистической цивилизации, противостоящий благополучному, но мертвому обществу чужда-одинок.

В последнее время в творчестве

«Аукциона» появились интонации джаза, сложная ритмика, обилие инструментальных, тщательно аранжированных фрагментов.

Группа не раз выходила на киноэкран, снялась в фильмах «Взломщик», «Рок» и «Давай рок-н-ролл» (ФРГ). А Олег Гаркуша помимо этого «сделал» и собственную карьеру, выступая с «Популярной механикой» Сергея Курехина, сыграл также роль в художественной ленте В. Татарского «Презумпция невиновности» и подготовил к изданию сборник стихов.

Состав «Аукциона» — до недавних пор весьма изменчивый — кажется, обрел стабильность. Сейчас в группу входят Леонид Федоров (гитара, вокал), Олег Гаркуша (вокал, танцы), Дмитрий Матковский (гитара), Виктор Бондарик (бас), Дмитрий Озерский (клавишные, вокал), Николай Рубанов (саксофон), Павел Литвинов (перкуссия), Борис Шавейников (барабаны), Владимир Веселкин (танцы на грани). Сценическое пространство группы (декорации, костюмы и т. п.) формирует известный художник. «Брейгель — Босх эпохи развитого социализма» Кирилл Миллер.

- Магнитоальбомы: 1. Рио-де-Жанейро (1987)
2. Вернись в Сорренто (1988)
3. Так я стал предателем (1988)
4. Дупло (1990)

- Пластинки: 1. Так я стал предателем (1989)
2. В Багдаде все спокойно (1990)

«ТЕЛЕВИЗОР»



Симпатичная молодая группа с неоромантическим имиджем и ироничными текстами в 1984-м, каталлизатор и провозвестник неизбежных перемен в общественной жизни, взбудораживший и едва не взорвавший изнутри Ленинградский рок-клуб в 1986-м, популярный не только у себя на Родине, но и за рубежом ансамбль, проводящий по несколько месяцев на гастролях по Западной Европе в 1989-м, — таковы в общих чертах основные ипостаси ленинградской группы «Телевизор», которая вот уже несколько лет привлекает к себе внимание любителей «думающего» рока.

Еще на заре своей музыкальной карьеры лидер «Телевизора» — поэт, певец и автор песен Михаил

Борзыкин так сформулировал свое поэтическое кредо: «Петь о том, что волнует». Эта позиция осталась неизменной на всем протяжении существования группы...

Первый состав «Телевизора» — Михаил Борзыкин (клавиши, вокал), Александр Беляев и Игорь Петров (гитары), Игорь Копылов (бас) и Вячеслав Архипов (ударные) — собрался на обломках студенческих групп «Икар» и «Озеро» в феврале 1984 года. Почти сразу группа вступила в Рок-клуб и очень скоро обратила на себя внимание оригинальными песнями своего лидера, в которых свежие и выразительные мелодии, близкие к традициям «новой романтики» (Ник Кершоу, Ховард Джонс, «Дюран Дюран»), сочетались с меткими и ос-

троумными зарисовками из жизни тогдашней молодежи («Мания величия», «До мажора») или лирическими экскурсами во внутренний мир автора («Вчера было слишком много меня», «Цветные сны», «Я не виноват»). В том же году «Телевизор» стал лауреатом Второго ленинградского рок-фестиваля, а еще через год повторил успех, выступив с программой, позднее положенной в основу его альбома «Шествие рыб». В июне 1986 года «Телевизор» произвел сенсацию, выступив на фестивальной сцене с серией остропублицистических песен-памфлетов («Мы идем», «Выйти из-под контроля»), во многом оказавшихся созвучными идеям перестройки и демократического переустройства общества.

К этому времени в рядах «Телевизора» произошли существенные перестановки: его покинули Архипов, Копылов, Петров, которых заменили барабанщик Алексей Рацен и клавишник Игорь Бабанов, в прошлом коллега Борзыкина по филологическому факультету ЛГУ.

В своей следующей программе (1987) «Телевизор» еще дальше продвинулся в исследовании исторических корней тоталитарного мышления и связанных с ним социальных процессов («Отечество иллюзий», «3 — 4», «Твой папа — фашист»). Именно в этот период группа нашла адекватное своему смысловому ряду музыкальное оформление: короткие, почти рифмовые мелодические фразы, чеканно-размеренные ритмы, аскетичные и скупые аранжировки, в которых главная роль отводится вокалу, лаконичная декоративная работа клавишных.

Несмотря на противодействие разнообразных функционеров от

культуры, с одной стороны, и обвинения в «немзыкальности» и политизации своего творчества, с другой, группа сохранила свою аудиторию, и в 1987—1989 годах «Телевизор» много гастролировал, с успехом выступал на Пятом и Шестом ленинградских рок-фестивалях, причем в песнях, прозвучавших в июне 1988 года со сцены Зимнего стадиона, стала явственно обозначаться тяга к более глубокому, философскому осмыслению явления действительности, далекому от примолинейных «черно-белых» оценок их ранних работ. В том же году группа впервые проникла за «железный занавес» и дала по несколько концертов в Польше и Голландии, а также приняла участие в двух советско-итальянских культурных акциях — фестивале в Мельпиньяно и программе «Снова в СССР», проходившей в Риме и Падуе.

В ноябре 1989 года, вскоре после возвращения из длительной поездки по странам Европы, «Телевизор» покинул один из его основателей — гитарист Александр Беляев, который принял участие в создании нового ленинградско-свердловского состава «Наутилуса Помпилиуса». Его место занял гитарист «Присутствия» Максим Кузнецов. В 1990 году «Телевизор» собирается записать свой новый альбом.

Магнитоальбомы: 1. «Шествие рыб» (1985)
2. «Отечество иллюзий» (1987)
3. «Музыка для мертвых» (1989)

Пластинка: 1. «Шествие рыб» (1988)



«Наверное, если бы Маяковский был рокером, он играл так же, как «АВИА»... Это любопытное предположение высказал музыкальный обозреватель влиятельной итальянской газеты «Република» в одном из своих обзоров, посвященных ежегодному фестивалю «Снова в СССР». Среди участников фестиваля были и «АВИА» — своеобразные ленинградские «неофутуристы»... Подобные же отклики на гастроли «АВИА» публиковали газеты и журналы Чехословакии, Финляндии, Франции, ФРГ, Югославии, Великобритании, Бельгии и Голландии — именно столько стран успели посетить музыканты группы за последние два года.

Впрочем, определенные предпосылки предстоящих триумфов были как бы «запрограммированы» уже в самой идее группы и подборе ее участников. На свою пер-

вую репетицию «АВИА» собрались в ноябре 1985 года. Однако к тому времени имена входивших в группу музыкантов были знакомы любому меломану Ленинграда. Клавирщик и певец Николай Гусев обратил на себя внимание виртуозной техникой и нетрадиционным музыкальным мышлением еще в конце 70-х, выступая в составе знаменитых «Аргонатов». Саксофонист, бас-гитарист и певец Алексей Рахов стартовал в популярной студенческой группе «День рождения». Барабанщик Александр Кондрашкин в разное время сотрудничал с «Аквариумом», «Пикником», «Тамбурином», «Мануфактурой», «Джунглями» и «Объектом насмешек», а кроме того играл сверхкрутой авангард с Сергеем Курехиным. Вместе же Гусев, Рахов и Кондрашкин впервые оказались осенью 1982 года в составе «Странных игр» —

одной из первых в отечественном роке групп, целиком опиравшейся на музыкальные идеи и эстетику «новой волны». «Странные» просуществовали три года, записали два магнитоальбома и распались, когда разность творческих потенциалов их участников, поначалу двигавшая группу вперед, стала препятствием для их дальнейшей эволюции.

Особенностью музыкального языка «АВИА» является широкое использование электронных клавишных инструментов, ритм-компьютеров в сочетании с естественным звучанием духовых. Прибавить сюда элементы стилизации, пародий в мелодических фразах — зачастую тонким подбором музыкальных ассоциаций Николаю Гусеву, ведущему автору группы, удается сказать то, что по тем или иным причинам осталось за рамками текста. Не здесь ли, кстати, причина успеха группы у не владеющей русским языком аудитории?

Поначалу участников «АВИА» было трое, однако со временем желание создать адекватный музыке визуальный эквивалент привело группу к союзу с театром пантомимы, созданным бывшим актером полунинских «Лицедеев» Антоном Адасинским. С 1987 года их выступления сопровождается красочное шоу, в котором участвуют как актеры-солисты (А. Адасинский, Е. Бобрецова, М. Темиргазов, Д. Тюльпанов), так и целая «физкультурная группа имени «АВИА», воссоздающие на сцене атмосферу театрализованных представлений первых лет Советской власти, футуристических хэппенингов и военно-спортивных парадов. Осенью 1988 года Адасинский отделился

от «АВИА», создав собственную театр-студию «Дерево», однако внешняя сторона концертов группы осталась без изменения.

«АВИА» участвовали в Четвертом и Пятом фестивалях ленинградского рок-клуба, оба раза став лауреатами, записали два магнитофонных альбома, один из которых был издан на пластинке фирмой «Мелодия». Группа сделала на Ленинградском телевидении несколько совершенно потрясающих видеоклипов по собственным сценариям: «АВИА-ВИА», «Урок русского языка», «Я не люблю тебя» (последний не раз занимал первые места на многих парадах популярности).

Выступлением на пражском «Рок Фесте» началась «зарубежная» страница в биографии группы. Потом был успех на фестивале современного искусства «Иматра-88» в Финляндии, на грандиозном рок-фестивале в Гамбурге...

Помимо коллективного музицирования участники «АВИА» охотно сотрудничают и в других проектах. Так, Коля Гусев летом 1989 года стал продюсером альбома легендарного ленинградского гитариста Юрия Ильченко (экс-«Мифы», «Машина времени»), а Рахов и Кондрашкин в начале 1990 года создали группу «Восток I», в которой рядом с ними играет экс-басист «Аквариума» Александр Титов.

Магнитоальбомы: 1. «Жизнь и творчество композитора Зудова» (1986)
2. «Всемь!» (1988)

Пластинка: 1. «Всемь!» (1989)

«Звуки Му»



«...Когда они в ударе, «Звуки Му» могут оказаться самой крутой группой по обе стороны Железного Занавеса», — писал в марте 1987 года специальный корреспондент американского журнала «Роллинг Стоун» Майкл Р. Бенсон, побывав на концерте этого поистине оригинального рок-ансамбля.

«Возможно, что самая одаренная и дерзкая группа — это московские «Звуки Му», — подтвердила месяц спустя на страницах еженедельника «Пипл», специальный выпуск которого был от корки до корки (за исключением рекламы) посвящен знакомству с «новой Россией», журналистка Нэнси Трейвер.

А еще через год любители музыки за рубежом смогли самостоятельно убедиться в том, что эти высказывания американских журналистов отнюдь не результат переохлаждения в лютые морозы и не следствие злоупотреблений знаменитой

русской водкой. Весной 1988 года, когда «Звуки» в первый раз за свою пятилетнюю историю пересекли границу страны и выступили на Международном фестивале альтернативного рока «Хунгаро Каррот» в Будапеште, они были приняты публикой не хуже, чем легендарные экспериментаторы-авангардисты «Пер-Убу»! Чуть позже ситуация повторилась на фестивале новой музыки в Польше. В сентябре «Звуки Му» вместе с другими московскими и ленинградскими музыкантами представляли советский рок в программе «Снова в СССР», которая была показана в столице Италии, а в начале следующего года довершили «вторжение в Европу» гастрольями в ФРГ и блестящим выступлением на ежегодном рок-фестивале во французском Бурже.

А ведь начиналось все очень скромно и более чем прозаически:

как-то на домашней вечеринке в одной из московских квартир бывший рок-музыкант, а по роду занятий лифтер Петя Мамонов решил спеть гостям несколько своих песен. К нему присоединился старый приятель Саша Липницкий и случайно оказавшийся тут же ленинградец Сережа Бугаев, известный многим как «Африка». Импровизированный концерт прошел «на ура». Дело было в самом конце 1983 года.

Так на свет появились «Звуки Му» — название, по одной версии, было позаимствовано у американского мюзикла «Звуки Музыки», по другой — являлось сокращением от «Звуки московских улиц». Как бы то ни было, а оно прижилось и воспринимается теперь совершенно естественно.

В июне 1984 года к «Звукам» (П. Мамонов — гитара, вокал; А. Липницкий — бас и «Африка» — барабаны) присоединился клавишник Павел Хотин, до тех пор выступавший с собственной командой, носившей не менее экзотическое название «Группа Пабло Менгеса». Первое публичное выступление, состоявшееся через полгода, сразу же сделало «Звуки Му» (вместе с дебютировавшим на том же концерте «Браво») одним из наиболее ярких феноменов московской рок-сцены.

Осенью 1985 года группа вступила в только что организованную Рок-лабораторию, ее состав усилили Александр Александров (фагот) — в прошлом участник «Аквариума» — и Михаил Жуков (ударные) из «Оркестра нелегкой музыки». «Африка» вернулся в Ленинград, где пытался играть в «Кино», рисовал картины и, наконец, нашел себя в кинороли убиенного Говорухиным — Крымовым

«мальчика Бананана». Немного позже в рядах «Звуков» появились гитарист Алексей Бортничук и постоянный барабанщик Алексей Павлов. Фагот ушел к Стасу Намину, а потом и вовсе исчез из рок-кругов.

Следующий этап в биографии группы довольно типичен: концерты дома, гастроли, съемки на телевидении, магнитофонный альбом, записанный в «собственной» студии на даче с помощью Васи Шумова из «Центра». А вот потом началось неожиданное: легендарный Брайэн Ино из всех прослушанных им советских групп отметил именно «Звуки Му» и через несколько месяцев приехал в Москву, чтобы стать продюсером их первой пластинки — она вышла в 1989 году в Англии с подзаголовком «Современные песни из России». Пошли — одно за другим — серьезные предложения от западных антрепренеров. Вышла книга стихов норвежского поэта Нурдала Грига, среди переводчиков которого значился и П. Мамонов, завершены съемки художественного фильма «Такси-блюз», в котором он сыграл главную роль.

И — последнее на сегодня сообщение. В октябре 1989 года «Звуки Му» предупредили, что прекращают совместную деятельность: Мамонов и Бортничук собираются выступать вдвоем, Хотин и Павлов набирают новую группу, ну а Саша Липницкий, судя по всему, уходит, как говорят в спорте, на тренерскую работу. Что ж, ставить точку в истории группы еще рано...

Магнитоальбомы: 1. «Крым» (1987)

2. «Простые вещи» (1988)

Пластинка: 1. «Звуки Му» (1989)

Марина МОСКВИНА

СЕЙЧАС ОН ПРИДЕТ, И БУДЕТ ВЕСЕЛО

РАССКАЗ

Папа все не шел, а я сидел дома и время от времени ставил чайник. Сейчас, думаю, он засвистит, и папа явится — по свистку. Час проходит. Еще полчаса. Часы: «пи!» «пи!» Хоть бы позвонил. «Я там-то и там-то, буду тогда-то...» Пап ведь опасности подстерегают на каждом шагу. Мой, например, совершенно беззащитный. И очень доверчивый. Любой негодяй может обмануть его, напугать или заманить на безделушку.

Тем более, говорят, в газетах писали, что в июне будет конец света. Хотя наша пионервожатая сказала, что конец света будет только через двадцать лет. И все равно я волнуюсь, когда папы нет дома.

СЕЙЧАС ОН ПРИДЕТ, И БУДЕТ ВЕСЕЛО.

Чтобы не скучать, я включил нашу старенькую «Спидолу». Весь мир облазил и ничего не нашел.

Наверху у нас кто-то что-то пилит. Трудно представить, что этажом ниже пилят бревно. Это может быть только злодейство.

А перед окном днем и ночью бетонируют поле. Исчезли трава, ручей, лес под бескрайней бетонной площадкой. В один прекрасный день сюда прилетит летающая тарелка. Здесь будет встреча, цветы, оркестр. Потом она улетит, и останется поле бетонное — навсегда.

Я сидел и смотрел на небо в окне — нет ли инопланетян. И как какая-нибудь точка — я — О! Хотя эта точечка — на стекле.

А сверху старушка:

— Киса! Киса! — кричит бездомному коту. — На тебе сосиску!

Сосиска — бумс! Лоинула, расплющилась, кот понюхал и пошел. Я представил: какая-то одноногая старушка сварила себе сосиску, но увидела одинокого кота и метнула ее ему с этажа десятого-одиннадцатого!.. А этот бродяга — ноль внимания.

Тогда я крикнул:

— Кис! Кис! Что обижаешь старушку? Ешь сосиску!

И выпал из окна.

Пока я летел, я слышал барабанный бой. Кто-то заводит под нами

такую пластинку каждый вечер. Я раньше представлял, как ОН марширует под эту музыку, и делает резкие движения, типа каратэ. Но пролетая мимо, я увидел, что ОН сидит в кресле с закрытыми глазами и слушает.

Этажом ниже — Войцехов — ГРУДЬ, НОС, УСЫ!.. Он одессит, пышащий здоровьем. Им там в Одессе, чтобы выжить, сила нужна. Войцехов — коллекционер. Он коллекционирует бутылки. Я столько бутылок, сколько у Войцехова, не видел никогда.

А вон художник Лейдерман. В руках он держит палку в розах. Наней — фанера, на фанере большими буквами написано: «ОБИЖАЮТ!».

Как хорошо жить на свете, когда знаешь, что жизнь бесконечна. Я упал и лежал, как подстреленная птица, пока сосед Сорокин не схватил меня своими тонкими веснушчатыми руками, и не побежал в травмопункт.

Домой меня принесли два санитара. Они положили меня и ушли. А я почувствовал, что пахнет гарью.

Оказывается, я чайник снял, а плиту не выключил! Она раскалилась докрасна и горела в темноте, как планета Марс. Вокруг полыхали деревянные ложки, дощечки, клеенка, смотрю, я сам весь в огне!..

Но, к счастью, прорвало трубу, и начался потоп.

Вмиг прискакал Войцехов с черпаком. За ним его жена по имени Манюня. Это такое одесское имя.

— У нас с Манюней тапочки, — кричит Войцехов. — пошлыли по квартире, как шаланды!

Художник Лейдерман, возвышенная натура, всегда витает в облаках мечтательно сказал:

— Андруха! Гони мне тыщу на ремонт!

Сорокин тонкими руками схватил трубку, прижался к ней всем телом, прикрыв нас от ужаснейшей струи. Единственный к нам не поднялся сосед снизу. Наверное, ему ВСЕ, ВСЕ РАВНО, ЛИШЬ БЫ НЕ СМОЛКАЛ БАРАБАН!

Пришел водопроводчик — глаза цвета морской волны. Войцехов с Манюней, Сорокин и Лейдерман успокоились и разошлись по домам. Но водопроводчик обнаружил, что у меня, кроме потопа — пожар, вспыхнул и ушел, сказав на прощанье:

— Уж если ты водопроводчиком рожден, так будь водопроводчик!

Теперь я уже не только горел, но и тонул: и тут мне прибавилось хлопот, потому что явились грабители и убийцы.

Один грабитель и убийца сжимал в руке пальцевой эспандер, похожий на челюсть вымершего осла с желтыми зубками. И на руке у него было написано КОЛЯ. Второй накачивал мышцы кистевым эспандером, похожим на кольцо, которое грызут беззубые младенцы. И на руке у него написано ВАСЯ.

— Эх, ты, — я подумал про папу. — Не торопиться, потом будешь локти кусать.

Я наекнул, чтобы ВАСЯ и КОЛЯ уходили, потому что неудобно было сказать об этом прямо. Но они не поняли намека. КОЛЯ вынул из кармана бутерброды, которые ему дала с собой бабушка, стал

их есть и критиковать, мол, бабушка подхалтуривает: хлеб режет толсто, а сыр — тонко.

У меня в холодильнике лежал плавленный сырок «Дружба». И я предложил его КОЛЕ. Но он отверг «Дружбу».

— Когда я был мальчиком, — сказал КОЛЯ, — я часто просил мою бабушку купить мне мороженое. Она подходила к киоску и делала вид, что покупает! А САМА ВМЕСТО МОРОЖЕНОГО ПОДСОВЫВАЛА МНЕ ПЛАВЛЕННЫЙ СЫРОК!.. А я верил! — процедил он сквозь зубы. — Жевал и думал: ну и дрянь же это мороженое! Что его все любят?!

— Страшная история! Страшная! — воскликнул ВАСЯ. — Вот почему из тебя, Коля, вырос бандит! — и он сам слопал «Дружбу». А серебряную бумажку скомкал и закинул в ведро.

— Один удачный бросок — и хорошее настроение на целый день! — радостно сказал ВАСЯ.

Они мне понравились, ВАСЯ и КОЛЯ. Мне ВСЕ НРАВЯТСЯ, вот в чем моя беда. Эта дурацкая любовь КО ВСЕМ когда-нибудь уморит меня, я знаю! Как бы мне хотелось быть настоящим мальчишкой! Иметь рогатку, гонять голубей, стрелять в стекла, как семья Волобуевых, присоединиться к ним, ходить в пиджаках с подрезанными рукавами, просить: «Парень, мне надо домой, дай пять копеек!» А потом пойти за угол и смеяться над этим человеком! Ходить в овраг, жечь костры, сидеть на каких-то лавках, а потом орать под окнами!..

Я предложил грабителям чаю. ВАСЯ согласился, а КОЛЯ — ни в какую. Он сказал, что от чая не отказывается, но СНАЧАЛА — ДЕЛО, и стал выносить вещи из квартиры. И все твердил:

— Я лишнего не возьму, а только то, что надо дозарезу.

Они по-дружески отнеслись ко мне, я знаю, но хищные чувства взяли верх, и они забрали все — даже мой кубок с надписью «виват!», крышку чернильницы в виде головы негра, талоны на сахар и альбом с фотографиями папиной молодости. Они ограбили меня и убили. И уехали, чай не стали пить.

— А чай? — все-таки спросил ВАСЯ.

— Чай мы поьем дома, — строго ответил КОЛЯ.

И тут мой папа пришел — такой веселый!

— Андрюха, — говорит, — Ничего, я чуть-чуть припозднился?

Я ответил:

— Нормально, — и на душе у меня запели воробы.

— Ты молодец! — говорит папа. — Не насвинячил нигде, ничего. Все на своих местах. Сам в полном порядке. Я вижу, за тебя уже можно не волноваться.

— Конечно, — сказал я. — Чего зря волноваться?

Меня похвалили, мной гордились. И вдруг за окном загудела сирена. Во двор, обгоняя друг друга, мигая мигалками, въехали пожарники, милиция и «скорая помощь». Они, как сумасшедшие, выскочили из машин и бросились в наш подъезд.

— Боже мой! — сказал папа. — К кому бы это?

И пошел открывать, потому что нам в дверь позвонили.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СУДЬБЫ

Вольдемар БАЛЯЗИН

ОТКРОВЕНИЯ ПРОСТАКА-РИЧАРДА

**МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ
ИЗ ЖИЗНИ ВЕНИАМИНА ФРАНКЛИНА**



Загадка таланта, одаренности, гения...

Подобно утреннему солнцу возникает она на горизонте нашей жизни. Но приходу солнца всегда предшествует

заря: тоненькая, розовая полоска,

несколько беглых лучиков. В человеческой жизни этот

краткий миг расцвета совпадает с отроческим,

подростковым временем. Вглядеться в это явление —

отрочество незаурядной, крупной личности —

предлагает нам писатель В. Балязин,

автор публикуемых в журнале очерков о жизни

выдающихся людей разных времен и народов.



В
н
к
и

«Для человека важно очень, если он обучен управлять своими страстями вопреки искушениям, быть справедливым и своим действиям, быть выдержанным в своих убеждениях, стойко переносить невзгоды, благородно поступать во всех делах и во всех жизненных обстоятельствах. Начиная, что быть таким обученным гораздо лучше, чем быть магистром всех искусств в мире».

В. ФРАНКЛИН,
написавший это,
когда ему было 19 лет,
и следовавший этому
всю свою жизнь

В 1771 году, на шестьдесят шестом году жизни, Вениамин Франклин, один из самых великих американцев, достигнув всемирной славы, а у себя на родине — в Северной Америке — не просто уважения и почета, а беспредельного трепетного почитания, решил написать «Автобиографию».

К работе над «Автобиографией» он приступил, находясь в Англии, на родине своих предков. Из церковных книг, хранившихся в храме деревни Эктон графства Нортхемптоншир, узнал, что его прародители жили здесь не менее трехсот лет, испокон века занимаясь кузнечным ремеслом и передавая его в наследство от отца к сыну.

Он узнал также, что на протяжении по крайней мере пяти последних поколений в его роду по мужской линии неизменно повторялась удивительная последовательность: его пращур, прадед, дед, отец и он сам непременно оказывались младшими сыновьями младших сыновей, какими бы многодетными ни были их семьи.

Он часто задумывался над тем, почему, родившись в бедной и незнатной семье, он достиг выдающегося положения, и его слава, перешагнув через океан, оспаривала пальму первенства у коронованных особ и властителей душ Старого Света.

Может быть, странная генеалогическая повторяемость послужила некоей таинственной причиной его удивительной судьбы? Как получилось, что он — бедняк и простолюдин — стал просветителем своего

народа и государственным мужем, одним из тех, кто создал Конституцию, основал первую в стране библиотеку, первую Академию, первый общественный госпиталь?

Он был верующим человеком и с восьми лет ходил в грамматическую школу, готовясь стать священником. Проучившись в школе совсем немного, он все равно оставался верующим и уже в зрелом возрасте писал, что без благословения неба может быть разрушено все, что создано человеком, хотя бы в основе его благополучия лежали трудолюбие, бережливость, предусмотрительность и благоразумие.

Однако же Франклин был не только верующим в бога, он был и великим естествоиспытателем. Достаточно сказать, что именно он первым «приручил молнию», изобретя громоотвод, и тем самым занял одно из почетнейших мест среди самых знаменитых физиков XVIII столетия. И потому, скорее всего, Франклин мог ответить на волнующий его вопрос, признавая и волю небес и более земную причину: собственные многолетние усилия, направленные на достижение высокой цели, поставленной им перед собою еще в юности.

И потому, задумываясь над удачей, сопутствовавшей ему в жизни, он отвечал себе так: «Я, Вениамин Франклин, добился богатства, почета и славы только потому, что старался быть нравственным и добродетельным и по мере своих сил старался следовать принципам, которые выработал в ранней моло-

дости и следовал им всю жизнь».

И работая над автобиографией, он находил множество доказательств, подтверждающих это.

* * *

Вениамин Франклин, как мы уже знаем, был младшим сыном в очень большой семье.

Его отец Джозайя Франклин имел в первом браке семь человек детей, а во втором — с Абией Фолгер — еще десять. Из них четверо умерли в детстве, а тринадцать дожили до старости.

Вениамин был восьмым ребенком Абии. (После Вениамина она родила еще двоих девочек).

Джозайя Франклин обладал ясным умом, крепким здоровьем и большой физической силой. Он хорошо рисовал, играл на скрипке и знал множество ремесел. Он приучил сына к труду и чтению с самых ранних лет, и Вениамин писал в «Автобиографии», что он выучился читать так рано, что не «помнит того времени, когда не умел читать».

«Отец,— писал Франклин,— любил видеть у себя за столом какого-нибудь разумного приятеля или соседа и сам заводил речь о каком-нибудь замысловатом или полезном предмете, дабы дети его, слушая беседу, учились уму-разуму. Так он привлекал наше внимание к тому, что есть в жизни доброго, справедливого и благоразумного; снеди же, поданной на стол, почти не уделялось внима-

ния. Я с детства пристрастился к чтению и все деньги, какие попадали мне в руки, тратил на чтение».

Мать Франклина, так же как и ее муж, обладала превосходным здоровьем. Она была трудолюбива, добросердечна и когда умерла, то Вениамин поставил на могиле своих родителей мраморное надгробие со следующей надписью:

«Джозайа Франклин

И Абия, жена его,

Погребены здесь.

Они счастливо прожили в супружестве

Пятьдесят пять лет.

Не имея ни поместья, ни выгодной должности,

**Посредством труда и прилежания,
(С благословления божьего)**

**Они содержали большую семью
В достатке.**

**И вырастили тринадцать детей
И семь внуков**

Достойным образом.

Пусть этот пример, читатель,

**Поощрит тебя к прилежанию в тво-
ем деле,**

И надейся на провидение.

**Он был благочестивым и благо-
разумным человеком.**

**И она скромной и добродетельной
женщиной.**

Их младший сын

**Из сыновнего почтения к их памяти
Поставил этот камень.**

Дж. Ф. родился в 1655 г. — скон-

чался в 1744 г. — возрасте 89 лет,

А.Ф. родилась в 1667 г. — сконча-

лась в 1752 г. — 85 лет.»

Вениамина Франклина и частично за эту добродетель он был вознагражден успехами и удачей в своей жизни, ибо научившись любить и уважать родителей, он перенес потом такое отношение на всех людей, достойных любви и уважения, какие встречались ему на его долгом и непростом жизненном пути.

И одним из правил он сделал для себя следующее: «Старайся никогда не говорить плохого, о ком бы то ни было, если это не вызвано крайней необходимостью, или же мешает торжеству истины».

Второй его добродетелью было трудолюбие. Вениамин начал помогать отцу в работе с десятилетнего возраста. Отец очень не хотел, чтобы его младший сын со временем покинул его и уехал из родительского дома и потому всячески отвращал мальчика от профессии моряка, поощряя его занятия любым ремеслом, которое могло бы удержать Вениамина возле отца и матери.

Сам Джозайа Франклин зарабатывал на жизнь тем, что делал свечи. К этому ремеслу он стал приучать и Вениамина, но тому это занятие было не по нутру. Тогда отец стал знакомить своего младшего сына с разными ремеслами — плотницким, токарным, медницким и другими. Вениамин быстро схватывал все новое и вскоре выучился сам делать в доме много полезного, если не оказывалось мастера-специалиста.

Однако, в конце концов, судьба мальчика определилась. Следующего

неуемной любви к книгам, отец отдал Вениамина в обучение к старшему брату Джеймсу, владельцу типографии, где он не только быстро освоил профессию типографа, но и получил возможность прочесть множество книг по самым разнообразным предметам.

Летом 1721 года Джеймс начал издавать газету, а весной и летом 1722 в ней появилось четырнадцать удивительно интересных статей, написанных некоей вдовой пастора Сайленс Дугуд, из-за которых тираж газеты сильно вырос. Вскоре открылось, что статьи эти написал 16-летний Вениамин, желая улучшить финансовые дела своего старшего брата — издателя газеты.

Однако этот успех стал для мальчика и большой неудачей — брат, скорее всего из зависти, стал придирается к нему и даже бить, а для Вениамина все это, конечно же, оказалось совершенно непереносимым, и он счел для себя невозможным оставаться в прежнем состоянии.

Он продал часть своих книг, тайно пробрался на корабль, уходящий в Нью-Йорк, и бежал из дома навстречу судьбе...

* * *

В Нью-Йорке для Франклина работы не нашлось, и он почти сразу же отправился в Филадельфию, где, по слухам, в одной из типографий была возможность устроиться подмастерьем. Франклин пришел в Филадельфию пешком, проплыв перед тем несколько часов на веслах в небольшой лодке.

Он был голоден, оборван и грязен и вскоре уснул мертвым сном во время службы в одной из церквей Филадельфии.

* * *

Потом — трудом, трудом и трудом — он завоевывал себе доброе имя среди горожан, а непрерывным самосовершенствованием и самообразованием — уважение у просвещеннейших граждан Филадельфии и самого губернатора Пенсильвании Уильяма Кейта. Губернатор отправил Вениамина в Лондон, и Франклин, прожив и проработав там полтора года, вернулся на родину, сильно преуспев и в познании тонкостей своей профессии, и в изучении множества интересовавших его проблем.

Вернувшись в Филадельфию, Франклин со временем открыл здесь собственную типографию и стал лучшим типографщиком города. Постепенно вокруг него сгруппировались молодые люди, которых также занимала идея умственного и нравственного совершенствования. Вместе с Франклином их было двенадцать и они учредили первый в Америке (да и в мире тоже) клуб, названный ими «Хунта», что означало «Сообщество».

Каждый, кто пожелал бы стать членом клуба, должен был ответить на четыре вопроса:

1. Питаете ли вы какое-нибудь особенное неуважение к любому из нынешних членов?

Ответ: Нет, не питаю.

2. Искренно ли вы утверждаете,

что любите вообще человечество, независимо от профессии и религии людей?

Ответ: Да, искренно.

3. Думаете ли вы, что можно нанести ущерб имени любого человека, его имуществу и ему самому только лишь за его воззрения и за религию, которую он исповедует?

Ответ: Нет.

4. Любите ли вы истину ради истины, и будете ли вы стараться беспристрастно искать и признавать ее для себя и передавать ее другим?

Ответ: Да.

Нет нужды говорить о том, каких взглядов и принципов придерживались эти молодые люди.

Каждую пятницу, вечером, собирались они вместе и обсуждали все, что их интересовало. Друзьями Вениамина были землемер, сапожник, столяр, механик, типографшики, приказчики, купцы, но объединяло их одно — любовь к знанию. (В то время ученых-профессионалов было мало. Например, великий математик Ферма был юристом, философ Декарт — офицером, астроном Гершель — учителем танцев). Собираясь вместе, молодые люди должны были руководствоваться «Правилами клуба, учрежденного для взаимного усовершенствования».

«Правила» эти были составлены Франклинном и состояли в следующем: члены клуба должны были сообщать собравшимся обо всем замечательном, что они узнали за

последнюю неделю в области истории, морали, поэзии, физики, путешествий, механики и в других областях знаний; они должны были рассказывать друг другу о неудачах какого-либо гражданина или же, наоборот, о преуспевании другого гражданина, анализируя причины удач и неудач, чтобы члены клуба могли сделать из случившегося и рассказанного полезные для себя выводы. Собравшиеся должны были рассказывать и о том, что, если кто-либо из членов клуба болел, то какие лекарства помогли ему? Узнал ли кто-либо из них о чем-то таком, что может стать полезным для человечества, для страны и для нас самих?

Прибыл ли в город достойный чужестранец, и если да, то не может ли Сообщество помочь ему?

Нуждается ли какой-либо достойный человек в помощи и поддержке Сообщества?

Наблюдали ли вы в последнее время какое-нибудь нарушение законов, о котором следовало бы сообщить властям для исправления этого?

Можете ли вы предложить какой-нибудь полезный закон, в котором ощущается потребность?

А, кроме того, несколько пунктов «Правил» были посвящены взаимопомощи членов Клуба и совместной защите их прав и достоинства.

После создания Клуба в Филадельфии в разных городах Северной Америки стали создаваться такие же «хунты» с общедоступными

для их членов библиотеками. Эти клубы сыграли в просвещении североамериканских поселенцев такую же роль, как и школы. А может быть, их значение было и еще большим.

Просветительская деятельность Франклина не ограничилась созданием в Филадельфии Клуба, а затем и Академии.

В 1733 году он начал издавать народный календарь, который назывался «Альманах Простака Ричарда». В нем приводились сведения по астрономии, забавные и нравоучительные истории, приметы погоды, полезные медицинские и кулинарные рецепты, советы по домоводству и сельскому хозяйству, а, кроме того, множество пословиц, поговорок и афоризмов, часто принадлежащих самому издателю календаря — Франклину.

Вот лишь некоторые из них:

«Многие жалуются на память, почти никто — на сообразительность».

У кого есть терпение, тот будет иметь все, что хочет.

Кто могуч? Кто может побеждать свои дурные привычки.

Некоторые думают, что покупают наслаждение, а сами продают себя ему в рабство.

Стекло, фарфор и репутацию сломать легко, а склеить трудно».

В 1757 году Франклин издал отдельной книжкой все изречения простака Ричарда Саундерса, назвав это произведение «Путь к изобилию».

Каков же он, этот путь? Что ме-

шает человеку достичь изобилия и что этому способствует?

Многие полагают, что достижение изобилия мешают высокие правительственные налоги на торговлю и промышленность, однако, как бы ни были они велики, их можно было бы выплатить, утверждал Франклин. Однако, говорил он, «у нас есть много других налогов, гораздо более тяжелых для некоторых из нас. Мы платим в два раза больший налог за свою праздность, втрое больше за нашу гордость и вчетверо больше за нашу глупость». И никто, кроме нас самих, не может освободить нас от этих налогов.

«Лень, — продолжал Франклин, — как ржавчина, разъедает быстрее, чем труд изнашивает. Если любишь жизнь, не трать время зря, потому что жизнь состоит из времени. И если время самая драгоценная вещь, то растрата времени является самым большим мотовством. Давайте тратить время целеустремленно, и если будем стараться, то без затруднения сделаем гораздо больше. Лень делает всякое дело трудным, а трудолюбие — легким, и тот, кто поздно встает, должен целый день бегать и только к ночи еле-еле кончит свои дела, а Лень плетется так медленно, что Бедность вскоре догонит ее. Подгоняй свои дела, чтобы они тебя не подгоняли. Усердие — мать удачи, и в дом работающего работника голод если и заглядывает, то не смеет войти. Поэтому паши землю глубоко, пока спит лежебока, и у тебя будет достаточно зерна и для про-

дажи, и для себя. Никогда не откладывай на завтра того, что можешь сделать сегодня.

Стыдись своего безделья, когда так много можно сделать для самого себя, для своей семьи, для своей страны...

Берись за дело, как следует, и ты получишь хорошие результаты, потому что капля по капле камень долбит, небольшими ударами можно свалить дуб, и мыш с терпением и упорством перегрызает корабельный канат».

Но трудолюбие — это только одно из средств к достижению изобилия. Другим таким средством Франклин считал бережливость и умение вести дело и хозяйство. «Если женщина из-за чая отказывается прясть и вязать, а мужчина из-за пунша рубить и колоть дрова, то много тогда тратится на то, чтобы добыть. Женщины и вино, игры и обман уменьшают богатство и увеличивают желания, а те средства, которые удовлетворяют лишь один порок, вполне достаточны, чтобы воспитать двух детей. Остерегайтесь и мелких напрасных расходов, ибо маленькая течь может потопить большой корабль. И еще — кто любит лакомство, обязательно будет нищим. И еще — дураки устраивают пиры, а умные едят на них».

Расточительство и погоня за модой, как и мотовство, тоже уведат человека от изобилия к нищете.

«Многие разжигают пышный пожар, чтобы надеть пышный наряд, ходят голо-

дные и заставляют голодать свои семьи. Шелка и атласы, пурпур и бархаты гасят огонь на кухне. Излишняя гордость своим нарядом — это бедствие, и прежде чем советоваться с прихотью, посоветуйся со своим кошельком. Ведь, если ты купишь одну хорошую вещь, ты должен купить еще десять, чтобы твоя внешность была образцовой, но легче подавить в себе первое желание, чем удовлетворить все, которые за ним последуют.

А кроме того, какая польза гордиться внешностью? Внешность не может способствовать здоровью или облегчать боль, она не увеличивает достоинств человека, она только порождает зависть и ускоряет несчастья».

Франклин, моралист крепко верил в силу слова, однако же никогда не витал в облаках, твердо стоя на грешной земле. И потому, заканчивая свои наставления, писал: «Опыт — это дорогая школа, но глупцы ни в какой другой не могут выучиться, потому что мы можем дать совет, но не можем дать поведения. Однако помните, что если человеку нельзя советовать, то ему нельзя и помочь. И если ты не внемлешь благоразумию, то оно обязательно тебе отомстит».

Он не только писал об этом. Он и жил так, как писал, составил для себя на всю жизнь 13 правил поведения, в которые входили: Воздержанность, Молчаливость, Порядок, Решительность, Трудолюбие, Бережливость, Искренность,

Справедливость, Умеренность, Чистота, Спокойствие, Целомудрие, Скрамность.

Вот лишь некоторые из них: «Воздержание» — есть не до пресыщения, пить не до опьянения; «Молчание» — говорить только то, что может принести пользу, избегать пустых разговоров; «Порядок» — держать все свои вещи на их местах, для каждого занятия иметь свое время.

И повторяю еще раз: он не только писал об этом. Он и жил так, как писал.

Франклин был одним из образованнейших людей своего времени, и его многочисленные таланты не пропали даром. В 1731 году он основал первую в Северной Америке публичную библиотеку; в 1743 — Американское философское общество, в 1751 — Филадельфийскую академию, на базе которой потом возник Пенсильванский университет.

Он вошел в историю как один из виднейших борцов за независимость человека и сыграл выдающуюся роль в создании Соединенных Штатов Америки и разработке ее первой Конституции. Его имя стоит в ряду таких деятелей американской истории, как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Томас Пэйн.

Он был и универсальным ученым. Его труды по философии и политэкономии снискали ему славу известнейшего политэконома и философа. В области естествознания Франклину принадлежит множество открытий. Он разработал теорию

происхождения штормовых ветров — норд-остов, изучил ширину, глубину и скорость гигантского теплого течения Гольфстрим, сам же дал ему это название и нанес течение на карту.

Однако вершиной научной деятельности этого воистину необыкновенного человека считают выдающиеся успехи, достигнутые им в различных областях физики и особенно в изучении электричества. Он не только создал громоотвод, который правильнее было бы называть молниеотводом, но и создал множество приспособлений, поставивших электроэнергию на службу человека — взрыв пороха электрической искрой, электрическое колесо и многое иное. Он создал лампы для уличного освещения, экономичные «франклиновские» печи, особого рода музыкальный инструмент.

Все это сделало Веннамина Франклина одним из знаменитейших ученых его времени, и многие Академии наук в Европе избрали его своим почетным членом. В 1789 году был он избран и Почетным членом Российской академии наук.

Почетное звание российского академика было последним, которого он удостоился. 17 апреля 1790 года он скончался. Это случилось ровно двести лет назад.



-А ПОТУСОВАТЬСЯ?
-Чего?!

-С РЕБЯТАМИ ПОТУСОВАТЬСЯ НАДО?

-НАДО, ошеломленно согласилась редакция
-Тогда поехали!

Слезыми не выйдешь, к какой-
то тепле распрятный, главный —
под волосами. Есть идея? Милы
тошно? Надоело долбить фор-
мулы и гладить юбочку? Хочет-
ся красивой жизни? Не можешь
понять, где бог и совесть, отче-
го появляются и исчезают чув-
ства? Не знаешь, в чем смысл
жизни? Заедает первая любовь?

В книжке не вытанцовывают
и в самом скучно?

О СУДЬБЕ НА ТУСОВКЕ

Куда, откуда, приле-
жи. Жизнь на тусовке. На ку-
ли конец тусовки полуго, таме
жгод?

Мы открываем читательский
клуб ТУСОВКА для тех, кто
хочет ДУМАТЬ — о себе, о дру-
зьях и врагах, о мире, обще-
стве, о жизни и любви, о смерти
и ненависти.

Только два правила:

1. Нельзя быть на тусовке, а не
лишь для того, чтобы быть
там и не видеться. Нельзя, не
быть.

2. Нельзя быть на тусовке, а не
лишь для того, чтобы быть
там и не видеться. Нельзя, не
быть.

ИТАК, ТУСОВКА ОТКРЫВА-
ЕТСЯ.

Первыми тусуются Илья, Кирилл, Андрей, Лера, она же Валерия, Яша, хипповатый Леша и некто по кличке ТУС, а также Володя из замоскворецкой школы № 507.

Илья: Пора, пора,
Тусовки сердце просит.
А...

ТУС: Ребята, извините за опоздание! Транспорт подвел. Полчаса просидел в автобусе, никак заправиться не могли. Шофер говорит: на бензоколонке — авария. Какие-то хулиганы поработали — не то шланги унесли, не то электропроводку порезали. Вот безобразия, а?

Илья: Это — не хулиганы. Таких случаев в Москве сейчас сколько угодно. Я думаю, испортили бензоколонку жители микрорайона, причем — умышленно. Чтобы не чадили...

ТУС: Тем более — безобразия! Посидели бы сами в холодном автобусе. Есть ведь законные методы борьбы с загрязнением окружающей среды. Митинги, демонстрации. А это просто... саботаж какой-то!

Илья: А если не помогли ни митинги, ни демонстрации?

Володя из 507-й школы: Да еще как не помогли! У нас вот тот же самый случай. Наша 507-я со всех сторон зажата заводами: с одной стороны — химический, с другой — кожевенный, с третьей — по производству дрожжей. Дышать нечем! Воротнички на рубашках через час черными становятся.

Илья: А с четвертой стороны — что?

Володя из 507-й школы: На четвертой сейчас бензоколонку расширяют. Ровно в двадцати метрах от детского сада. А знаете, сколько по нормам положено — 500! Мы специально узнавали.

ТУС: Так вы бы протестовали!

Володя из 507-й: Мы и протестовали. Написали плакаты, пошли пикетировать бензоколонку. И — что? Над нами только посмеялись. Никакого толку. Бензоколонка по-прежнему растет, люди задыхаются. И как это взрослые не могут понять, что здоровье дороже всего? Ведь и директору завода, к примеру, должно быть выгодно, если рабочие не болеют, если не болеют их дети. А сейчас? У нас в классе уже несколько ребят ходят с бронхиальной астмой.

Илья: Надо поставить в пикет детсадовцев. Может быть, тогда этим дядям и тетям стыдно станет.

Володя из 507-й: Стыд не СПИД, как говорят у нас в 507-й.

Тусовка [хором]: Вот это лозунг!

Володя из 507-й: У нас и получше есть, я с собой несколько принес. Вот: «Детский сад + бензоколонка = смерть».

Илья: Это — не выход!

Володя из 507-й: А где, в чем выход? Громить бензоколонки?

Лера: Бессмысленное занятие! А твоему мотоциклу, например, бензин не нужен? Просто начинать надо не со скандала. Вот мы, например...

Володя из 507-й: А кто такие вы?

Лера: Мы — это ребята из Перовского района. Я, Андрей, Олег. У нас в Перове аналогичный вашему случай был. Местные власти решили поставить автостоянку рядом со стадионом. Мы все воспротивились... И — неправильное решение было отменено!

Максим: Ну да! Кто с нами будет считаться?

Лера: С нами — считаются. Знаете, оказывается, взрослые прислушиваются к тому, что говорят их дети. Мы поняли это, когда к нашему району присоединили Косино. Сколько радости было спервоначалу! Ведь в Косино и зелень не чета нашей, и озеро есть, и церкви старинные. Настоящий парк-заповедник. Но недолго мы радовались. Скоро по району разнесся слух, что Косино будет застраиваться. Пошли мы на сход жителей Косина. И — точно! Уникальное место собираются заставить многоэтажными коробками. Жители встали насмерть! Мы — за них!

Володя из 507-й: А ты говоришь, не надо митингов, демонстраций. Вот читайте наш плакат: «Не нужны нам ваши газы, дайте нам противогазы».

СТОП-СТРОКА: НЕ НУЖНЫ НАМ ВАШИ ГАЗЫ, ДАЙТЕ НАМ ПРОТИВОГАЗЫ.

Лера: А мы и не митинговали. Демонстрации, правда, были — слайдов. Мы пошли на предприятия Перовского района, рассказывали о Косино, показывали фото исторических и природных памятников. Чтоб ребят поднять, бывали в школах, техникумах. На косинской трикотажной фабрике попросили выступить детей рабочих. Ребята показали на слайдах, как в озеро сбрасываются промышленные отходы, как загрязняется вода стоками из свинарника и конюшен.

Максим: Ну и что? Толк-то какой?

Лера: По крайней мере, свинарник и конюшню убрали. Так что, не так уж все безнадежно! И автостоянку возле стадиона строить не стали.

Володя из 507-й: Нет, я все-таки за энергичные меры. Пока вы слайды показываете, нам кислород перекрывают.

Лера: Так мы же и хотим сохранить землю и воздух вокруг дома, в котором живем. Пока не поздно...

Максим: Вы хотите, а дядя Вася нет. Ему дрожжи нужней, чем воздух. Он сидит, самогончик пьет. И — плевать ему на нашу землю!

Лера: Так пусть их же дети им скажут: «Родители, что же вы делаете?»

СТОП-СТРОКА: РОДИТЕЛИ, ЧТО ЖЕ ВЫ ДЕЛАЕТЕ!

Максим: Их дети такие же!

Тусовка: Неправда!

Лера: Вот мы и хотим воздействовать на этих дядей Васей.

Володя из 507-й: Слайдами? Нет, лучше уж это! Вот: «Кругом мелькают «хим» и «кож» — микрорайон на ад похож».

СТОП-СТРОКА: КРУГОМ МЕЛЬКАЮТ «ХИМ» И «КОЖ» — МИКРОРАЙОН НА АД ПОХОЖ.

Лера: А мы не только слайдами! И топором, и кусачками, если надо. Мы ведь и начали с расчистки нашего парка «Лосинный остров». Часть его территории незаконно захватили садовые товарищества. Пришлось сносить постройки, заборы.

Илья: Вы ломали то, что кто-то построил своими руками?

Лера: А что поделаешь? К тому же участки выделялись на болотах и — прямо под высоковольтными линиями. Многие члены кооператива даже жаловались на плохое самочувствие, головные боли. Зато теперь на месте шестисоточных «лоскутков» раскинулся ландшафтный парк-заповедник...

Олег: А потом мы занялись и научной работой. Но это уже когда организовались в неформальный клуб «Ноосфера». Для начала составили экологическую карту района, карту растительности и почв. Тут большую помощь нам оказали сотрудники лаборатории экологии и охраны природы МГУ. Провели операцию «Автомобиль»...

Володя из 507-й: (молча выкидывает плакат): «Автомобиль не средство передвижения, а способ массового уничтожения!»

Олег: ...Определили степень загазованности улиц района.

Володя из 507-й: А как это делается?

Олег: Подсчитывали интенсивность автомобильного движения на улице. Это довольно просто. Можем поделиться методикой.

СТОП-СТРОКА: МОЖЕМ ПОДЕЛИТЬСЯ МЕТОДИКОЙ.

Андрей: И вообще постоянно держим руку на экологическом пульсе района. Регулярно берем пробы воды, грунта и отправляем на анализ в лабораторию университета.

Илья: И с властями никаких трений?

Лера: Что вы! Поначалу еще какие стычки были! А сейчас нас уважают. Мы же ни от кого не зависим, говорим все напрямую.

СТОП-СТРОКА: НИ ОТ КОГО НЕ ЗАВИСИМ, ГОВОРИМ ВСЕ НАПРЯМУЮ.

Андрей: Как придем с пробами грунтов и воды — исполком за голову хватается: не может быть! Недавно даже выделили нам помещение — старый дом. Мы сделали там ремонт, привели в порядок садовый участок. Теперь у клуба «Ноосфера» появился уголок, где можно собраться, посидеть за чашкой чая, все обсудить.

Илья: А я вот сижу и думаю, как это им удалось добиться такого уважения к себе. Это — редкий случай!

Лера: Может, нам повезло. Попались неравнодушные работники исполкома. Например, Наталья Валентиновна Гончарова нас поддерживает.

Володя из 507-й: Может, вы просто не касались серьезных вопросов, затрагивающих интересы солидных организаций?

Илья: Вернее, вскрывающих просчеты этих министерств и ведомств.

ТУС: Вот все сейчас говорят — ведомства виноваты. Допустим. Но ведь ведомства это тоже люди, их интересы. Не будут застраивать Косино «коробками» — хорошо! А куда девать сотни, тысячи очередников? Дачный кооператив снесли, сохранили природу. Прекрасно! А о том, что людям взамен предложить, где другие участки взять, кто позаботится? Пушкин? Автозаправочная станция не там стоит? Но ведь и на сломанной бензоколонке далеко не уедешь.

СТОП-СТРОКА: НА СЛОМАННОЙ БЕНЗОКОЛОНКЕ ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ.

Лера: Предлагаю другую стоп-строку: Семь раз отмерь — один раз отрежь. Тогда и ломать не понадобится. Вот задумали у нас в районе расширять завод строительных деталей. Уже и проект составили, затраты прикинули. А потом вспомнили, что рядом и река, и заповедник, и поля совхозные. Как отразится на окружающей среде расширение завода? Тут мы и предложили райисполкому провести деловую игру.

Володя из 507-й: А это что такое?

Лера: Берется проект, и просчитываются все варианты последствий укрупнения завода. Разработку-схему такой игры дали нам в научно-исследовательском центре, что в Тушино. Три месяца готовились мы к игре, выясняли все за и против. На всех директорских колокольнях побывали — и на заводе,

и в совхозе, и в заповеднике. Собрали всю необходимую информацию и...

Тусовка: И?

Лера: Забраковали проект! Но сначала, конечно, собрались и разыграли все по ролям. Андрей был директором «Стройдетали», Олег представлял заповедник, я — совхоз, Миша — цементный завод, наша классная руководительница Елена Александровна олицетворяла исполком. А результаты сдали настоящему председателю исполкома. Между прочим, всю игру записали на «маг». Хотите послушать кусок?

Тусовка: Врубай!

Играй!

Даешь деловую игру!

Лера: Включаю магнитофон!

Магнитофон: Итак, условия деловой игры. На заседании исполкома районного Совета завод «Стройдеталь» ставит вопрос о расширении производственных мощностей. В обсуждении участвуют все заинтересованные стороны: директор завода «Стройдеталь» — Андрей, директор заповедника — Олег, директор совхоза — Лера, директор цементного завода — Миша и предисполкома — Елена Александровна. Внимание! Идет заседание исполкома. Присутствующим разрешается комментировать.

Директор «Стройдетали» Андрей: Товарищи! Расширение завода принесет выгоды всему району, даст толчок развитию прежде всего социально-бытовой сферы. Каким образом? Мы получим хорошую прибыль от реализации нашей продукции. И — после возмещения сделанных затрат — сможем выделить дополнительные средства в «копилку» района. Но — при одном условии...

Комментарий ТУСа: Ага! Вот оно! Начинается...

Директор «Стройдетали» Андрей: Для того, чтобы увеличить производственные мощности, нам потребуется дополнительная теплоэнергия. Необходимо строить новую ТЭЦ!

Председатель исполкома Елена Александровна: А средств на ТЭЦ у вас хватит?

Директор «Стройдетали» Андрей: Только на строительство станции. А на бурение артезианских колодцев денег нет. Поэтому воду придется забирать из реки...

Председатель исполкома Елена Александровна: Что скажут по этому поводу заповедник и совхоз?

Комментарий ТУСа: Держите ушки на макушке, ребята!

Директор совхоза Лера: Назовите объем забора речной воды.

Директор «Стройдетали» Андрей: Цифры забора в норме. На состоянии реки они не отразятся.

Директор заповедника Олег: Еще бы! Ведь сточные воды ТЭЦ уйдут туда же, в реку.

Директор «Стройдетали» Андрей: Даю гарантию, что на территорию заповедника и совхоза сточные воды не попадут. Природа не пострадает.

Комментарий ТУСа: Смотрите, как заливает! Не поддавайся, Олег!

Председатель исполкома Елена Александровна: Это не разговор, товарищи. Не только о совхозе и заповеднике, о всем районе надо думать. Как у вас там дела с очистными?

Директор «Стройдетали» Андрей: Елена Александровна, вы же знаете наши возможности! Очистные сооружения есть, но не в полном объеме. Через годик пустим в эксплуатацию вторую очередь. А пока надо бы потерпеть.

Директор цементного завода Миша: Я считаю, что надо войти в положение «Стройдетали». Финансов у них, действительно, в обрез. Ведь и с нами им делиться средствами придется. В случае расширения «Стройдетали» понадобится дополнительный цемент. Значит, и нам производственные мощности увеличивать...

Комментарий ТУСа: Каждый одеяло на себя тянет. А река? И почему молчит санэпидстанция?

Директор заповедника Олег: Расширять производство цемента? Но промышленная пыль вашего завода загрязняет поверхность реки, способствует замору рыбы. В санэпидстанции лежат сотни сигналов на ваши безобразия!

Директор цемзавода Миша: Вот я и предлагаю выход из положения. Если мы получим от «Стройдетали» дополнительные ассигнования, я часть из них пушу на очистные. Другого выхода у цемзавода пока нет.

Комментарий ТУСа: Хорош выход! В цемзаводе дырку закрыли, на ТЭЦ открыли! Тришкин кафтан!

Директор совхоза Лера: Для увеличения производства цемента потребуется дополнительный песок. Значит, понадобятся новые карьеры? Снова — порча, уничтожение культурного слоя земли.

Директор цемзавода Миша: А вы знаете другой способ изготовления цемента? Я — нет. Между прочим, мы вырабатываем карьер до полного исчерпания ресурсов.

Председатель исполкома Елена Александровна: А почему не засыпаете карьеры? Это ваша обязанность.

Директор цемзавода Миша: Засыплем, Елена Александровна. Кстати, можно утилизировать в них промышленные отходы. А то — под водоемы пустить...

Директор совхоза Лера: Как скажутся дополнительные карьеры на уровне грунтовых вод? Вы нам, товарищи, так все поля высушите.

Директор цемзавода Миша: Честно говоря, таких исследований мы не проводили. Наша недоработка. Проведем, выясним...

Председатель исполкома Елена Александровна: Построим, проведем, выясним. Нет, товарищи, так дело не пойдет. Проект плохо продуман, нуждается в доработке. Вопрос, внесенный на заседание исполкома, считаю неподготовленным. А как вы считаете, ребята?

Володя из 507-й: Согласен.

Максим: И я!

Илья: О чем говорить!

ТУС: Ну а дальше-то что? Как в жизни, а не на магнитоленте решил вопрос с расширением «Стройдетали»?

Лера: Исполком согласился с нашей разработкой. Возможно, мы не были достаточно компетентными во всех поставленных вопросах, но ситуацию в целом оценили правильно. Поэтому проект отложен до...

ТУС: До?

Лера: До новой деловой игры!

ТУС: А нам всем — до новой встречи! Напоминаем, что клуб «Ноосфера» готов поделиться методикой со всеми защитниками окружающей среды. Наш адрес: Журнал «Мы», «Тусовка», ТУСу.

Кстати, забыл представиться. Кто такой ТУС? У каждой тусовки свой король, а у нас ТУС.

Может быть ТУС—Твое Услышанное Слово?

Последнее слово — летописцу Тусовки Илье. Он должен закончить начатую балладу. Итак: Пора, пора...

Илья: Пора, пора,

Тусовки сердце просит...

А мамы все ворчат —

КУДА ВАС ЧЕРТИ НОСЯТ!

«Мы» — для тех, кто уже
прощается или уже простил
с самой лучшей
самой беззаботной порой
нашей жизни — детством.

«Мы» — для тех,
кто сделал шаг в зрелость,
в пору взрослости,
когда все вопросы — главные,
все проблемы — важнейшие;
надо отвечать, надо решать.
Кто это сделает? Вы сами!
И еще — «Мы»,
ибо «Мы» — для нас.



29-31



ЦЕНА 80 КОП.

ИНДЕКС 70554